

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 06413 742 3

**Boston Public Library
Boston, MA 02116**

ПАРИСУЛА ЛАМПСОС
ЛЕНА КАТАРИНА СВАНБЕРГ

ПОСЛА
1905 г.

PARISOULA LAMPSOS
LENA KATARINA SWANBERG

MITT LIV MED
SADDAM

Серия «Документ»

ПАРИСУЛА ЛАМПСОС
ЛЕНА КАТАРИНА СВАНБЕРГ

НЕПОКОРЕННАЯ

МОЯ ЖИЗНЬ С САДДАМОМ ХУСЕЙНОМ

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва • 2011

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Л21

Перевод со шведского Е. Н. Хохловой

Лампсос, П.

Л21 Непокоренная. Моя жизнь с Саддамом Хусейном / П. Лампсос, Л. К. Сванберг ; [пер. со швед. Е. Н. Хохловой]. – М. : РИПОЛ классик, 2011. – 400 с. – (Документ).

ISBN 978-5-386-02684-4

Парисуле Лампсос было всего шестнадцать лет, когда судьба свела ее с Саддамом Хусейном. Эта встреча оказалась для нее роковой. Состоятельные родители прочили своей единственной дочери другое будущее, но Парисула не смогла устоять перед обаянием самого влиятельного мужчины в Ираке. Тридцать лет Парисула Лампсос провела рядом с одним из самых жестоких тиранов в истории двадцатого века, прежде чем ей представился шанс сбежать. История этой сильной и страстной женщины, которой всю жизнь пришлось расплачиваться за то, что она выбрала не того мужчину, предстает на фоне событий, происходивших в те годы на Ближнем Востоке.

Данное издание выходит также отдельным изданием под названием «Я женщина Саддама».

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

Фотография на обложке © Anna Emilia Lundgren
© Parisoula Lampsos and Lena Katarina
Swanberg, 2010. First published by Forum
Bokförlag, Stockholm, Sweden. Published
in the Russian language by arrangement
with Bonnier Group Agency, Stockholm,
Sweden and OKNO Literary Agency, Sweden
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2011

ISBN 978-5-386-02684-4

Предисловие автора

Осенью 2004 года, спустя три года после террористической атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и за полгода до вторжения войск США и их союзников в Ирак, американский телеканал Эй-би-си показал интервью с гречанкой из Ирака Парисулой Лампсос, представленной зрителям как «любовница Саддама Хусейна». Это интервью не могло не привлечь повышенного внимания.

Потому что эта женщина на самом деле была любовницей Саддама Хусейна. Хотя ее сложные отношения с кровавым иракским диктатором трудно назвать обычной любовной связью. Тем не менее, их отношения длились больше тридцати лет, хотя были периоды, когда они не виделись друг с другом.

В тот период, когда я брала у Парисулы интервью, необходимое для написания этой книги, я просмотрела интервью для Эй-би-си, записанное в Бейруте, где тогда скрывалась Парисула. Меня поразило, что при про-

смотре этого порезанного телевизионщиками материала создается впечатление, что «любовнице Саддама» не составляет никакого труда рассказывать о своей жизни в тени кровавого диктатора. Сама же я все время боялась задать неправильный вопрос и причинить ей боль, разбудив воспоминания о прошлом. Ведь старые раны продолжают болеть, как бы вы ни пытались забыть прошлое. Посреди беседы Парисула вдруг вскакивала и начинала мыть посуду или искать что-то в холодильнике. В такие минуты она могла съесть все, что угодно, даже целую банку маринованных огурцов. Она курила сигарету за сигаретой, крошила хлеб, плакала. Плакала, плакала, плакала.

Иногда я звонила издателю и просила помощи. Я не психотерапевт, говорила я, а этой женщине он необходим. Несколько раз я спрашивала у Парисулы, действительно ли ей хочется увидеть эту книгу изданной. Действительно ли у нее хватит сил так детально рассказать о своей жизни, чтобы я смогла написать об этом книгу. И действительно ли она хочет, чтобы эта книга была написана.

Этим я зарабатываю себе на жизнь. Я беру истории реальных людей и превращаю их в книги. Я стараюсь добыть как можно больше информации из других источников, чтобы задавать правильные вопросы, но моя главная задача — слушать, без конца слушать, как человек сам излагает историю своей жизни. Моя цель — написать правдивую книгу. Правдивую не только для того, кто рассказал мне свою историю, но также для его близких и для читателей. У меня нет никаких иллюзий

насчет того, что в жизни не только одна правда. Мне известно, что мнение одного человека всегда односторонне: мозг отбирает то, что его устраивает, отбрасывая лишнее. Память не в состоянии хранить все, особенно самые болезненные подробности. И сколько бы я ни сказала в книге, мне никогда не сказать всей правды ни о том, что случилось в реальности, ни о том, что мне довелось узнать.

Чаще всего я задавала Парисуле один и тот же вопрос:

— Почему? Почему ты так сделала?

Она отвечала:

— Я не хотела умирать.

И каждый раз ответ ее сопровождался тяжелым взглядом, полным отчаяния и упрямства.

Парисула Лампсос долго ждала выхода этой книги. Она считает слова «любовница Саддама» оскорбительными для себя и хочет объяснить всему миру, что происходило на самом деле. Мы сидели за столом у нее на кухне и разговаривали по-английски, хотя родными для Парисулы являются греческий и арабский, а для меня — шведский. Не всегда она правильно истолковывала мои вопросы. Иногда я неправильно понимала ее ответы, но не сдавалась, пока мы не находили взаимопонимания. Мы говорили столько, сколько требовалось. В трудных случаях Парисула звонила друзьям и родственникам по всему миру и давала мне поговорить с ними.

Были вещи, о которых Парисуле было трудно говорить, поэтому мы в самом начале решили менять пред-

меты разговора с легких на тяжелые, невзирая на хронологическую последовательность событий. Чем дольше я слушала Парисулу, тем большим чудом мне казалось то обстоятельство, что она и ее трое взрослых детей до сих пор живы.

И еще одно: по тексту дается фактическая информация, набранная курсивом. Она предназначена для того, чтобы облегчить чтение тем, кто мало знает об Ираке и Ближнем Востоке, и показать, какую роль сыграла личная жизнь Парисулы в истории этого региона.

Кстати, Парисулу я знаю как Марию. Это имя ей дали американцы, и она продолжает использовать его в Швеции, где живет под защитой спецслужб и фальшивого имени. Имя Парисула, как и эта книга, принадлежит прошлому, а Мария — настоящему. Мария Лампсос живет в Швеции. Она существует.

*Стокгольм, 2 марта 2010 года,
Лена Катарина Сванберг*

Устраха много лиц, и я знаю их все. Самый худший из страхов — это страх за детей. За ним идет страх за себя, за свою жизнь. У меня волосы встают дыбом при одном воспоминании о побеге из Ирака. О той подземной тюрьме в Курдистане, куда меня заперли. Темная лестница вниз к камерам. Тишина. Метание в четырех стенах. Молчаливые люди в традиционной одежде, пожирающие меня глазами. Охранники, следящие за каждым моим движением.

Я доверилась Господу. Как всегда это делала. Он всегда был рядом, и я говорила с ним, как с другом. Я до сих пор это делаю.

Страх — это палка о двух концах. Другой конец называется смирение.

Впервые я встретила Саддама Хусейна в шестнадцать лет. Я не была готова к этой встрече: никто не смог бы сказать мне за всю мою жизнь, какой оборот она примет после того вечера. До лета 1968 года в моей жизни все шло своим чередом. Боялась я только одного — что кто-то из моих родителей или семи братьев на меня рассердится. Что я, единственная дочь и сестра, сделаю что-то, что навлечет позор на всю мою семью.

Какое это было счастливое время. Как все было просто и понятно.

Я никогда не была красавицей. Но я была миловидной — с большими карими глазами, округлыми формами, гладкой кожей и длинными золотистыми волосами до талии. Трудно выразить словами, что именно делало меня привлекательной в глазах мужчин. Один родственник как-то попытался объяснить это моим детям:

— Когда по улице в Багдаде шла ваша мама, все бросали дела и шли на нее полюбоваться!

И это чистая правда. Я всегда выделялась из толпы других девочек. Я не шла, я танцевала. Я вся светилась от счастья, мои бедра покачивались сами собой, словно в танце.

Мама меня предупреждала:

— Не ходи так, Пари! Прекрати это! Держи спину прямо, колени вместе! Руки должны свободно лежать вдоль тела.

А когда я пыталась выполнить ее приказ, мама не могла удержаться от смеха. Мои ноги продолжали жить своей собственной жизнью. Но тогда я была не способна понять, какие чувства вызываю у других. Я жила как принцесса из сказки в моем безопасном мире. У нас был прекрасный дом с чудесным садом в лучшем квартале Багдада. Наш садовник так подбирал цветы, чтобы в любое время года наш сад был в цвету. У нас был повар и другая прислуга. Шофер возил нас на дорогой машине в школу и в частный клуб «Альвия», в котором у нашей семьи было элитное членство. Автомобили у нас были только марок «Де Сото»¹ и «мерседес». Отец вращался в высших кругах, где пользовался почетом и уважением. Среди наших соседей были лучшие иракские семьи, большинство — такие же христиане, как и мы. Также в нашем квартале располагались посольства других стран и представительство Красного Креста.

Все в нашей жизни было так, как надо, и у каждого была своя роль. Отец был часто в отъезде по делам, а мама занималась домом. Свободное время мы проводили в клубе, общаясь с багдадской элитой. Вечеринки, ужины, бассейн, теннис, волейбол, коктейли с алкоголем и без, рестораны — у нас было все, о чем можно

¹ «Де Сото» — автомобильная марка американского концерна «Крайслер»; выпускалась с 1928 года. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

было мечтать. По четвергам устраивались вечеринки для тинейджеров. Мы танцевали, влюблялись, пили «Фанту». По пятницам вся семья ужинала в клубе. После ужина отец играл в карты с друзьями, а мама болтала с подружками.

Мои братья охраняли мою честь. Когда мы шли, они всегда окружали меня со всех сторон. Меня защищали законы и устои, и вся моя жизнь подчинялась правилам, так что не оставалось поводов для сомнений или неуверенности.

На меня возлагались большие надежды. И от меня ждали покорности. От того, насколько мне удастся сохранить невинность, зависело мое будущее и честь моей семьи. Опозорь я свою семью, мне не было бы прощения. В моем целомудрии была моя сила, и по любому поводу я бежала к маме за советом.

Деньги меня не интересовали, потому что в них никогда не было недостатка. Стоило мне рассказать в слезах папе, что я потеряла дорогие часы, он в тот же день покупал мне новые. Но раз в неделю мне нужно было помогать дома с уборкой или готовкой. Мама считала, что так я научусь смирению.

— Ты такая же, как все остальные, Пари, — говорила мне мама. — Ты обычный человек.

Такой была моя жизнь до встречи с Саддамом. Я вела беззаботную светскую жизнь в Багдаде. Я ничего не знала о политике, называла себя *europé* — европейкой, потому что моя семья придерживалась греческой православной веры. Контраст между мной и Саддамом Хусейном не мог быть разительнее.

Когда мы встретились, ему было около тридцати. Но разница в возрасте не играла такой роли, как различие в нашем происхождении. Саддам родился в бедной семье в деревне под Тикритом, к северу от Багдада. Его отец то ли умер, то ли пропал без вести еще до рождения Саддама. Мать снова вышла замуж, и большую часть детства Саддам провел в доме дяди в Багдаде.

Между моей жизнью и жизнью Саддама была колоссальная разница, и это ставило меня в невыгодное положение. Саддам знал жизнь и постоянно стремился взять реванш за обиды прошлого. Я же не знала ничего, кроме роскоши и того, что мне говорили родители. Я гордилась своей семьей, своим происхождением и знала, что такое уважение. На самом деле наши душевные силы были равны, даже если со стороны и казалось, что Саддам сильнее меня.

Часто я задаюсь вопросом, почему я до сих пор жива. Почему я осталась в живых, в то время как множество людей из ближайшего окружения Саддама погибли. И я по-прежнему не знаю, что во мне тогда привлекло Саддама. Наверно, в его мире я тогда была единственным человеком, который не боялся быть собой в его присутствии.

Разумеется, это обстоятельство изменилось, когда я узнала, кто он. Но тем первым вечером, тем судьбоносным пятничным вечером в августе 1968 года, я ничего не знала, и это и решило мою судьбу.

— Никогда не меняйся, Парисула, — часто говорил мне Саддам. — Оставайся всегда такой, какая ты есть.

Огромный сад моего отца, как и все другие сады в нашем квартале, был окружен высокой стеной. Чтобы попасть к соседям, приходилось обходить почти весь квартал. Но мама разрешала мне иногда перелезть через внутреннюю стену пониже и навещать наших соседей — армянских христиан. Соседа звали Харут Аль-Хайят. Он шил элитную одежду под маркой, носившей его имя. Жёну Харута звали Джина. Ей было около двадцати, и маме она нравилась. Вот почему Джина иногда приходила к нам в гости поболтать. Семьями мы не дружили, но мы с Джиной часто переговаривались через стену между нашими садами.

Харут маме не нравился. Я тогда не знала почему, сегодня я знаю. Он уже тогда входил в окружение Саддама Хусейна, что объясняет мамину неприязнь к нему. Знала ли она о Харуте что-то, что не знали другие? Знала ли она всю правду о браке Харута и Джины?

Позднее я часто сталкивалась с Харутом, приближенным к Саддаму и партнером по картам его сыновей Удея и Кусея. Когда я попадалась Харуту на глаза, он хохотал, приговаривая:

— Твоя мать мечтала меня отравить, Пари!

Это было правдой. И в тот вечер, когда Джина пригласила меня составить ей компанию, у мамы было плохое предчувствие. Моя мама потом называла нашу с Саддамом первую встречу «несчастливым случаем». Она корила себя за то, что отпустила меня тогда развлечь Джину, сказавшую, что одной ей будет скучно принимать друзей мужа. Она сказала, что все, что от меня потребуется, это помочь ей приготовить таббулех¹ и подать его гостям. Тогда мама ответила отказом. Твердо сказала: «Нет». Как хорошая соседка, она может попросить повара все приготовить и послать в дом Джины, — но я останусь дома.

Я долго ее упрашивала:

— Мама, ну чего ты боишься? Я только буду с Джинной в соседнем доме. Мы просто поджарим рыбу на гриле и поедим!

Все мамины реплики я знала наизусть: «Не пей из открытых бутылок», «Не оставайся наедине с мужчиной», «Опускай глаза, когда на тебя смотрят», «Не позволяй целовать себе руку, а то забеременеешь»...

Клянусь, я верила ей. Никто не рассказывал мне о том, что происходит между женщиной и женщиной, и я слишком уважала свою мать, чтобы сомневаться в ее словах. Она распоряжалась в отцовском доме и часто говорила мне, что лучшая подруга для девушки — ее мама. Почему? По двум причинам: мать не будет ревновать дочь, и мать всегда скажет правду.

¹ Таббулех — блюдо из дробленой пшеницы или кускуса, распространенное на Ближнем Востоке.

Однажды я ушла к подружке, пообещав маме быть дома в девять. Я опоздала минут на десять, и мама была в ярости. Она схватила меня за волосы и начала бить. Два дня я должна была провести запертой в комнате в наказание за проступок. Опаздывать было нельзя. И меня полагалось наказать, чтобы я хорошенько это запомнила и в следующий раз соблюдала правила, установленные в нашем доме.

Сегодня я допускаю мысль, что идея пригласить меня в тот вечер принадлежала не Джине, а Харуту. Состоятельные клиенты Харута были элитой Багдада, и ему прекрасно было известно, что Саддам Хусейн восхищается всем западным и обожает роскошь. К тому же он был прекрасно осведомлен о страсти Саддама к юным девушкам, может, в задачу Харута входило также поставлять ему самых юных и красивых. Таких, как я.

У Харута были все причины угождать человеку, который скоро будет заправлять всем в Ираке. И в тот вечер я стала новым подарком для будущего диктатора.

Со вздохом мама сдалась. Она сказала, что будет ждать меня, поглядывая на стену. Я принарядилась, надев розовое платье с верхом в виде корсажа и пышной юбкой, в котором мне очень нравилось кружиться. Я расчесала волосы до блеска и, оставив их распущенными, охватила розовой шелковой лентой. На щиколотках — золотые браслеты, на руках — тоже. Серебристые туфельки. Капелька любимых духов

Je reviens. Довольная собой, я побежала к маме покрасоваться.

— Так нарядилась, чтобы подавать таббулех? — удивилась мама.

Сейчас я словно вижу ее перед собой такой, какой она была тогда. Одетая в черное, она сидит на стуле, сложив руки на коленях. В глазах тревога:

— Не ходи в таком виде, Парисула. Я тебе запрещаю. Ты остаешься дома.

Снова вопросы. Снова вздохи. Кто придет? Где будете сидеть? Что есть? Парисула, мое сердце чувствует, что это плохая идея.

Но в конце концов я перелезла через стену в розовом платье с пышной юбкой и с миской таббулеха в руках. Мне удалось уговорить маму, и я предвкушала веселье.

Социалистическая партия «Баас» была создана в сороковые годы в Сирии¹, чтобы противостоять политике колонизаторов, в те годы главенствующей в большинстве арабских стран. В переводе с арабского «Баас» означает «возрождение», новое начинание, и партия придерживалась социалистических и националистических взглядов.

¹ «Баас» — общеарабская политическая партия, основанная 7 апреля 1947 года. Другое ее название, принятое, правда, чуть позже, — Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ). «Баас» придерживалась арабского национализма и ставила себе целью создание единого арабского государства. До сих пор «Баас» находится у власти в Сирии.

Вначале у сирийской партии было немного сторонников в Ираке, но с годами ее влияние росло. Тем не менее, Саддам Хусейн быстро прибрал власть к рукам, и первоначальные идеи партии потеряли свое значение.¹ Но именно «Баас» Хусейн обязан своей политической карьерой.

Иракское отделение партии «Баас» строилось на крови. Бесконечная борьба за власть между различными военными группировками шла непрерывно. Внутреннюю оппозицию возглавлял Ахмед Хасан аль-Бакр, которому предстояло стать предшественником Саддама Хусейна на президентском посту.

Ахмед Хасан аль-Бакр пытался с помощью Саддама Хусейна совершить государственный переворот, но они оба были арестованы. Аль-Бакра освободили по состоянию здоровья, а Хусейну удалось в 1966 году сбежать в Египет. В 1968 году аль-Бакр совершил новый переворот, в результате которого «Баас» пришла к власти в Ираке, и он был назначен президентом. На тот момент у Саддама Хусейна уже было прочное положение в партии. И чем старше становился президент аль-Бакр, тем больше росло влияние Хусейна.

Из дома Харута доносилась граммофонная музыка. Поставив тарелку с табулехом в кухне, я взяла дру-

¹ Утверждение не совсем верно — социализм и арабский национализм остались среди приоритетов партии «Баас».

гую — с чипсами, которую мне дала Джина, и прошла в салон, чтобы лучше слышать музыку. Чувственный голос Синатры наполнял комнату. «Strangers In The Night». Моя любимая песня.

Харут взял меня за руку, приглашая на танец. В голове пронеслась мысль: «Мама убьет меня, если увидит!» Но мне было только шестнадцать, и мне хотелось танцевать. Харут закружил меня в танце, юбка раскрылась как цветок, и я рассмеялась.

В этот момент в салон вошли гости. Трое мужчин. Один сразу меня заинтересовал. Одет он был очень элегантно: синий шелковый костюм и белоснежная рубашка. Саддам Хусейн. Но прежде всего я обратила внимание на его глаза. Никогда я не видела таких необычных глаз. Старинное серебро, червонное золото. Его глаза блестели, как металл. Через секунду я сказала ему:

— У вас глаза, как у зверя. Такой холодный взгляд.

Любой другой за такие слова был бы приговорен к смерти. Но Саддама они только рассмешили. Моя откровенность его развеселила, наверно потому, что он привык к тому, что все вокруг его боятся. Саддамом Хусейном восхищались, и его боялись. Все были наслышаны о его жестокости. Жизнь любого человека из его окружения могла в любой момент закончиться. Причем ужасным образом.

Но я тогда понятия не имела, кто такой Саддам Хусейн. Именно это незнание и стало моей силой, потому что, когда я познакомилась с Саддамом, мне было только шестнадцать, и меня не страшило ничего, кроме

того, что мама узнает, что я танцевала. В нашем доме было запрещено обсуждать за обеденным столом и политику, и религию как в компании гостей, так и в семейном кругу.

— Это только провоцирует ссоры, — говорил обычно отец.

Каждый раз, слыша голос Синатры, я вспоминаю свою первую встречу с Саддамом. Он тогда взял меня за руку, как до этого Харут, и закружил по комнате. Розовая юбка взлетела, но он не отпускал меня, продолжая кружить, пока не прижал к своей груди так, что моя спина выгнулась.

— Отпустите меня! Отпустите!

Я была одновременно возмущена и напугана. Мама убила бы меня, если бы увидела, как меня прижимает к себе мужчина, да еще мусульманин. Подтверждением этого был ужас в глазах Джины, появившейся в дверях кухни.

Сегодня я почти не сомневаюсь, что Харут специально так все подстроил, чтобы я танцевала в тот момент, когда вошел Саддам. Но тогда... Тогда я была слишком наивна. Воплощение невинности. Все произошло так быстро, что я не успела ничего сообразить. У меня не было никакой возможности помешать случившемуся.

Я чувствовала на себе взгляды телохранителя и третьего мужчины, который, как мне теперь известно, был сводным братом Саддама. Его звали Барзан Ибрагим

ат-Тикрити. Этому человеку предстояло стать в будущем главой «Мухабарат» — службы иракской разведки. Его лицо, все в оспинах, и злые глаза пугали меня. Я интуитивно почувствовала исходящее от него зло и с мольбой в глазах посмотрела на Джину. «Помоги мне!» — умоляли мои глаза, но от Джины веяло холодом. Она на меня злилась. За что? Что я не так сделала?

— У тебя красивые глаза, — заметил Саддам, отпуская меня.

— Мне пора домой, — сказала я.

— Ты не хочешь узнать, кто я?

— Джина? Мама звонила?

Саддам быстро отдал распоряжения брату и телохранителю, которые смотрели на меня с нескрываемой алчностью во взгляде. Приказ касался меня. Как я позднее поняла, Саддам тогда сказал им, что теперь я принадлежу ему и что никто не имеет права так на меня смотреть. Никогда.

Мне стало не по себе. Я понимала слова, но не понимала их значение. Язык взрослых все еще был для меня загадкой.

Я снова попыталась встретиться с Джиной глазами. Разговаривать глазами — обычное дело в арабском мире. Глаза могут сказать больше, чем слова, и они никогда не лгут. В глазах Джины читалась только ярость.

Что же мне делать? Только мама могла мне помочь. Всю жизнь меня учили соответствовать связанным со мной ожиданиям. Хорошо воспитанная девочка не должна никому создавать проблем — это я хорошо усвоила с детства. Как вести себя с мужчиной, который

касается меня так, словно я его собственность? Моих рук, спины, талии... И тут к моему ужасу Саддам склонился и поцеловал мне руку.

Через мгновение рядом со мной уже стояла Джина. В глазах ее застыл лед. После еды мне было сказано, что я должна идти домой.

— Забудь этого мужчину, Парисула. Забудь, что вы встречались.

Сегодня Джина живет в США. Как бы мне хотелось, чтобы она в тот вечер выразилась яснее. Это все изменило бы.

Но стоило ей отойти, как Саддам взял меня за руку и вывел в сад. Я чувствовала его теплую ладонь на своей спине. На фоне бархатно-черной ночи в лунном свете выделялись колонны на террасе. В воздухе пахло розами. Слуги равномерно распределили раскаленные угли под грилем, чтобы запекать рыбу, и бросили на них ароматные травы.

Все мысли о маме улетучились. Вечер действительно получился полным приключений. Конечно, Джина продолжала смотреть на меня так, словно больше всего на свете ей хотелось, чтобы я исчезла. Но откуда мне было знать, что Джина — одна из многочисленных любовниц Саддама? Что я тогда могла знать об искусственном браке, который устроил Саддам, чтобы держать свою любовницу под контролем. Ничего. Я ничего не знала.

Саддам Хусейн знаком велел мне сесть рядом с ним. Еда была великолепной. Я сидела, как зачарованная, и смотрела, с каким уважением все относится к Саддаму. Он же держался спокойно и уверенно, привычный к такому обращению.

Мне казалось, что таким и должен быть настоящий мужчина. Этому меня тоже учили с детства. Таким был мой отец, и такими стремились стать мои братья. Но больше всего меня интересовало то, как Саддам на меня смотрел. Как взрослый мужчина на красивую женщину. Мне стало любопытно. Кто он такой, этот Саддам Хусейн, с которым обращаются как с принцем крови?

В арабском мире существуют символические действия, на которые нужно обращать внимание, чтобы понимать, что *на самом деле* происходит. Недостаточно понимать арабский язык. Недостаточно уметь читать по глазам. В арабских странах нужно еще и владеть языком символов.

Мы ели карпа, выловленного в Тигре и приготовленного с таким искусством и с использованием таких приправ, как умеют только одни иракцы. У карпа за головой есть кусочек мякоти, который традиционно считается вкуснее и нежнее других частей рыбы. Он называется лугмат аль-сайад — дар рыбака. Предложить кому-то именно этот кусочек означает оказать большую честь. В зависимости от обстоятельств, такой жест может выражать уважение, любовь, дружбу или верную преданность.

Само собой разумеется, этот кусочек отрезал именно Саддам Хусейн. Его положение давало ему такое

право. Поразительным же было то, что, отрезав лугмат аль-сайад, Саддам повернулся ко мне и сказал:

— Открой рот!

Все замерли. Гости были прекрасно осведомлены о символике этого жеста. Не говоря ни слова, Саддам дал всем понять, что я принадлежу ему. Навсегда.

Но Саддам сидел слишком близко. Меня это тревожило. Я пыталась все время отодвинуться, но он легко притягивал меня обратно. Он был сильным мужчиной, и поэтому я очень обрадовалась, когда Джина вернулась из кухни и сказала:

— Твоя мама звонила. Тебе пора домой.

Джина солгала, и я это знала, но я была ей благодарна. Я мигом вскочила. Саддам рассмеялся и снова меня усадил.

Я была в ярости. Кем он себя мнит? Я знала, что арабы считают всех европейек шлюхами. Но я гордилась моей греческой семьей и хотела, чтобы ко мне относились уважительно.

— Вы мне не муж и не жених! — прошипела я. — Я не должна вас слушаться.

Воцарилась мертвая тишина. Гости затаили дыхание. Как я посмела? Но Саддам только рассмеялся: моя дерзость его забавляла.

Я жила в сетях, умело расставленных этим человеком, до того дня, как поняла, что он замышляет мою смерть. Много раз я слышала, как Саддам со смехом заявлял, что отрежет мне язык. Много раз он говорил мне, что я всегда должна оставаться такой же смелой и

свободолюбивой девушкой, какой была, когда мы с ним познакомились.

Бесчисленное количество раз.

— Я провожу тебя домой. — Саддам поднялся с подушек одним плавным кошачьим движением.

Ни за что на свете. Я чуть не потеряла сознание от ужаса. Что скажет мама, если незнакомый мужчина перелезет со мной через стену. Кого она убьет первым? Его или меня?

Джина вмешалась, объяснив, что моя мама очень строгая, и у меня будут проблемы, если мужчина, не являющийся кровным родственником, проводит меня домой...

Саддам нетерпеливо отпихнул ее в сторону. Он собирается прогуляться со мной по кварталу и не примет никаких возражений.

Я сдалась. Что я могла сделать? Главное, чтобы мама нас не увидела, а она, как я сильно подозревала, сейчас следила за стеной, окружавшей сад.

Впервые в жизни я шла ночью по пустынной улице в своем розовом платье вдоль стен, окружавших виллы с садами. Я сняла туфли, чтобы мама не услышала стук каблучков, и шла на цыпочках, как Золушка, сбежавшая с бала.

За мной шел Саддам, а по его пятам — телохранитель. Саддам выглядел молодо и стильно со своими черными усами. Оборачиваясь, я встречала его довольную улыбку и шептала:

— Не так близко!

У самых ворот Саддам остановил меня и взял мои руки в свои.

— Иди, пока я не передумал, — сказал он.

Я в упор посмотрела на Саддама. Что он имеет в виду? Темные глаза были совсем близко. Я повернулась и побежала со всех ног.

Ступив на веранду, выходящую в сад, по-прежнему с туфлями в руках, я увидела сцену, которую я никогда не забуду. Мама, взобравшись на стул, заглядывала в соседский сад, откуда слышны были крики: Джина с Харутом ссорились.

Услышав, что я пришла, мама резко обернулась. Откуда ты взялась? Почему я тебя не видела? Почему ты так поздно? Почему с улицы? Почему ты не подошла к телефону, когда я звонила? Вопросы сыпались один за другим.

Я так нервничала, что не могла сохранять смиренный вид. Снаружи раздался шум мотора, хлопнули дверцы, и машина тронулась. Мама напряглась. Кто это? Чья эта машина? Что она там делала?

Магия закончилась. Саддаму удалось очаровать меня на короткое время, но мамины вопросы это быстро исправили. Я начала переминаться с ноги на ногу.

— Мама, я устала. Я хочу пойти спать.

— Ты лжешь, Парисула! По глазам вижу, что ты меня обманываешь. Но это подождет до завтра.

За завтраком мама объявила мне, что с сегодняшнего дня мне запрещено навещать Джину с Харутом, и что меня не будут пока брать в клуб. Я должна оставаться в своей комнате, и если я ослушаюсь, мама расскажет обо всем отцу и братьям.

Я не сопротивлялась. Скорее была благодарна за то, что могла вернуться к моей привычной жизни. Меня пугала моя собственная реакция. Почему, когда Саддам смотрел на меня, у меня слабели ноги?

Когда одна из моих кузин Катерина, которую мы все звали Кети, навестила меня двумя днями позже, я рассказала ей о своих страхах.

— Он курил сигары и пил виски, — сказала я, наморщив нос, — он совсем не из нашего круга... и низкого происхождения.

Но, говоря это, я уже знала, что именно это меня и притягивало в Саддаме. Он был взрослым мужчиной. Не мальчиком. Он одновременно меня манил и пугал.

Через пару дней мы с мамой сидели на веранде, когда раздался звонок телефона. Мама напряглась: надеюсь, это не Харут.

— Клянусь, Парисула, я убью тебя, если ты еще раз с ним заговоришь...

Вздохнув, я взяла трубку. Услышав голос Саддама, я в панике бросила трубку.

— Ошиблись номером, мама.

— Ошиблись номером?!

Мама всплеснула руками и закатила глаза. С того вечера меня словно подменили, сказала она. Почему на мне лица нет? Кто звонил? Почему я прячу взгляд? Я должна ей все рассказать, даже если ей придется привязать меня к стулу и держать так месяц, пока я не признаюсь.

Когда телефон зазвонил в следующий раз, я была одна в комнате. Я снова пришла в ужас, но Саддам строго сказал, чтобы я не смела бросать трубку, когда он звонит.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет, не знаю, и вам не следует мне звонить.

— Я хочу увидеть тебя, Парисула!

— Ни за что! Мама убьет меня!

— Я Саддам. Для меня не существует слова «нет». Ты моя, Пари. Ты — как созревший плод, сочный, сладкий и готовый упасть мне в руку...

Витиеватая восточная поэзия меня не впечатлила.

— Никакой я не плод! Мама тебя убила бы, если бы слышала это!

— В пятницу вечером, в восемь часов, в клубе, — произнес Саддам низким чувственным голосом, от которого меня бросило в жар. И положил трубку.

Нет, я не хотела с ним снова встречаться. Но я знала, что эта встреча неизбежна. Неужели мне снова придется лгать маме? Я боялась последствий. Никто из чужих еще ни разу меня не целовал. Но желание быть рядом с Саддамом было сильнее меня. Оно и решило мою судьбу.

В годы моей молодости все было по-другому. Как и в Бейруте, в Багдаде в те годы, когда там жила наша семья, были очень сильны этнические, экономические, культурные и религиозные различия между социальными группами. Мужчины жили в своем мире, женщины в своем, и никто не подвергал это сомнению. Для женщин существовало много запретов, и не было ничего удивительного в том, что с девочками обращались не так, как с мальчиками. Эти правила были неписаными, но все их соблюдали.

В детстве я знала, что за меня все решает мой отец. В будущем решения должен был принимать мой муж.

Это была общепринятая иерархия власти. В моем случае на вершине иерархии стоял Саддам Хусейн. Но поняла я это слишком поздно. И отцу, и впоследствии мужу это принесло только страдания.

Стоит также упомянуть, что со временем власть Саддама Хусейна распространилась на жизнь каждого иракца. Он стал настоящим диктатором. Над ним же нависала невидимая рука, принадлежавшая США. Она давала и отбирала. Ласкала и била. И убивала, когда считала это нужным.

Я не разбираюсь в политике и не очень ею интересуюсь. Но мне кажется, что мы многое потеряли, когда вышла из моды традиционная женственность, — потому что она содержала в себе важные для человеческого существования вещи: ответственность за несколько поколений, стол, лечение, утешение, понятие о том, что хорошо или плохо, заботу о детях.

В те времена женщины много мечтали. Мечтали о счастливой жизни. О безопасности и стабильности. Я скучаю по той женственности, по чувственности и эмоциональности, какие были свойственны миру женщин, в котором я жила. Сейчас я ценю свою экономическую независимость, но тогда все, что мне было нужно, — это слова, взгляды, легкие касания. При встречах говорили не только тела, но и души людей. Сегодня для людей заняться сексом так же просто, как сказать «доброе утро», и мне это кажется неправильным. Люди, особенно женщины, устроены совсем по-другому.

Я по-прежнему верю в то, что женщина должна принадлежать одному мужчине: это мне внушали с детства, и странно было бы, если бы я думала по-другому. Мое воспитание сделало меня такой, какая я есть. Моей племяннице около тридцати. Она позвонила недавно из Греции и сказала, что хранит невинность до замужества, но теперь это превратилось в проблему.

— Тетя, стоит мне рассказать мужчине, с которым я знакоюсь, что я еще девственница, как он бежит от меня со всех ног. Мужчины думают, что со мной что-то не так. Что мне делать?

Я засмеялась, но потом посоветовала племяннице поменьше болтать. Каждая женщина должна уметь быть практичной.

— Если тебе мешает твоя невинность, избавься от нее!

Клуб «Альвия» находился в центре нашей семейной и социальной жизни. Вступить в него могли только самые успешные, богатые и уважаемые люди, занимающие высокое положение в иракском обществе. Вот почему стать членом этого традиционного клуба означало быть одобренным и принятым моей семьей.

В клубе я познакомилась с молодой женщиной по имени Фарьял. Наши семьи тоже были знакомы. Родные Фарьял были христианами из Армении. Я часто сталкивалась с Фарьял в клубе. Мы купались в одном из трех бассейнов, сплетничали, ужинали, пили коктейли...

Сегодня, вспоминая свои первые свидания с Саддамом, я смотрю на все иначе. Теперь-то мне известно, как он имел постоянный доступ к молодым и красивым девушкам, — а потом и его сыновья. У мужчин из их клана были специальные сотрудники, в обязанности которых входило находить и поставлять самый свежий и привлекательный товар. Они заманивали девушек обещаниями или просто угрожали им пытками. Важен был результат, а не средства. Не думаю, что со мной что-то было по-другому.

Единственное отличие меня от них было в том, что наши с Саддамом отношения не закончились, а продолжались на протяжении десятилетий.

О браке не могло быть и речи. Во-первых, Саддам Хусейн был в Ираке первым человеком, и он не пожелал бы жениться на иноверке. Во-вторых, моя семья не приняла бы его никогда. И в-третьих, он уже был женат. Я же никогда не хотела выйти за Саддама. Ни за что в жизни. Мне было даже жаль его жену Саджиду.

А чего хотел сам Саддам?

— Ты всегда будешь моей, — говорил он. — Я убью тебя прежде, чем расстанусь с тобой.

В пятницу Саддам снова позвонил. Мама взяла трубку, и Саддам сказал ей, что он член клуба, и что я забыла там книгу. У мамы сразу возникли подозрения. Член клуба, который не представился и не назвал свое имя?..

Она вежливо сказала, что позовет меня к телефону, но взгляд ее был полон скептицизма.

— Утверждает, что он член клуба. Но говорит так, словно он из Тикрита.

Я почувствовала, как краснею. Я сразу поняла, кто звонит. В Тикрите говорят на особенном диалекте, который сразу выдает человека. Особенно это характерно для людей низкого происхождения. Взяв трубку, я, как и ожидала, услышала голос Саддама:

— Скоро увидимся. За тобой заедет твоя подруга Фарьял.

Я положила трубку. Мама внимательно на меня смотрела.

— Не знаю, кто он, но я не теряла книгу, — пояснила я.

— Я чувствую, что что-то не так. Что ты творишь, Парисула? Рано или поздно ты мне все равно все расскажешь — так почему бы тебе ни сделать это сейчас?

Мама, как всегда, была права, но тогда я не была готова ей признаться. Через пару часов в дверь постучали, и я увидела свою подругу Фарьял.

— Парисула, пойдем со мной в клуб, выпьем по коле.

Мама обрадовалась Фарьял. Юная армянка была хорошей и приятной девушкой, родителей которой она хорошо знала. Все было в порядке.

— Иди повеселись, доченька! — сказала мне мама.

Мы с Фарьял поехали в клуб на машине, где выпили лимонада и поболтали со знакомыми. Мне было весело. Девушке, воспитанной так, как воспитывали меня, свойственно видеть в людях только хорошее. В тот день мне было просто любопытно: что сейчас произойдет?

И Фарьял сказала, что нам пора ехать.

— Куда? — спросила я.

Фарьял прижала палец к губам и улыбнулась. Не задавай вопросов. Не жди ответов. Моя новая жизнь уже началась, но я об этом даже не подозревала.

Мы поехали в центр Багдада, и вскоре я увидела роскошный особняк, окруженный садом и стеной. Проехав пост охраны, шофер припарковал машину в подземном гараже, и мы с Фарьял поднялись вверх на лифте. За нами по пятам следовали телохранители. Посреди коридора

Фарьял помахала мне и быстро исчезла, а вооруженные мужчины в униформе провели меня к тяжелым, украшенным традиционным орнаментом двойным дверям. Двери распахнулись, и я оказалась в салоне, отделанном золотом. В центре на стуле сидел Саддам Хусейн.

Мое сердце встрепелось. Саддам был таким элегантным. Закрыв глаза, я снова вижу его перед собой таким, каким увидела тогда. Корпус чуть наклонен вперед, руки расслабленно лежат на коленях. Казалось, он погружен в свои мысли. Двери бесшумно за мной закрылись. Теперь в салоне были только я и Саддам. Я стояла перед ним, не зная, что делать. С губ сорвался нервный смешок. Саддам даже не улыбнулся. Взяв мои руки в свои, он серьезно посмотрел на меня и повелительным тоном произнес:

— Не бросай трубку, когда я звоню.

— Кто вы такой, чтобы мне приказывать?! — возмутилась я.

— Саддам.

Вспоминая нашу первую встречу, я краснею. Какой я была душой! Для меня тогда имело значение лишь то, как Саддам смотрел на меня и как он меня касался. От его прикосновений меня бросало в жар. От звука его голоса у меня подгибались колени. Саддам внезапно встал, не выпуская моих рук, и улыбнулся.

— Я Саддам, — повторил он. — Этого достаточно. Хорошо, что ты не знаешь, кто я. Скоро узнаешь. Саддам везде. Что бы ты ни делала, куда бы ты ни пошла, я везде тебя найду. Запомни это!

Склонившись, он поцеловал меня в щеку.

— Можешь идти, — сказал он. — Я просто хотел тебя увидеть.

Вот так я и влюбилась в Саддама. Он действовал осторожно. Приручал меня, как приручают молодых лошадей. Использовал метод кнута и пряника. Приближал и прогонял, бил и ласкал, отпускал и удерживал. Так он постепенно приучил меня к своему присутствию в моей жизни. Я ничего и не заметила. В конце концов один его взгляд приводил меня в состояние экстаза. Я попала в ловушку. Ничто больше меня не интересовало, кроме любви к Саддаму. Он ловко привязал меня к себе, превратив в свою преданную рабу. Каждое свидание было продумано до малейшей детали. Саддам делал все, чтобы я чувствовала себя принцессой, — единственной и неповторимой.

Трюк сработал. Даже придя на встречу с ним в плохом настроении, я забывала обо всем при виде цветов, вкусной еды, зажженного камина или роскошного подарка.

Саддам не мешал мне жить моей жизнью. Он говорил:

— Я всегда с тобой, где бы ты ни была. Ты должна знать. Я все вижу и все знаю.

Мне этого было достаточно. Будучи влюбленным подростком, я воспринимала его слова как признание в любви.

Я быстро научилась угадывать его присутствие. Он не всегда являлся мне сам, но следил за мной, как змея

выслеживает добычу. Я это чувствовала. Вокруг меня всегда были его шпионы, которые докладывали о каждом моем шаге. Саддам желал знать обо мне все.

За все то время, что я его знала, случались периоды, когда мы не встречались. Но каждый раз после разлуки Саддам говорил мне, что я — его собственность. Обладание было его главной страстью.

— Ты принадлежишь мне. И только мне. Моя богиня любви, Пари, ты моя.

Фарьял ждала меня в комнате за тяжелыми двойными дверями, ведущими в салон, где я встретилась с Саддамом. Кто-то другой на моем месте был бы ослеплен внешним великолепием больше похожего на дворец особняка, в котором я оказалась, но я с детства привыкла к роскоши, и меня трудно было чем-либо впечатлить. В то время мои родители и их друзья были намного богаче Саддама Хусейна, и роскошь была частью нашей повседневной жизни.

Фарьял подмигнула мне заговорщически и улыбнулась. Пока я была у Саддама, она сбегала на кухню и взяла блюдо с пахлавой — восточной сладостью из теста с орехами и медом. По возвращении к нам домой Фарьял преподнесла пахлаву маме. Мама была в восторге.

— Ты сама это испекла, Фарьял?

— Вот этими собственными руками, — солгала та не моргнув глазом.

Попрощавшись с мамой и махнув мне, Фарьял исчезла.

После той поездки во дворец меня словно подменили. Естественно, в доме все это заметили.

— Вернись к нам, Парисула, — просила мама озабоченно. — Что с тобой произошло? Нам не хватает твоего смеха.

Я молчала. Тогда мама пошла к кухне Кети, чтобы выяснить, в чем дело. Я продолжала молчать. Мне все эти тайные свидания казались восхитительным секретом, которым я ни с кем не хотела делиться. Как зачарованная, я ждала продолжения моего нового приключения.

Но дни шли, а Саддам не давал о себе знать. Где бы я ни была — в школе, дома или в клубе — я все время думала о нем. Почему он не звонит? Что я не так сделала?

В один прекрасный день позвонила Фарьял и попросила позвать к телефону маму. Не разрешат ли мне поесть покататься на лодке с ее семьей и их друзьями?

Предложение звучало вполне невинно. Лодочные прогулки по Тигру входили в число привычных развлечений в нашем круге. На реке было прохладнее, чем в раскаленном Багдаде. У многих семей были собственные лодки и яхты, имевшие несколько палуб. На них плавали большой компанией, играли в карты, ужинали и общались до четырех-пяти часов утра. Заканчивались такие поездки обычно изысканным завтраком. В жарких странах принято развлекаться ночью, когда прохладно. В этом не было ничего необычного.

Что было не принято, так это принимать в гостях душ. Никто не брал с собой сменную одежду или такие интимные вещи, как шампунь. Это было бы невежливо. Все, что было связано с телом, относилось к личной жизни, и никому, кроме ближайших родственников, не позволено было даже краем глаза увидеть какой-либо предмет из моей спальни или ванной комнаты. Нижнее белье вообще могла видеть только моя мама. Мои братья и отец никогда не видели меня в белье, и мне по-прежнему неловко, когда чужие видят мою одежду.

У нас с мамой была гардеробная, доступ в которую мужчинам был воспрещен. И когда моих братьев навещали друзья, я уходила в мамину комнату и там с ней сидела. Молодой женщине было неприлично находиться в одном помещении с мужчиной, не являющимся ее кровным родственником, кроме совместных ужинов.

Мама мне запретила. Вежливо, но твердо. Никаких лодочных прогулок для Парисулы, но Фарьял не сдавалась. Посылала маме цветы, приходила к нам домой, дарила маме пирожные с финиками, какие та обожала. Все было как во времена дружбы с Джиной, но я тогда не заметила сходства. Я была благодарна Фарьял, которую считала своей подругой. Она была связующим звеном между мной и недоступным Саддамом.

Прошло много времени, прежде чем я поняла. Но тогда меня больше интересовало, почему я выжила, чем то, как Саддам использовал людей в своих целях. Для него они были только орудием. Став первым лицом в

Ираке, он перестал воспринимать граждан своей страны как живых людей. Они для него были всего лишь массой, к которой он не испытывал человеческих чувств.

— Если моя левая рука будет мне угрожать, я ее отрежу, — говорил он.

И так оно и было. Люди представляли для него ценность, только если от них была польза. И то лишь на некоторый период времени. А потом у них истек срок годности. Как у карты VISA, на которой написано: «Expired»¹.

Зная клановую систему на Ближнем Востоке, взгляды Саддама Хусейна легко понять. Коллективная судьба и будущее всегда важнее для лидера, чем жизнь индивида, и те, кто нарушают принятые правила, должны быть ликвидированы. Честь и месть — это части одного уравнения.

Саддам предпочитал держаться в тени. Его дела были заметны, но не он сам. У Саддама были свои методы, сравнимые с эффективным плугом, выравнивающим всех несогласных.

Саддаму Хусейну нравилась темнота. В темноте он чувствовал себя в безопасности. Его армия нападала чаще всего по ночам. Спящих людей по ночам забирали черные машины. Его самолет взлетал до того, как проснутся первые птицы. Под Багдадом он проложил систему из туннелей, по которым мог передвигаться незаметно для других. И чем старше он становился, тем больше ему нравилось строить себе тайники и убежища.

¹ Закончилась, истекла. (англ.).

Когда впоследствии американцы нашли Саддама Хусейна в подземном бункере, я не удивилась. Он всю жизнь жил в подполье. При свете он не чувствовал себя в безопасности. Он вообще никогда не чувствовал себя в безопасности. Вот почему у него было так много двойников. Их существование его успокаивало.

Помню те утренние часы в спальне в особняке у реки. Саддам вставал с рассветом. Это было лучшее время для убийства. Я быстро начала узнавать запах крови. Почувяв его один раз, уже никогда не забудешь...

Мне не стоило идти с Фарьял, даже когда мама наконец дала согласие на прогулку. Но тогда я этого не знала. Тогда я была вся в предвкушении новых приключений. Довольная, я села на заднее сиденье машины с сумкой, в которую мама положила одеколон¹, — но с удивлением обнаружила, что машина едет прочь от реки, а вовсе не к гавани.

— Где пришвартована ваша лодка? — спросила я у подруги.

— Мы не поплывем на лодке. Мы едем в поместье Саддама Хусейна за городом.

Фарьял улыбнулась моей наивности. Неужели я ни о чем не догадалась?

Нет, не догадалась.

Пытаясь вспомнить, какие чувства я испытала в тот момент, когда поняла, что увижусь с Саддамом, я не могу описать мое состояние словами.

¹ На Ближнем Востоке одеколоном смачивают руки и лицо, так как он дает ощущение прохлады и свежести; с этой же целью используют и лосьоны.

Злость и радость. Страх и предвкушение. Жажда новых впечатлений. Единственное, что меня извиняет, так это моя неопытность. Всю жизнь мне пришлось платить за молодость и наивность. Я сама виновата в том, что обманула моих родителей. Тогда я совершила большую глупость. Вместо того чтобы обманывать родителей, мне следовало попросить их о помощи.

Мы ехали по частной дороге, проезжали через посты охраны, пока не остановились перед очередным дворцом в огромном парке и не вышли из машины.

Перед нами были высокие тяжелые двери; они вели в гигантский зал, где горел камин, несмотря на то, что на улице было жарко. Окна выходили в парк, на потолке сверкала хрустальная люстра. Наши ноги утонули в мягких коврах. Но телохранители проводили нас в другую комнату, обставленную в европейском стиле по последнему слову интерьерной моды. Я обратила внимание на эксклюзивную стереосистему *Pioneer* и множество пластинок и кассет. Здесь даже был личный бар.

Я старалась открыто ничего не разглядывать. Это считалось неприличным. Только получив позволение сесть, можно было позволить себе обвести комнату взглядом.

Для юной девушки моего круга существовало много правил, и все я знала на зубок.

Мы с Фарьял ждали. Телохранители застыли у двери. Вскоре в комнате появился Саддам в сопровождении двух друзей. Он поздоровался со мной так, как подобает при встрече приветствовать уважаемую женщину, и

скоро началась вечеринка, подобная тем, что мы устраивали в клубе. Забыв страх, я слушала музыку Элвиса Пресли и Пола Анки, пила колу и вдыхала аромат, идущий из сада через открытые на террасу двери. Мы болтали и смеялись.

Чуть позднее все ушли, оставив нас с Саддамом наедине. Я даже не заметила, как это произошло: слишком я была занята тем, чтобы убирать с моего тела руки Садама. Теперь же он обвинил рукой мою талию, распахнул дверь в другую комнату и втолкнул меня в спальню, всю в белом цвете. Посередине стояла огромная, усталая белоснежными покрывалами кровать, в центре которой лежала одна красная роза.

— Я хотел сделать так, чтобы понравилось европейской девушке, — сказал Садам. — Ну, как тебе?

Я не могла солгать. Все было безупречно. То, что он приготовил комнату специально для меня, казалось мне изысканным комплиментом. Все было выбрано ради меня: еда, компания, атмосфера, музыка, аромат. Стоило мне увидеть красную розу на белом покрывале, как все мысли словно улетучились. Я вошла в комнату девочкой, а вышла из нее женщиной, и я никогда не забуду ту ночь. Я словно пересекла границу между мирами.

Теперь мне прекрасно известно, что помимо меня в постели Саддама побывали тысячи женщин. Но тогда я об этом не думала. Я была влюблена, и он доставлял мне такое наслаждение, какого я и представить не могла. Я до сих пор рада тому, что потеряла девственность при таких романтических обстоятельствах. Другим женщинам повезло куда меньше. И меня до сих пор поражает то, что такие приятные ощущения я испытала с мужчиной, печально известным своей жестокостью.

Годами позже я часто смотрела на Саддама, когда он спал. Усталое лицо. Оружие рядом с изголовьем. Даже во сне он не мог расслабиться: страхи и подозрения не давали ему спать спокойно.

«Неужели это тот же самый мужчина? — думала я, глядя на него. — Как это возможно?»

Утром Саддам ушел. Я сидела на кровати, прикрыв смущавшую меня наготу простыней, когда Саддам склонился и поцеловал меня в лоб.

— Uhibbuki, — шепнул он. — Я люблю тебя.

Сказать это по-арабски совсем не то же самое, что сказать по-английски. В арабских странах эти слова идут от сердца, а Саддам и не думал, что оно у него есть. Как он мне потом говорил, для него эти слова были очень важны, потому что тогда он впервые почувствовал, что это такое — любить другого человека. Впервые почувствовал, что эти слова значат для человека. Саддам часто повторял мне, что я не должна ждать от него признаний в любви, но и не должна забывать, что однажды он уже сказал мне эти слова.

Я ничего и не ждала. Но чем больше проходило времени, тем лучше я понимала, что этот человек не любил себя самого. Вот почему его так удивило, что он испытывал любовь по отношению ко мне.

Вскоре в комнате появилась Фарьял. Она ничего не сказала, только проводила меня в ванную комнату, где меня ждала наполненная до краев ванна с благоухающей пеной. Подруга расчесала мне волосы, обняла и поцеловала в обе щеки. Одевшись, я следом за Фарьял вышла на улицу, где нас уже ждали телохранители и машина. Через полчаса я была дома.

Фарьял зашла со мной в дом. Мама была в кухне, и я обняла ее сзади, чтобы не смотреть ей в глаза. От мамы ничего никогда не ускользало.

— Пока, спасибо, что поехала с нами, — сказала Фарьял и удалилась.

Я же пошла к лестнице наверх.

— Куда ты собралась? — остановила меня мама. — Иди сюда и расскажи, как все прошло.

И тут же по моему лицу все поняла.

— Пари? Что случилось?

— Ничего, мне нездоровится, — пробормотала я и побежала в свою комнату.

Мама последовала за мной с чашкой ромашкового чая для желудка. Я не выходила из комнаты весь день. Вечером я спустилась в гостиную посмотреть с семьей телевизор, но мне казалось, что я все еще чувствую запах Саддама на своей коже, и что этот запах может меня выдать с головой. По телевизору шла сентиментальная мелодрама с Омаром Шарифом в главной роли, и слезы текли ручьями из моих глаз. Другие только фыркали. Какая дурочка наша Пари! Они решили, что это кино меня так взволновало. Но в действительности все было гораздо серьезнее.

Я отдала свою невинность мужчине, который никогда на мне не женится. Теперь ни один другой мужчина не взглянет в мою сторону.

Когда американское телевидение показало интервью со мной, кто-то из журналистов написал, что моя история словно взята из «Тысячи и одной ночи». Другие обвиняли меня в том, что я слишком долго поддерживала отношения с кровавым диктатором. Кто-то назвал меня проституткой.

Но для меня все это только слова. Они не имеют ничего общего с моими чувствами. Каждый человек создан для того, чтобы любить и быть любимым, и если я в чем-то виновата, то только в том, что слишком много отдавала, ничего не требуя взамен. Много лет мы с Саддамом были словно связаны эластичной лентой. Если я делала два шага назад, он делал один шаг вперед. Он делал три шага назад — и я притягивалась к нему. Оставив после себя только воспоминания, те дни ушли безвозвратно. Их больше нет, и никто, кроме меня, о них не помнит.

Встреча с Саддамом Хусейном полностью меня изменила. Девочки, перелезшей через забор с тарелкой таббулеха, больше не было. Когда жена Харута Джина звонила, я не подходила к телефону. Маму мое поведение тревожило, и в конце концов она вынудила меня ответить на звонок. Соседка сказала только два слова:

— Иди сюда!

Когда я вошла в кухню, Джина курила. Увидев, как я невольно сморщила нос от дыма, она словно с цепи сорвалась:

— Не нравится запах моих сигарет? Ишь ты какая! Кое-кто курит кубинские сигары, и его ты в губы целуешь!

Я не привыкла к разговорам такого рода. Меня всегда окружали милые и добрые люди. Перепугавшись, я повернулась, чтобы уйти домой, но Джина приказала мне сесть.

— Не встречайся с ним больше, — сказала она. — Он играет в опасную игру. Я когда-то была такой же, как ты. Прислушайся к моему совету. Исчезни, пока он от тебя не избавился.

Я сидела и слушала, открыв рот, как рыба. Как я могла поверить в то, что Джина когда-то была на моем месте? Сердце колотилось в груди, и тут меня осенило.

— Ты так говоришь, потому что ревнуешь! — заявила я.

И выскочила из дома Джины через парадную дверь и поспешила домой. При виде меня мама перекрестилась.

— Откуда ты взялась? Ушла через сад, пришла с улицы? Все в этом доме с ума посходили.

Я бросилась к телефону и позвонила Фарьял.

— Я хочу с ним увидеться.

— Вот как. Он будет рад. Попробую устроить...

— Сейчас.

— Часа в четыре... если повезет.

— Сейчас.

Она перезвонила через пару минут и сказала, что машина в пути. На этот раз меня отвезли в другой особняк, не менее роскошный, и в дверях меня встретила Фарьял. Я ощущала себя необычайно сильной. Меня переполняла жажда справедливости. Кроме того, то обстоятельство, что Саддам согласился со мной увидеться по первому зову, внушило мне мысль, что я обладаю над ним властью. Триумф, гнев, отчаяние, ревность — все эти чувства боролись во мне, когда я шла по коридору к комнате, где меня ждал Саддам.

— Ты встречался с Джиной?

Он был в военной форме и выглядел так импозантно, что у меня перехватило дыхание. Мне тут же захо-

телось прижаться к нему, но Саддам только окинул меня презрительным взглядом и сказал:

— Ты отвлекла меня от дел из-за *этого*? Отправляйся домой немедленно!

По дороге обратно Фарьял меня утешала и расспрашивала о Джине. Что именно из ее слов меня так расстроило? Тогда-то я и поняла роль Фарьял в той игре, которую вел Саддам. Естественно, потом Фарьял передала Саддаму все, что я ей рассказала. В ее задачу входило собирать информацию и передавать дальше. Тогда я еще по-детски верила в то, что все таково, каким кажется. Как же мне пришлось разочароваться! Это было одним из первых уроков, которые мне пришлось усвоить на всю жизнь. Но важность его я поняла только позднее.

Если хочешь выжить, сначала научись держать рот на замке.

У Саддама Хусейна была целая сеть доносчиков. Именно на ней и держалась его политическая власть. И чем могущественнее он становился, тем сильнее была его мания преследования, и тем больше шпионов ему требовались. Но когда мы познакомились, он еще не был чудовищем. Да, он жаждал власти. Да, был неразборчив в средствах. Да, готов был идти к цели по головам. Но безумным параноиком, способным на бессмысленную жесткость, он стал позднее.

Мне хочется верить, что его отношение ко мне все эти годы оставалось неизменным. Саддам знал, что я сильная женщина. Моей слабостью была моя сентимен-

тальность, но я научилась скрывать свои чувства. Мужчинам нравятся позитивные женщины, с которыми можно поужинать, не утомив свой мозг ненужными разговорами.

Своей жене Саджиде он спокойно мог сказать:

— Собери свои вещи и отправляйся к матери.

И она была вынуждена год жить у матери, пока муж не разрешал ей вернуться обратно. Думаю, Саджида не особенно из-за этого переживала. Ей нравилось играть роль жены президента, остальное ее не беспокоило.

Но я знаю, каковы мужчины. Мама многому меня научила. То, что Саддаму не могла дать Саджида, он искал во мне. Моя мать говорила, что мужчине нужны три женщины: мать, жена и любовница.

Невозможно быть всеми тремя одновременно, но можно надевать разные маски. Здесь важен баланс.

Дашь мужчине слишком много — и потеряешь его. Дашь слишком мало — и тоже потеряешь. Нужно давать иногда слишком много, а иногда слишком мало, только так он не утратит к тебе интереса и останется с тобой.

С годами я изменилась. Иначе и быть не могло. Но желание Саддама оставалось прежним:

— Будь всегда такой, какая ты есть! Никогда не меняйся, Пари! Ты сама женственность, Пари! Настоящее сокровище!

Внешне моя жизнь была такой же, как и прежде. Я ходила в школу, ездила с семьей в клуб, встречалась с подругой, играла на пианино и посещала театральный кружок. С виду все было нормально.

Но внутри меня произошла огромная перемена, заключавшаяся в том, что я не могла перестать думать о Саддаме. Я знала, что это неправильно и что ради родителей я не должна больше встречаться с Саддамом.

Но стоило Фарьял позвонить, как я тут же находила какой-нибудь повод и неслась к Садаму. Я была похожа на наркоманку, неспособную побороть эту зависимость.

Иногда он только обнимал меня или слегка касался. У Саддама был большой опыт общения с женщинами, и он прекрасно знал, как сделать так, чтобы женщина сама жаждала встречи. Снова и снова.

Саддаму нравилось, когда женщина страстно желала близости с ним. Нет вернее способа привязать к себе женщину навсегда, но лишь немногие мужчины знают, как это сделать. Он то приближал меня к себе, то отпу-

скал. Притягивал к себе, ласкал теплыми руками и отпускал. В другой раз, говорил он. Или не звонил несколько дней, так что я с ума сходила от ожидания.

Где он? Почему он не звонит? Почему Фарьял нет в клубе? Что происходит?

В один из таких дней я перелезла через стену в сад Джины. Постучала в дверь кухни и взялась за ручку, но дверь оказалась запертой. С чего это вдруг? Джина раньше никогда не запиралась.

В другой части сада располагалась контора Харута. Там я его и нашла. Вид у Харута был болезненный, и похоже было, что он совсем недавно плакал.

— Харут, где Джина? И что с тобой случилось? Тебе нездоровится?

— Джина улетела в США

— Что?!

— Она больше не вернется.

Так и произошло. К тому времени я знала, что Фарьял — одна из шпионок Саддама. И мой рассказ о столкновении с соседкой она передала Саддаму Хусейну, который терпеть не мог людей, шедших против его воли. И в один день Джина исчезла.

Вероятно, Фарьял потом совершила ту же ошибку, что и Джина: она не сумела держать рот на замке и тоже исчезла. Спустя много лет я спросила Саддама о том, что случилось с Фарьял, и он пришел в ярость:

— Не произноси ее имя в моем доме! Никогда!

О Джине я не спрашивала. Однажды Харут упомянул, что он посылает ей деньги, но я не стала это комментировать. Саддам научил меня держать язык за зуба-

ми в тот день, когда я, будучи шестнадцатилетней девочкой-подростком, ворвалась в комнату и потребовала объяснений.

Но со временем я выяснила, что и Фарьял тоже уехали в США. Саддам Хусейн долгое время был другом американцев, и Ирак и США всячески друг друга поддерживали. Но нам, жившим в закрытом Ираке, США всегда казались очень далеким местом как по географическим, так и по культурным параметрам. Услать человека в США было все равно, что навсегда от него избавиться. Такая ссылка была подобна смерти, потому что никто никогда не возвращался обратно, будь то женщина или мужчина.

Другой такой страной для нас был Таиланд. В детстве я верила, что там живут каннибалы, и что никто по доброй воле туда не ездит.

Чем закрытей страна, тем легче поверить, что мир за ее пределами представляет для тебя угрозу.

Ирак с каждым днем становился все закрытее. Те, у кого были деньги и связи, уже давно сбежали, те же, кто остался, не видели ничего, кроме Саддама. Он был Лидером государства, а враг государства был врагом каждого. Ссылка воспринималась как наказание, а не как освобождение.

В 2000 году я слышала, что Фарьял живет в США. Там же живет и Джина, но Харут остался в Багдаде. Кстати, накануне нового тысячелетия он сделал мне предложение. Это было во время священного месяца Рамадан, когда друзья и родственники приходят друг к

другу в гости. Однажды вечером ко мне заявился Кусей, сын Саддама, вместе с Харутом.

Оба были навеселе, и внезапно Харут предложил мне выйти за него замуж.

— Давай, Пари! — добавил он. — Это упростит тебе жизнь.

Я присмотрелась к Харуту. Он сильно постарел. Столько лет прошло с того дня, когда он, рыдая, сообщил мне, что Джину услали в США. Улыбнувшись Харуту, я ответила:

— В моей жизни и без того хватает сложностей.

Но тогда исчезновение Джины стало для меня шоком. Когда через пару дней позвонила Фарьял, я решила ничего ей не говорить. Несмотря на юный возраст, я уже поняла, что Фарьял можно использовать, чтобы через нее воздействовать на Саддама.

— Как бы мне хотелось, чтобы он перестал нам звонить, — сказала я Фарьял. — Мама по акценту слышит, что он из Тикрита.

Мне было нелегко продолжать жить обычной жизнью после всего того, что случилось. Я не привыкла иметь секреты от мамы и раньше всегда все ей рассказывала. Было очень тяжело хранить в тайне мою первую в жизни влюбленность, не говоря уже о том факте, что я украдкой встречалась с Саддамом и занималась с ним сексом.

Сама не понимаю, как мне это удалось.

Наверно, у меня просто не было другого выхода. Моя семья никогда не простила бы мне этого. Родите-

ли и братья считали Саддама Хусейна необразованным и безродным и не разделяли ни его политические взгляды, ни методы. Я знала, чем рискую. Гнев отца означал бы мой конец. Когда я через много лет поняла, что Саддам хочет от меня избавиться, я испытала такой же страх. У меня не было другого выхода, как сбежать.

Моя жизнь стала такой, какой стала. Если бы у меня была возможность выбирать, я выбрала бы себе другую жизнь. Но мне выпал жестокий жребий. Было бы куда лучше, если бы мы с Саддамом никогда не встречались.

Но в шестнадцать лет мне хотелось приключений. Меня тянуло к запретному плоду. Все в Саддаме волновало меня: его мужественность, его сила, исходящая от него опасность. Во мне же его интересовали мое хорошее происхождение, воспитание, чувство достоинства. Саддам всегда мечтал иметь то, чего у него не было.

Однажды за мной, как обычно, заехала Фарьял. Мы ненадолго заехали в клуб, чтобы нас там увидели, и потом поехали в загородное поместье Саддама. Там мы навестили лошадей в конюшне, полюбовались жеребятами и присели на террасе у бассейна, куда нам подали чудесные кушанья. Все было как обычно. Я развлекалась, забыв о времени, и в конце концов Саддам увлек меня в спальню. На этот раз она была в розовых тонах. Стены, пол, потолок, шторы, цветы — всё было разных оттенков розового цвета.

Саддама обрадовал мой детский восторг. В течение многих лет ему доставляло удовольствие делать мне сюрпризы и видеть, как я радуюсь, словно ребенок.

Но в клубе поползли слухи. Вы слышали, что Пари встречается с Саддамом? Интересно, ее родители знают? Как они могли позволить своей единственной дочери... какой стыд...

После того дня, который я окрестила «розовым», отец вызывал меня к себе в кабинет.

— Ты действительно встречаешься с Саддамом Хусейном?

— Нет, — солгала я, хотя прекрасно знала, что родителей не обманешь. Они сразу все поняли. Молчать мне еще удавалось, но лгать родителям — нет.

— Ты знаешь политика Саддама Хусейна?

— Нет, я знаю другого Саддама, офицера...

— Пари, ты знаешь, какая у него репутация? У этого человека на руках кровь невинных людей...

— Нет, он...

Я несла чушь. Отец бросил на меня взгляд, полный презрения.

— Твой самолет улетает завтра рано утром. Ты отправишься к родственникам в Ливан. Будешь посещать школу в Бейруте.

— Но...

— Иди собирай вещи! Самолет в восемь утра.

Мама плакала, я тоже. Но я навлекла на семью позор, унизила отца, единственного, кто в нашем доме принимал решения. В наказание меня отправляли к родственникам в Бейрут. И никто не сказал мне, когда я смогу вернуться в Багдад. Отец был непреклонен. Он хотел немедленно прекратить все эти слухи и потому отослал меня.

В то время самой стабильной валютой считалась немецкая марка. Поэтому мне с собой дали именно марки. Всю дорогу в голове моей звучали слова Саддама о том, что не важно, где я и что делаю:

— Не забывай, что ты принадлежишь мне. У меня повсюду шпионы, которые мне все рассказывают. Повсюду. Я всегда буду знать, где ты и чем занимаешься.

В 1912 году, за пару лет до начала Первой мировой войны, европейские нефтедобывающие предприятия объединились в Иракскую бензиновую компанию (IPC — *Iraqi Petroleum Company*), целью которой была эксплуатация иракских месторождений нефти.

Когда война закончилась, и Османская империя, частью которой был Ирак, распалась, интерес к нефти резко возрос, как и желание США приобрести акции Иракской бензиновой компании.

Акционерам было сложно договориться, что тормозило процесс создания инфраструктуры новой стремительно развивающейся отрасли промышленности. Чем больше открывалось месторождений, тем больше строилось нефтепроводов, и тем больше была нужда в модернизации нефтедобычи. Существующие месторождения не развивали, стоило объемам добычи снизиться, рядом просто бурили новую скважину.

Иракская бензиновая компания была монополистом по добыче нефти в Ираке до 1961 года, когда ее почти всю национализировали. В 1972 году вся компания при-

надлежала государству, что приносило Саддаму Хусейну огромные доходы, которые, по крайней мере поначалу, тратились на общественные нужды.

У меня было много имен, но мое настоящее имя Парисула Лампсос. Мой дедушка был состоятельным греческим судовладельцем. Его компания называлась «Парисиси Лампсос», и из-за этого его многие называли Капитан Парисис, но на самом деле его звали Ставрос Лампсос. В молодости мой отец переехал в Бейрут, где занимался грузовыми перевозками, но с начала пятидесятых он уже работал над модернизацией инфраструктуры нефтяной промышленности в Ираке. Нефтепроводы, нефтевышки, нефтеперерабатывающие заводы... Мне было три года, когда мы всей семьей переехали в Багдад, но в Бейруте у нас остались родственники.

Семья мамы родом с Кипра, где ее отец был весьма состоятельным человеком.

Я — четвертый ребенок в семье и единственная дочь при семи братьях. Неудивительно, что мне дали такое особенное имя. Первую часть имени родители взяли из названия дедушкиной компании «Парисиси», а вторую из имени бабушки, имя которой было Анастасия, но которую все звали Анастисула. В результате получилось Парисула.

С детства меня все звали Пари, но американцы, которые увезли меня в Таиланд, дали мне другое имя —

Мария. Я использую его до сих пор в Швеции, где живу под защитой.

Саддам Хусейн называл меня шакра, что по-арабски означает «блондинка».

Моя семья уходит корнями во многие культуры Ближнего Востока, и во всех них большую роль играют семейные связи. На Востоке принято помогать друг другу, и от хороших отношений между родственниками зачастую зависит выживание в трудные времена.

Но все имеет свои границы. Влюбившись в Саддама Хусейна и встречаясь с ним тайком, я пересекла запретную черту. То, что после моего побега из Ирака я дала интервью американскому телевидению, не вписывалось ни в какие рамки. Мой клан до сих пор меня презирует.

Но когда-то были и другие имена. В бизнесе нужно быть практичным. Мораль — это хорошо, но деньги важнее любой морали. Моя связь с Саддамом была позором для моей семьи, но когда политическая карта Ирака поменяла цвет, мои родственники сочли, что могут извлечь пользу от моего нового статуса. И тогда они давали о себе знать. Начинался разговор с вопросов о моем здоровье и здоровье моих детей, но в конце всегда переходил на финансовые или юридические трудности. Когда нужно было достучаться до высокопоставленного чиновника кому-то из родственников, он вспоминал о моем существовании.

Формально у меня не было никакой власти, но у меня были связи. Иногда связи важнее власти. Я знала, к кому обратиться по поводу решения того или иного

вопроса. И если у меня была возможность помочь родственнику, я всегда это делала. Без колебаний.

Но я никогда не обсуждала чужие проблемы с Саддамом. Это было немыслимо. Но он всегда был в курсе того, чем я занималась. Ничто не ускользало от его острого взгляда. Доносчики регулярно снабжали диктатора информацией. Так что, если я и могла кому-то помочь, то в этом была заслуга только Саддама и его влияния.

Иногда, сколько бы я ни старалась, у меня ничего не выходило. В другие разы все получалось так легко, что даже пошли слухи о том, что я умею творить чудеса.

Спустя год безупречного поведения в Бейруте мне было позволено вернуться в Багдад, потому что от тоски по мне заболела мама.

Я с радостью возвращалась в Багдад. Не потому, что мне было плохо в Бейруте, нет. Моего отца там все уважали, и наша фирма процветала. Родственники хорошо обо мне заботились, и, куда бы я ни пошла, мне везде предлагали стул, чтобы присесть, — это было знаком почета. Но я скучала по маме, братьям и по нашему дому. Я родилась под знаком Рака, а для раков очень важен дом. Мы чувствуем себя хорошо только в безопасности родных стен.

За прошедший год я ничего не слышала о Саддаме, не пыталась с ним связаться, и родители решили, что урок мной усвоен. Мне исполнилось семнадцать, но от меня ждали того же, что и прежде, до того рокового вечера в доме Харута, — послушания и безупречного поведения. Я вернулась в элитную монастырскую школу для девочек, где учились дочери самых богатых христианских семей Багдада.

Прежде чем продолжить рассказ, я хочу упомянуть один эпизод, связанный с моим обучением в тот период.

То, что произошло в 1959 году, служит очередным подтверждением того, что пути Господни неисповедимы.

Мой монастырский колледж располагался в старейшей иудейско-христианской части Багдада, куда великие узкие переулки, по которым не могли проехать ни школьные автобусы, ни машины. Поэтому в конце учебного дня монахини выстраивали нас друг за другом и провожали до большой улицы ар-Рашид, где парковали машины наши водители и останавливались школьные автобусы. В тот день, когда двадцатилетний Саддам Хусейн со своими соратниками пытался совершить покушение на жизнь генерала Абдель Керима Касема, мы, тогда маленькие девочки, стройными колоннами шли к автобусам. Это было беспокойное время. Случались публичные казни, но никто тогда и предположить не мог, что произойдет со страной через пару десятков лет, когда Саддам будет у власти. Никто не мог представить, что на свете существуют такие ужасы.

Пока Ирак претерпевал тотальные изменения, а Саддам прибирал к рукам власть, багдадские семьи жили в блаженном неведении. Я прекрасно помню вечерние платья моей мамы. Тяжелый шелк, прекрасная вышивка. Платья, предназначенные для того, чтобы блистать в роскошных гостиных. Впоследствии в роскоши жили уже представители новой политической элиты страны.

Внезапно с улицы ар-Рашид донеслись выстрелы. Испуганные монахини окружили нас, махая руками, как черные птицы. Дети, скорей сюда! Мы возвращаемся в школу!

Все шло хорошо. Мы вернулись в школу, и нам дали горячий шоколад и печенье. Родители, которым немедленно позвонили, должны были забрать нас домой сами или прислать шоферов. Но пока мы там сидели, в школьные ворота внезапно ворвались вооруженные мужчины. Саддам Хусейн и его люди искали место, чтобы спрятаться после покушения. Монахини не стали прогонять непрошенных гостей. Их приняли, не задавая вопросов, и предложили присесть.

Саддам никогда этого не забывал. После покушения он сбежал в Египет, где скрывался в течение нескольких лет. Но все то время, что он был у власти в Ираке, Саддам был очень щедр с монастырем. Для мусульманина Саддам Хусейн всегда выказывал удивительные щедрость и толерантность по отношению к католической церкви. И только мне было известно почему: все дело было в помощи, которую ему тогда оказали монахини в моей школе.

Сама же я тоже никогда не забуду тот момент, когда Саддам и его люди ворвались в монастырь. Детская память фрагментарна, но определенные вещи запоминаются навсегда. У меня перед глазами до сих пор стоят взволнованные лица мужчин в нашей тихой классной комнате.

Когда после окончания Первой мировой войны Османская империя распалась, провинции, из которых в будущем был образован Ирак, оказались под управлением англичан. Английское правительство сделало Ирак монархией, предложив трон представителю династии

хашимитов¹ родом из Хиджаза. Так королем Фейсалом Первым был коронован первый сын шерифа² Мекки и Медины Хусейна, а второй его сын, Абдалла, стал королем в Иордании.

Король Фейсал Первый умер в 1933 году, и на престол вззошел его сын Гази, получивший образование в британской Королевской военной академии в Сандхёрсте. Стремительный рост популярности партии «Ба-ас» можно объяснить растущим недовольством постоянным присутствием англичан в Багдаде.

Король Гази погиб в результате автомобильной катастрофы в 1939 году. На тот момент его наследнику Фейсалу Второму было всего четыре года, и регентом назначили его брата Абдаллаха и пробританского политика Нури ас-Саида. Оба были убиты во время резни в иракском королевском дворце в июле 1958 года. Резню и государственный переворот устроил генерал Абдель Керим Касем с помощью своего командующего Абд ас-Саляма Арефа. Они провозгласили Ирак республикой, Касем стал премьер-министром и главнокомандующим вооруженными силами, а Ареф — министром иностранных дел.

Но очень скоро вся власть сосредоточилась в руках Касема, что вызывало недовольство в рядах партии

¹ Хашим — род племени курайш, к которому принадлежал пророк Мухаммад. Хашимиты — потомки пророка Мухаммада.

² Шериф — потомок пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы и зятя Али. Традиционно Мекка и Медина находились под управлением шерифов. Во время Первой мировой войны Хусейн при поддержке англичан планировал создать арабское королевство на территории всех арабских государств Ближнего Востока.

«Баас». В 1959 году Саддаму Хусейну поручили убить генерала Касема. Покушение не удалось, и Саддаму Хусейну пришлось бежать за границу.

У меня с детства был один знакомый мальчик — Сироп Искандарян. Мы познакомились в раннем детстве, потому что родители Сиропа — состоятельные армянские христиане — были членами того же элитного клуба, что и мои. В те дни, когда меня не мог забрать шофер, я ехала домой на школьном автобусе и нередко виделась с Сиропом. Он всегда был в превосходном настроении, смеялся, махал мне через стекло и бежал вприпрыжку за автобусом. Встречи с Сиропом доставляли мне огромную радость: он был очень милым и приятным мальчиком.

Но с годами игры переросли в ухаживания, и я заметила, что Сироп проявляет ко мне повышенный интерес. Нужно было быть слепой, чтобы этого не заметить. Думаю, мама тоже обратила на это внимание и пристально следила за успехами Сиропа, хотя мы с ней никогда об этом не говорили. Сама же я никогда не поощряла интерес Сиропа, но и не отвергала.

И в этом нет ничего странного. На Востоке люди, замечая что-либо, делают выводы для себя, не испытывая потребности делиться ими со всем миром. Все шло своим чередом, пока одна из маминых подруг по клубу не обратилась к моим родителям по поручению семьи Сиропа; она сообщила, что у Сиропа серьезные намерения, и он хочет узнать меня поближе, если, конечно, мой отец это одобрит.

Наши с Сиропом отношения развивались очень медленно. Он смотрел на меня издалека, посылал мне цветы и открытки, улыбался мне в клубе, но если хотел пригласить меня потанцевать, то вначале спрашивал разрешения у моей матери. В этом я не отличалась от других девушек из моего окружения. Меня все оберегали и защищали. Я жила в раю, сама не зная об этом. А потом появился змей-искуситель в лице Саддама и все уничтожил.

Мои практичные родители сочли, что юный Сироп Искандариан может дать их дочери все, о чем она только может мечтать. Состоятельная семья Сиропа тоже была не против нашего союза. Мы были ровней по происхождению и благосостоянию, и соответствующее решение было принято. Оставалось только назначить дату помолвки.

Вспоминая прошлое, я по-прежнему изумляюсь тому, как круто может измениться человеческая жизнь. Причем не один раз. Но основные ценности не меняются. После всех прошедших лет, после всего, что произошло, я по-прежнему считаю лишь мою жизнь в доме родителями *настоящей жизнью*.

В глубине души — я по-прежнему избалованная, избалованная, окруженная родительской заботой «багдадская принцесса».

Закрывая глаза, я слышу музыку, игравшую в клубе «Альвия», где мы с Сиропом встречались с нашими друзьями. И мне хочется плакать при мысли о том, как хорошо нам тогда было. Но я приказываю себе успоко-

иться. Это теперь в прошлом. Жизнь не раз сбивала меня с ног, но я каждый раз поднималась. Накладывала макияж, поправляла волосы, надевала каблуки и изображала улыбку! Now go!

У меня не было выбора: я должна была вставать и идти вперед, чтобы не быть затоптанной.

Сироп Искандариан был на два года старше меня. Он знал, что моя семья воспринимает его как знатного жениха. Нет, у меня не было недостатка в деньгах: мой отец всегда покупал мне все, что я пожелаю. Но армянские семьи в Ираке были гораздо богаче нас: у них были большие земельные участки, дома и счета в банках. Потом все это изменилось.

Семья Евгении, матери Сиропа, происходила из Ирана. Евгения приходилась родственницей иракской королевской семье и часто играла в карты с королем Фейсалом Вторым и британским посланником в Ираке сэром Перси Коксом. Сестрой Евгении была скандально известная красавица Сара; в молодости ее прозвали Сара-аль-цингина — богачка Сара, но со временем она утратила свое состояние.

Со стороны отца были русские и армяне: в ближневосточных семьях иметь родственников в разных странах было обычным делом. Когда в 2007 году арабский телеканал «Аль-Джазира» показал документальный фильм, посвященный богатой событиями истории жизни рода Искандариан, из Греции позвонила моя дочь.

— Мама, включи телевизор! — сказала она. — Там рассказывают о папе.

Как бы то ни было, стоило мне вернуться из Бейрута в Багдад, как в доме тут же появился Сироп.

— Надо отметить возвращение Парисулы! Давайте устроим праздник.

Мама нахмурилась, но поскольку это предложил не кто-нибудь, а Сироп, она не подала виду, что против.

— Боже милостивый, не успела девочка в дом войти, а женихи уже на пороге. За такой нужен глаз да глаз!

Разумеется, родители отпустили меня на праздник, который устроил Сироп. Риск, что там появится Саддам, был минимальным. Вечеринка проходила дома у друзей семьи, и на ней присутствовали двое моих братьев и кузина Кети. Жаль, что у меня не осталось фотографий с той вечеринки. Те, кому никогда не доводилось видеть, как жили богачи в Багдаде в досаддамовское время, просто не смогут представить все это великолепие. Вне зависимости от того, кто стоял у власти, иракская элита всегда купалась в роскоши.

Особняк был похож на настоящий дворец. Или на шикарный отель. Бальный зал с колоннами украшали хрустальные люстры и цветочные композиции. Полы устилали восточные ковры ручной работы, в нишах стояла антикварная мебель. Посреди зала можно было танцевать, но мы пока просто сидели и болтали. Я сидела спиной к входу, держа в руке хрустальный бокал с апельсиновым соком, и не видела, что позади меня происходит. Внезапно Кети мне шепнула:

— Это он! Сироп идет!

И в этот момент бокал выскользнул у меня из рук и разбился на тысячи осколков. К моему столу подошел

мой будущий муж с двумя телохранителями за спиной. За год Сироп возмужал и выглядел как богатый плейбой. Мне было прекрасно известно, что все юные армянки Багдада мечтают выйти за него замуж. Улыбнувшись мне, Сироп коснулся ботинком осколков на полу и сказал:

— Парисула, ты прекрасна!

Я поблагодарила его за комплимент и, поскольку мне были не нужны проблемы сразу по возвращении домой, прибавила:

— Здесь много красивых девушек, Сироп. Иди к ним.

Но, к моему удивлению, мой брат поднялся, уступая Сиропу соседний стул. Сироп сел и нагнулся ко мне, не обращая никакого внимания на остальных гостей.

— Отодвинься!

— Я отвезу тебя домой, Парисула.

— Спасибо, но меня ждет шофер.

— Пойдем потанцуем.

Тогда самой популярной песней в Багдаде была «Seal It With a Kiss»¹, и в моде было по ходу танца меняться партнерами. Но Сироп отказывался уступать меня кому-либо, даже когда другие кавалеры, устав ждать, легко похлопывали его по плечу.

— Мы поженимся, Парисула, ты и я! — объявил он. — Я тебя не отпущу!

Ближе к полуночи мы с кузиной вышли к машине, в которой нас ждал шофер. Но не успели мы проехать и пару сотен метров, как Кети вскрикнула:

— Пари, смотри, за нами едет Сироп!

¹ «Скрепи это поцелуем». (англ.).

Водитель вопросительно посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Что ему делать?

— Езжай домой! — приказала я.

Поднявшись на второй этаж, мы с Кети украдкой выглянули в окно. Под окнами стояла машина Сиропа. Когда мы утром проснулись, машина по-прежнему стояла на том же месте. Кети повернулась ко мне:

— Он спал у твоего дома, Парисула. Он в тебя влюблен.

Обычно в это время по утрам отец сидел в саду с первой за день сигаретой и чашечкой кофе. Ему нравилось начинать день спокойно, и горе было тому, кто решался его потревожить в такую минуту. Но наутро после вечеринки в дверь позвонили. Отец открыл в халате и тапочках и очень удивился, увидев на пороге Сиропа.

— Я хочу жениться на Парисуле, — заявил тот.

Отец пришел в ярость. Просто невыносимо! Просить руки в семь утра!

— Клянусь, — крикнул папа, — что сегодня же отправлю ее обратно в Ливан!

Смутившись, Сироп попятился. Осознав свою ошибку, он сказал, что придет в более подходящее время.

— Я приду в пять часов вместе с мамой, — уточнил он.

Ровно в пять часов перед нашим домом остановился лимузин. Шофер открыл дверцу, и из машины вышла мама Сиропа, по обыкновению одетая очень элегантно. На этот раз Сироп сделал все как положено. И, следуя неписаным правилам, мои родители ответили должным

образом. Они пригласили Сиропа с его матерью пройти в гостиную, где предложили прохладительные напитки и завели любезную беседу.

Наконец Сироп снова поднял главный вопрос, сказав:
— Я хочу жениться на Парисуле.

Все это время я пряталась под кроватью. Когда в спальне появилась мама, велевшая мне одеться по красивее и спуститься в гостиную, я воскликнула:

— Я не выйду за него замуж! Сироп плейбой! Он со мной поиграет и выбросит как ненужную игрушку!!!

Но мое мнение никого не интересовало. Сироп был подходящей партией. Его семья одобряла наш союз, и когда я спустилась, мои родители и мать Сиропа уже вовсю обсуждали свадьбу. Всё решили, не спросив меня. Я присела перед элегантной дамой, которая уже обращалась со мной как с невесткой, — но тут же сказала:

— Минуточку! А меня вы спросить не собираетесь?

Но и на это никто не отреагировал. Взрослые уже обо всем договорились и вышли из гостиной, оставив нас с Сиропом наедине впервые в жизни.

Сироп подошел ко мне, обнял и прошептал, что все будет хорошо.

— Это неправильно! — Произнесла я с возмущением. — Тебе следует жениться на армянке. Я тебе не доверяю. У тебя было столько женщин... Ты кутишь каждую ночь...

Сироп смотрел на меня с восхищением. Почему? Потому что я вела себя как положено! Женщина не должна прыгать от радости, когда ей сделали предложение. Ей следует изображать неприступность. Это такая игра

между мужчиной и женщиной, правила которой нужно знать, если ты живешь на Ближнем Востоке. Это одновременно комедия и трагедия, и не все способны достойно исполнить свою роль в этой пьесе. Кто-то выиграет, и кто-то проиграет. Но поскольку никто не хочет проигрывать, в конце все притворяются победителями.

Сироп с мамой уехали, так и не услышав от меня «да», — но они прекрасно знали, что игра началась. Тем временем на сцене появилась сестра матери; она окинула меня презрительным взглядом:

— Что ты о себе возомнила, дуручка! Сироп с тобой играет? Что это за глупая шутка! Разумеется, он не хочет на тебе жениться. Он богаче тебя и может заполучить любую! С чего бы ему жениться на такой, как ты!?

Это меня взбесило.

— Что ты такое говоришь? Вот увидишь, насколько Сироп серьезен, на нашей свадьбе, если я, конечно, тебя приглашу...

В 1970 году мы поженились, и я переехала в дом семьи Сиропа. С собой из дома отца я забрала повара по имени Юсуф, который накануне свадьбы обратился к Сиропу с просьбой:

— Возьмите меня к себе в дом. Я знаю, какая еда нравится Парисуле!

Это на самом деле было так. Мы с Юсуфом росли вместе: его родители прислуживали у нас в доме. И я была рада тому, что он последовал за мной в дом мужа.

В 1971 году родилась наша первая дочь Элизабет, которую мы попросту называли Лиза. Еще через два года

родилась Александра, которую мы прозвали Алики. Все шло своим чередом. Мы с Сиропом были счастливы. Я быстро освоила принятые в его доме порядки, весьма отличные от наших. Семья Сиропа жила согласно колониальным британским традициям. Каждый день в пять часов у них подавали чай, как в лучших английских домах: в фарфоровых чашечках, с сэндвичами и кексами.

Сироп, как и мой свекор, обожал конный спорт — традиция тоже родом из Англии. Лошади для меня были в новинку, но я быстро привыкла. У семьи Сиропа была своя конюшня с чистокровными арабскими жеребцами, и я стала брать уроки верховой езды. Мне по-прежнему доставляет радость слышать стук копыт лошадей, несущихся галопом. В те годы, когда я жила с мужем и детьми, я много каталась верхом. Сироп обожал лошадей и часто играл на скачках.

Семья Саддама, придя к власти, тоже пристрастилась к конным видам спорта. Кусей, младший сын Саддама, имел слабость к скаковым лошадям. Традиционно в Ираке конный спорт входил в сферу интересов самых состоятельных и знатных людей.

Несмотря на некоторые отличия, я продолжала жить так, как жила до замужества. Клуб «Альвия» продолжал оставаться для нас центром общественной жизни. Мы почти ежедневно ездили туда встречаться с друзьями и родственниками. Основным отличием было то, что теперь я была замужней женщиной, с новым для меня статусом.

К 1974 году я уже была замужем несколько лет, и у меня было двое маленьких детей. В это время Сироп предложил поехать в Грецию и на Кипр, чтобы познакомиться с моими родственниками с материнской стороны. Эта идея привела меня в восторг, так как я никогда не видела дедушку. Мы назначили дату отъезда, накануне которого мне приснился странный сон, который я отчетливо помню до сих пор. Мне приснилось, что я стою перед огромным полем, заросшим подсолнухами, среди которых я вижу голубоглазого мужчину с белыми волосами. Он невысокий, на голову ниже подсолнухов, но выглядит сильным и здоровым. Щеки у него румяные, как спелый гранат.

Когда я рассказала свой сон маме, та всплеснула руками:

— Ты видела во сне дедушку!

Дедушка жил на Кипре в большом поместье. Все необходимое изготавливали дома. Мой дедушка знал толк в еде и соглашался только на самое лучшее, а лучшим у него считались только то, что он приготовил или вырастил сам: хлеб, мясо, молоко, овощи, фрукты, оливковое масло и вино.

Таким он был сам и так воспитал мою маму. Таким же завтраком, каким ее кормили в детстве, она потом кормила меня и моих семерых братьев. Перед школой она протягивала всем по стакану с завтраком. Два свежих яйца, в которые она, предварительно взбив их с капелькой коньяка, добавляла горячее молоко с медом.

— Только самое лучшее, — повторяла она слова дедушки, которые тот говорил ей, когда она была маленькой, и только после этого отпускала.

Дедушка был человеком твердых привычек. Завтракал и обедал он всегда одним и тем же: домашний хлеб с оливковым маслом, помидоры, лук и соль. К обеду прилагался стакан вина. Вечером дедушка ел мясо или рыбу, причем всем видам мяса он предпочитал курятину. Баранину в больших количествах он считал вредной. Зато рыба, по его мнению, была полезна для мозга. Он сильно переживал из-за пищи в Багдаде, где, как ему казалось, потребляют слишком много мяса.

— А ведь у них есть море! — вздыхал он.

Дедушке было жаль всех, кто не мог жить, как он.

Я очень много слышала о дедушке, и, к моей радости, он оказался точно таким, как мама его и описывала. Мы быстро нашли общий язык. У дедушки была новая жена после смерти первой, но он сказал нам обеим, что хочет мне оставить поместье на Кипре. Вторая жена дедушки спокойно это приняла, потому что ферма была лишь одним из немногих источников дохода в их семье.

По маминой линии у меня много родственников на Кипре, и все они желали познакомиться со мной и Си-

ропом. Отвечать отказом считалось невежливым, и у нас месяцы ушли на походы в гости. Везде в нашу честь устраивался праздник с угощением, греческой музыкой и подарками, и даже спустя полгода мы еще не успели навестить всех на острове. Это была прекрасная жизнь, подаренная мне моими родителями и моим мужем. Я была счастлива и спокойна.

На Кипре есть знаменитая старинная часовня, посвященная святому Георгию. Она очень популярна, потому что, если верить легенде, желание, загаданное там, обязательно сбудется. Причин тому две. Люди верят в святость этого места, а еще в остатках мозаичного панно на стене можно разглядеть контуры святого Георгия верхом на лошади.

Когда мы с Сиропом пришли в часовню, он тщательно изучил стену и покачал головой, так как ему ничего не удалось разглядеть. Я же долго стояла перед стеной и постепенно начала различать детали: здесь рука, там часть лошади. Внезапно образ святого возник передо мной, и я нарисовала его в воздухе.

— Я вижу! — воскликнула я.

Гид сказал, чтобы я тут же загадала желание. Мы вышли на яркое солнце, и внезапно у меня по телу пробежал озноб. Сироп взглянул на меня озабоченно. Парри, ты не заболела?

В тот момент я вдруг почувствовала тревогу. У меня было все, чего только можно пожелать, но, тем не менее, я обратилась к святому с просьбой:

— Защити меня!

И я не сомневаюсь в том, что мое желание сбылось. Без помощи Господа и защиты святого Георгия я сегодня была бы мертва.

Кипр — сравнительно небольшой остров, и, казалось бы, люди должны там жить в мире. Однако долгая история Кипра полна битв и сражений, а после ухода британских колонизаторов в конце шестидесятых между греческими и турецкими жителями острова начались столкновения, не прекращающиеся до сих пор. В результате войны, начавшейся в августе 1974 года, остров был поделен на две части с буферной зоной посередине. В одних местах эта зона была шириной пару километров, в других — всего пару метров. Турки могли свободно перемещаться в греческой части, но в турецкую греков не пускали.

И в этом нет ничего удивительного. Я жила во многих ближневосточных странах, и там всегда происходят конфликты. Все время. Разные религиозные и этнические группы, запутанные исторические и политические связи — все это приводит к тому, что местные конфликты быстро перерастают в большие. А интерес к нефтяным месторождениям только усугубляет ситуацию.

Как бы то ни было, у меня был греческий паспорт, не позволявший пребывать в турецкой части острова. Но у мужа паспорт был иракский, а значит, Сироп мог свободно передвигаться по всему Кипру. У моих родственников в турецкой части острова были друзья, от которых они давно не получали вестей, и Сироп, добрая душа, вызывался им помочь. Поэтому, когда мы после

обеда сидели перед домом бабушки и пили чай, Сироп часто заговаривал с проходящими мимо турками, которые на велосипедах везли разные товары на продажу.

Во всем мире люди разговаривают друг с другом. И даже в разгар войны находятся те, кто упрямо продолжают разговаривать друг с другом. Словно ничего не случилось. Таким человеком был мой муж Сироп. Политика его никогда особо не интересовала, он легко заводил друзей и ему нравилось болтать с прохожими. Главное для Сиропа было жить спокойно и наслаждаться жизнью. Так обычно бывает, когда с детства живешь в роскоши и принимаешь богатство как должное. Я была точно такой же.

Мы с Сиропом были во многом похожи: его тоже тянуло на разные приключения. И если где-то была граница, как на Кипре, то Сиропу непременно нужно было узнать, что находится по другую сторону. Иногда он провожал до дома живших у самой границы турков, а потом за ужином рассказывал моим родственникам, как обстоят дела в турецкой части. Что было таким же, что отличалось и с кем он там столкнулся.

Одним таким вечером Сироп не пришел обратно. Я испытала приступ ревности. Когда на следующее утро Сироп вернулся, я набросилась на него:

— Если ты был с другой, я убью тебя! И ее!

Но Сироп на эти слова никак не отреагировал. Вместо этого он сказал, что нам нужно собирать вещи. Турецкие друзья посоветовали ему как можно скорее покинуть остров.

Сироп уже заказал нам билеты на самолет, и, наспех попрощавшись с бабушкой, мы поехали на такси в аэро-

порт. Аэропорт был переполнен греческими семьями, у которых не было билетов, но мы, благодаря турецким друзьям Сиропа, успели сесть на последний самолет перед закрытием аэропорта.

Позднее я поняла, что Сиропа принимали за шпиона. За время войны люди изменились и стали относиться к обычным вещам с подозрением. И их можно понять: раньше у моих родственников было много земли и в северной части острова. Что, если он захочет ее продать?

Правды я так никогда и не узнаю. Но в любом случае турецкие бомбы были сброшены прямо на поместье моего дедушки, убив его и уничтожив мое наследство. Я же была в безопасности в Багдаде.

Официально президентом Ирака Саддам Хусейн стал только в 1979 году, но фактически он уже давно управлял всем в стране. Партия «Баас» разработала два пятилетних плана на период с 1965 по 1975 годы с целью развития в Ираке социализма и снижения экономической зависимости страны от нефтяных доходов за счет модернизации сельского хозяйства и промышленности. Еще одной целью партии было повышение уровня жизни в стране.

Национализация нефтедобывающей отрасли обеспечила постоянный приток денег правительству. В середине семидесятых годов Саддам Хусейн национализировал земли, принадлежавшие бывшей элите страны, без какой-либо компенсации.

Тем не менее, за третье пятилетие (1976—1980) снизилась производительность в промышленности и в сельском хозяйстве. Саддаму Хусейну пришлось расстаться с мечтой о социалистическом государстве и разрешить предпринимательскую деятельность. Он даже пригласил в Ирак иностранных инвесторов.

Однажды вечером мы с няней смотрели телевизор в нашем доме в Багдаде. По телевизору все чаще показывали выступления Саддама, который сообщал гражданам о новых переменах в государстве. В тот день он зачитал список, состоящий из имен состоятельных иракцев, чья земля конфисковывалась в пользу государства. Список показали на экране, и под первым номером в нем значилось имя моего мужа: Сироп Искандариан.

Я окаменела. Почему мой муж? Почему под первым номером? Ведь другие были богаче него, и у них было больше земель.

По окончании речи Саддама Хусейна в доме начался ад. Сироп пришел в ярость. Телефон звонил не переставая. Назначались встречи. Обсуждалось, что делать. Протесты сменялись предложениями.

В глубине души я понимала, что происходит. Не раз я спрашивала себя, сколько мне позволят быть счастливой. Потому что не могла забыть выражения глаз Саддама, когда он говорил: «Где бы ты ни была, я буду следить за тобой. Не надейся, что я забуду, что ты принадлежишь мне».

Конфискация имущества моего мужа была первой атакой Саддама на меня. Первой, но не последней. Вернувшись с Кипра к благополучной и беззаботной жизни в Багдаде, я не раз задавалась вопросом, почему от Саддама ничего не слышно. Тот Саддам, которого я знала, не смирился бы с тем, что я без его разрешения вышла замуж за армянина.

Раз за разом я прогоняла прочь эти тревожные мысли. Я любила мужа и была с ним счастлива. Но его имя значилось первым в списке людей, которых ждала конфискация имущества, и это было очевидным посланием от Саддама. Сделать так было все равно, что лично мне сказать: «Я знаю, где ты. Я могу сделать с тобой все, что пожелаю. Так что не надейся от меня избавиться».

Я интуитивно чувствовала, что Саддам хочет меня наказать. Знаю, читателю может показаться, что я преувеличиваю свое значение в жизни Саддама Хусейна, но дело тут не в любви, а в чувстве собственности. Саддаму нравилось обладать и повелевать. Нравилось диктовать всем свою волю. Получать все, что ему вздумается. Саддам стремился во всем побеждать, независимо какой ценой. Чтобы понять мою историю, нужно понять, как может мыслить человек, подобный Саддаму.

Услав меня в Бейрут и потом выдав замуж за Сиропа Искандариана, мой отец лишил Саддама того, что он считал своим по праву. То есть меня. Естественно, Саддам не мог такое простить. Если какая-то из женщин Саддама и выходила замуж, то только по его личному распоряжению и никак иначе.

Я знала Саддама много лет и научилась понимать ход его мыслей. В ту же секунду, как я исчезла из Багдада, он принял решение меня вернуть. Не потому, что безумно любил, а потому, что считал своей собственностью. И это не мое воображение. Саддам действительно забрал все имущество моего мужа, разрушив наше с ним счастье. Это произошло. И он добился своего. Саддам Хусейн не был разборчивым в средствах: для него был важен только результат. На это могло уйти время, но рано или поздно Саддам получал желаемое, потому что он никогда ничего не забывал.

Самым большим ударом для моей семьи была не потеря имущества, вызванная приказом Саддама, а потеря статуса. Власть в стране сменилась, и бывшая элита больше не имела никаких прав и никакого особого положения в обществе. Более того, в будущем их не ждало ничего хорошего. Одновременно Саддам дал мне понять, что в наших с ним отношениях ничего не изменилось. Я по-прежнему принадлежала ему.

В это трудно было поверить, но это было правдой. Все действия Саддама были направлены на то, чтобы вернуть меня. И я вернулась.

Нет, я никогда не спрашивала об этом Саддама. Зачем спрашивать, когда уже знаешь ответ. Чтобы дать ему возможность описать, каким именно образом он медленно разрушал мою жизнь?

Я знала. Саддам знал. Этого было достаточно. Я знала, на что он способен. Но как-то диктатор поинтере-

совался, почему я не задаю вопросов. Я только улыбнулась:

— Ты Саддам. Ты можешь все.

Ему нравилось верить в то, что он действительно способен на все. И мне не составляло никакого труда произнести эти слова. Мне было все равно, во что он верит. Я хотела просто жить, но даже это Саддама не интересовало.

После того дня наша с Сиропом жизнь резко изменилась. От стресса муж ударился в азартные игры. Последние деньги он прожигал на скачках, не задумываясь о будущем.

После конфискации семья Сиропа уже не была одной из самых богатых и могущественных в стране. Моему мужу было трудно принять эту жестокую реальность, и он находил утешение в азартных играх и алкоголе. Сироп с детства привык к богатству, роскоши и легкой жизни: он не привык к трудностям и проблемам. Люди по-разному реагируют на перемены в жизни, и муж очень быстро истратил огромные деньги и лишился нескольких домов в Багдаде. Раньше это не сыграло бы никакой роли, но теперь на счету был каждый доллар. Но пока мы продолжали жить в особняке, в роскоши и комфорте.

С нами в одном доме жила мать Сиропа, но у нас было столько комнат, что встречались мы только за ужином. Обеды и ужины всегда устраивались согласно четко определенному порядку, который даже с уменьшением нашего достатка мы отказывались менять.

В восемь часов мы завтракали. В двенадцать обедали. В пять пили чай, а в восемь ужинали. И так каждый день.

Я не могу утверждать, что мы со свекровью были друзьями. Мне кажется, что друзья должны делиться не только радостью, но и горем. Мы со свекровью относились друг к другу с большим уважением и, как мне кажется, симпатизировали друг другу. Может, мы бы и сблизились в дальнейшем, если бы в нашей жизни все было хорошо. Но, к сожалению, времена изменились, и для таких людей, как мать Сиропа, было важно продемонстрировать всем, что они не утратили самообладания. Если муж не мог справиться с ситуацией, то его мать нашла в себе силы для этого.

Она была в курсе того, что происходило в стране, но она не умела выражать свои чувства. Ее этому не научили. Напротив, чем сложнее была жизнь, тем настойчивее мать Сиропа стремилась сохранить приличный фасад. Мы продолжали улыбаться друг другу. Мы не обсуждали Саддама Хусейна и его приказы, даже касавшиеся нашей собственной семьи. Мы не говорили о зависимости Сиропа от азартных игр. Но мы обе знали, что это происходит, и знали, что должны держаться вместе. Мы получили одинаковое воспитание, и нам не нужны были слова, чтобы понимать друг друга. Когда знаешь все, нет необходимости в разговорах. Потому что они ничего не меняют. Лучше потратить силы на что-то другое.

Объектом новой атаки Саддама стал мой дом. В один прекрасный день мне просто объявили, что нам больше не принадлежит наш дом. Он понадобился Саддаму, и мы должны выехать.

Мое сердце обливалось кровью. Я любила мужа и детей и не хотела с ними расставаться. Но если у меня раньше и были какие-то сомнения по поводу намерений Саддама, то теперь они испарились. Саддам Хусейн не сдастся, пока не уничтожит все, что мне дорого. Сначала наше с Сиропом состояние, теперь дом. Легко можно было предположить, что за этим последует. Скоро он начнет отбирать дорогих мне людей. Мое сердце превратилось в кровоточащую рану, и мне не с кем было поделиться моими страхами. Отец за меня сильно переживал.

— Вернись к нам, Пари, — предложил он. — Забери детей и переезжай к нам. Так ты будешь в безопасности.

Я поблагодарила отца за заботу, но отказалась покидать мужа. Меня и без того мучало чувство вины, и я не хотела брать на душу еще более тяжкий грех. У меня не было никаких сомнений в том, что именно я виновата в

том, что случилось с моим мужем. Я любила Сиропа. И я должна была как его жена оставаться рядом с ним в трудные минуты.

Нет, этот вариант я даже не рассматривала.

Тень Саддама омрачала наше существование. Мы в страхе ждали нового удара. Моего мужа все любили. У него было много друзей, и везде ему были рады. Щедрый от природы, Сироп охотно одаривал друзей подарками, но после конфискации он совершенно переменялся. Моя свекровь переживала за своего сына и за происходящее в стране, где они когда-то занимали высокое положение.

Атмосфера в семье была напряженная. Я страдала от чувства вины и тревоги за моего мужа.

А потом случился третий удар. Обычно мы пили чай в пять часов вечера и одновременно принимали гостей. Об этом знали все: друзья, родственники, приятели. В пять часов семья Искандариан рада гостям. Так было у нас заведено. Поэтому никто не удивился, когда в пять часов в дверь постучали. В дом вошли двое мужчин из окружения Саддама, который в то время занимал пост вице-президента. Но они также были друзьями моего мужа с давних пор. Они воспользовались традицией пятичасового чаепития, чтобы посетить наш дом без подозрений, и предупредили моего мужа:

— Уезжай из страны! Немедленно! Вечером за тобой придут люди Саддама.

Странно наблюдать, как страна приближается к диктатуре. Повседневная жизнь меняет цвет. Все становит-

ся серым и мрачным. Люди начинают относиться друг к другу недоверчиво, делить всех на друзей и врагов. Они говорят вполголоса, тщательно подбирая слова. Страх расползается по стране, как плесень. Все меняется. Люди исчезают. Без всяких предупреждений они просто внезапно исчезают и никогда не возвращаются.

Почему? Потому что им удалось сбежать? Или их увезли посреди ночи? Или они уже мертвы?

Никто не знает наверняка. Спросить некого. Да никто и не отважится. Люди быстро учатся не задавать вопросы. Незнание — лучшая защита. Не видеть, вовремя отводить взгляд — вот чему они учат своих детей.

Поразительно, как быстро к этому привыкаешь. Как быстро перестаешь обсуждать серьезные вопросы и шутить на тему политики или религии. Главным талантом становится умение молчать. Можно прошептать на ухо ужасные слухи, которые довелось узнать, — но только тому, кому ты действительно доверяешь. А таких становится все меньше и меньше. По вечерам люди запираются в своих домах. Не выходят без лишней необходимости. Не устраивают праздников. Они молча ждут. Время идет. Жизнь замирает. Нормальная жизнь кажется им далеким нереальным сном. Одновременно люди стараются убедить себя в том, что все нормально. Стискивают зубы и замыкаются в себе.

Все это происходит постепенно. Я могу сравнить время, когда Саддам приходил к власти в Ираке, с неприятным запахом. К нему привыкаешь, даже если поначалу он вызывает отвращение. Неприятный запах распространяется по комнате, но невозможно, немис-

лимо представить, что он не исчезнет, сменившись свежим ароматом свободы. Когда, наконец, понимаешь, что плохой запах везде, уже слишком поздно что-то с ним делать.

Мой муж с детства привык к роскоши, комфорту и вниманию. Но в сложившейся ситуации главным его недостатком были не деньги, а его доброта. То, что он был щедр с другими, что у него были друзья, которые ценили его выше, чем свои новые посты в правительстве Саддама, друзья, которые пришли предупредить его, рискуя не только своей работой, но и жизнью, — все это было против него.

Муж не сомневался: друзья говорили правду. Это подтверждали многочисленные случаи исчезновения людей.

Почему их арестовывали? Исполнителей не интересовали причины. Они получали приказ сверху и исполняли его.

Сейчас у меня перехватывает дыхание, когда вспоминаю тот визит. Я не могу дышать. Удары Саддама были непредсказуемыми. В них не было никакой логики. Между одним и другим могло пройти полгода. Но стоило мне решить, что ничего плохого больше не случится, как он наносил новый удар.

Моя жизнь рушилась у меня на глазах. И я не могла помешать осуществиться планам Саддама, как бы ни старалась.

Мужу пришлось немедленно уехать. Ему хотелось позвонить отцу и попросить заботиться обо мне, но

друзья Сиропа его отговорили. Он сказал, что так поставит под угрозу жизнь моих родителей.

— У тебя должны быть синяки, Пари. И ты сама должна позвонить отцу. Когда он придет, скажешь, что я тебя бил, и он должен тебя забрать.

Я не могу забыть тот момент. Как подобрать слова, чтобы объяснить, что я испытала, когда Сироп обнял меня и прошептал, что ему придется меня ударить?..

— Прости, Пари!

Времени на объятия не было. Я оттолкнула мужа.

— Бей меня! Бей меня сильно!

Я помню испуганный взгляд Сиропа, когда он ударил меня, и я рухнула на пол. Помню боль, помню, как он резко поднял меня на ноги, что на руках остались синяки. У него был такой несчастный вид, что я зарыдала.

— Ударь меня еще раз! Тебе надо спешить.

Люди гораздо сильнее, чем им кажется. В тот момент я думала только о том, что жизнь моего мужа в опасности. Наверно, я была в состоянии шока. Я даже не чувствовала особой боли. Боль пришла позже. Когда отец пришел в дом, у меня болело все тело. Я не могла подняться и рыдала не переставая. Но самую большую боль мне причиняло осознание того, что моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Перед тем, как исчезнуть в темноте, муж мне сказал:

— Не знаю, где я окажусь, Пари, но я пошлю за мамой и за тобой с детьми, как только смогу.

Я посмотрела на Сиропа. Никто и не подозревал, что все это происходит из-за меня. Но я знала, что потеряла мужа.

— Мы больше не увидимся, — сказала я. — Я чувствую это.

Сироп нежно проговорил:

— Не нужно мелодраматизма, Пари. Конечно, мы увидимся. Раньше, чем ты думаешь. Я обещаю.

Ночью пришли люди Саддама. Они не стучались в дверь, а выбили ее. Так они всегда поступали. Но они не нашли того, что искали. Слуги сообщили им, что никого нет дома.

Позднее пришли другие люди и прибили таблички, извещавшие, что дом, вместе со всем, что в нем находится, теперь принадлежит Иракскому государству. За исключением моей спальни и детской, потому что, по арабской традиции, посторонним воспрещен вход в женские помещения. Эти комнаты и то, что в них находится, принадлежат только женщине.

Время в Багдаде было беспокойное, и, памятуя эту традицию, я спрятала деньги, украшения и золото в моих комнатах, надеясь, что там они будут в безопасности.

Разумеется, Саддаму ничего не стоило конфисковать и эти комнаты тоже, если бы он захотел. Диктатор прекрасно был осведомлен о том, что в Ираке женские покои неприкосновенны, но считал свои желания выше любых традиций.

Но Саддаму доставляло удовольствие играть со мной в кошки-мышки. Он позволил мне оставить себе комнаты и зарегистрированную на мое имя машину «Альфа-Ромео» — подарок мужа.

Все остальное из дома исчезло. Предметы искусства были развезены по загородным поместьям Саддама и его родственников. Кое-что было продано на зарубежных аукционах.

О судьбе имущества я никогда не узнаю. Все пропало. Можно плакать сколько угодно, вспоминая эти прекрасные вещи. Огромные часы с маятником, полученные в дар от короля Фейсала. Античные скульптуры, портрет шаха Ирана и его жены Фарах Дибы — подарок, полученный предками мужа. Уникальная резная мебель и персидские ковры ручной работы. Ковры, которые мы хранили свернутыми в чулане и временами расстилали для красоты.

Все это исчезло. Все без остатка. На земле, отобранной у моего мужа, Саддам приказал построить дворец. Нет, наши утраты невосполнимы. Ни в том, что касается денег, ни в том, что касается чувств.

Я была молодой женщиной, но в один момент превратилась в старуху. Счастье, которое я считала своим по праву, подарки судьбы и любовь, которая мне была дарована, — все это я потеряла.

Оба раза после рождения наших детей Сироп угощал весь персонал больницы шампанским. Это невозможно забыть, потому что такое не забывается.

Сегодня я знаю, что Сироп уехал в Ливан через Сирию на машине. В Бейруте ему помогли армяне. Ему были рады, потому что армяне, как и представители других

наций, охотно помогают своим. Сироп это знал. У его семьи были с давних времен хорошие деловые контакты в Бейруте, которые теперь пришлось весьма кстати.

Я много думала об этом осознании себя как представителя определенной группы, нации. Дети постоянно говорят мне, что я все больше становлюсь похожей на шведку. Не знаю, правда ли это, потому что не знаю, что значит быть шведкой. Разве я не Парисула? Гречанка, уроженка Ливана, бывшая гражданка Ирака, и вот теперь — Швеции? Разве просто быть собой недостаточно?

Братья помогли мне перевезти вещи из моей комнаты. Я же занималась устройством прислуги. Няню и Юсуфа я забрала с собой, но мне пришлось проститься с садовником, экономкой, лакеем, прачкой и ее дочерью. У всех этих людей были семьи, которые нужно было содержать, и все они утратили источник дохода, когда Саддам забрал у нас дом. Я выплатила каждому нашему домашнему работнику выходное пособие в размере трехмесячной зарплаты. Мне было безумно жаль расставаться с этими людьми, но другого выхода не было.

Теперь я жила в доме родителей с детьми и свекровью. Вскоре Сироп прислал за мамой, но я с детьми осталась в Багдаде. Полтора года мы прожили там, пока я не переехала в квартиру неподалеку. От Сиропа ничего не было слышно.

Прошло четыре года, прежде чем мы с мужем снова встретились. И к этому времени многое изменилось.

днажды я с детьми и няней гуляла в парке. Дело было весной, погода стояла прекрасная, и на душе у меня было спокойно. То и дело родители навещала тайная полиция — «Мухабарат».

— Где она? — спрашивали обо мне агенты.

Когда мама отвечала, что я живу с ними, они кланялись и уходили. Впрочем, они и так знали, где я и что делаю. Их визит являлся очередным посланием, и было очевидно, кто был его отправителем. Так Саддам давал мне понять, что знает, где я и с кем. Но ничего не происходило. Я проводила все время с мамой и детьми. Помимо этого я поступила в университет, чтобы изучать иностранный язык. Можно сказать, что в тот период Саддам был подобен мыши в подвале. Все знают, что мышь есть, и все видят следы ее присутствия, но никто не видел саму мышь.

Необычные ощущения испытываешь, живя в постоянном страхе. Атмосфера в клубе, где раньше мы так расслабленно общались, изменилась. Да разве и могло все остаться прежним, когда столько людей исчезло? И о какой расслабленности может идти речь, когда нужно контролировать каждое свое слово?

Солнце ярко светило. Сняв пальто, я присела на лавку и в этот момент услышала голос дочки:

— Смотри, там дядя Али!

Я решила было, что дочь ошиблась, — но ко мне действительно приближался Али ас-Суваяди, адвокат моего мужа и наше доверенное лицо. Все члены семьи Али были юристами и занимались юридическими вопросами богатых семей, а отец Али даже являлся адвокатом королевской семьи и другом короля Фейсала. Али много лет работал на моего мужа, и я ему доверяла, поэтому в тот день помахала Али, и он, улыбаясь, подошел к нам. Мы поздоровались, и я предложила ему присесть. Али покачал головой. «Нет времени, — сказал он и указал на черный лимузин в сотне метров от нас. — Я по делу. Оставь детей с няней и иди со мной, Пари.

Подняв пальто с лавки, он крепко взял меня за руку.

Я колебалась. Что все это значит? Как он узнал, что я в парке? Это не похоже на случайную встречу.

— Али, я не могу... Пойми...

— Тише, пошли со мной.

— Куда? Дай мне хотя бы отвезти детей домой.

— Пошли, Пари.

Напуганная няня осталась в парке с детьми. Лимузин, в который Али меня усадил, притормозил перед зданием суда.

— Что происходит, Али? — спросила я. — Что мы здесь делаем?..

— Помолчи! — отрезал Али. — Жди здесь.

Адвокат исчез, оставив меня в машине. Через минуту он вернулся с конвертом в руках. В нем оказалось со-

глашение о расторжении брака. Я недоуменно посмотрела на Али. Что это означает?

— Не хватает только твоей подписи, Пари... Подпиши здесь.

— Но мы с Сиропом не хотим разводиться... — пробормотала я. — Я не хочу...

— Вот здесь, — сказал Али, перебив меня. И прибавил: — Можешь взять мою ручку.

Со слезами на глазах я расписалась. Я была в гневе. Неужели Сироп такой трус, что не мог лично попросить у меня развода?

Али забрал ручку, сложил документ, убрал его в конверт и сказал:

— Теперь вы с Сиропом разведены.

Я никогда не забуду ту боль, которую мне причинили его слова. Разведены? Я больше не жена Сиропу? Ком подкатил к горлу. Но, несмотря на отчаяние, в глубине души я знала, что Сироп добровольно ни за что не развелся бы со мной. Мы любили друг друга. У нас был счастливый брак.

Когда мы с Сиропом наконец встретились, я спросила про развод. Было ли это его идеей, и кто подослал ко мне Али в парке? Сироп все отрицал:

— Я с тобой не развелся бы никогда. Я думал, это ты требуешь развода. Так мне сказали в иракском посольстве. Я был зол, но что я мог поделать?

Саддам снова пошел в атаку. Он устроил развод. Что будет следующим шагом?

Адвокат Али назвал шоферу адрес дома родителей. Я не спрашивала, откуда он ему известен. Всю дорогу

Али молчал, отведя взгляд. Конверт лежал у него на коленях.

Няня уже была дома с детьми, и в мое отсутствие моя мама с ума сходила от тревоги. В Багдаде в те годы человек мог просто уйти и не вернуться, а няня не знала, почему меня увезли в черной машине.

— Я разведена, — сообщила я матери. — Мы с Сиропом больше не женаты.

Мама с ужасом посмотрела на меня. Сироп давно уже не давал о себе знать, и все мы недоумевали, почему он не заберет меня к себе.

— У него что, другая женщина?

Я пожала плечами. Может быть. Мужчины на это способны. Но все же Сироп не стал бы разводиться со мной по такой банальной причине.

Что я могла сказать? У меня не было никаких объяснений. Мама ничего не знала о моих отношениях с Саддамом Хусейном. Узнай она, что таким образом он мстит мне, она убила бы меня. Еще подростком я опорочила доброе имя моей семьи, общаясь с Саддамом без родительского позволения. И если бы мама знала, что эта преступная связь привела к тому, что Сиропу пришлось бежать из страны и разводиться со мной, она убила бы меня.

Нет, я должна была молчать.

Не было ничего более постыдного, чем стать разведенной женой в Багдаде. И не важно, что я была христианкой, а не мусульманкой. Мне не хотелось быть обузой для моей семьи — но что я могла поделать? Все меня сторонились. Каждое утро я просыпалась в ужасе от сознания того, что нужно прожить еще один день. И это

при том, что все в моей семье знали, что я была хорошей женой и что в том, что случилось, нет моей вины. Но в случае развода в арабских странах вина всегда женщины, а я к тому же не могла объяснить причину развода.

Без мужа я была никем. Мне было двадцать два года, и на руках у меня было двое маленьких детей. Родные поддерживали меня в стенах дома, но им было стыдно за меня перед друзьями, и они больше не брали меня с собой в клуб. Недавно все мне завидовали, теперь же спрашивали:

— Почему ты разведена?

— Не знаю... — отвечала я.

— Сироп же должен был объяснить?..

— У меня нет ни малейшего представления.

Люди перестали спрашивать. Я превратилась в призрак. Никто со мной не разговаривал. Все сторонились меня, как прокаженной. Людям казалось, что я приношу несчастье.

Агенты «Мухабарат» снова явились к нам в дом.

— Моя дочь живет здесь со своими детьми, — сообщила им мама. — Она в разводе.

Люди из «Мухабарат» раскланялись и удалились. Больше они не приходили.

Я без конца рыдала. Во всех моих бедах виноват Саддам, но он уже мертв. Он обрел покой. В отличие от меня. Саддам часто говорил мне: «Если ты меня покинешь, то будешь расплачиваться каждый день. И я не позволю тебе умереть, чтобы избежать наказания».

Моя жизнь стала моим наказанием. Почему я продолжаю жить, ведь моя жизнь закончилась много лет назад?

После той атаки наступило затишье. Я уже знала, что за затишьем следует новый удар, и каждый день ждала, что случится что-то плохое. Дом казался мне тюрьмой: одна я боялась выходить на улицу и все время проводила в саду. Куда бы я ни пошла, меня всегда сопровождали братья, которые докладывали отцу обо всех, с кем я общалась вне дома. Братья считали это своим долгом. Моя семья хотела меня защитить. Родные желали мне только добра.

Повсюду в Багдаде чувствовалось присутствие Саддама. Ирак сильно переменился, и это не могло не сказаться на атмосфере в столице. Бывшая элита страны, мои родители и их друзья старались держаться в тени. Кто-то предпочел покинуть страну. Кто-то перевел все деньги за границу, но сам остался в Багдаде. Большинство уезжало в Ливан — в Ираке оставаться было небезопасно. Теперь к сливкам общества принадлежали члены семьи Саддама Хусейна и его приближенные. Простые люди жили в постоянном страхе, боясь даже упоминать имя диктатора.

Шесть месяцев я тоже жила в постоянном страхе. Жарким и влажным августовским вечером перед домом

моих родителей остановился автомобиль. Белый «Олдсмобиль». Всем было прекрасно известно, что на такой машине ездил вице-президент. Автомобили этой марки были только в автопарке Саддама, никто больше не мог их себе позволить. Телохранитель постучался в дверь и сообщил мне:

— Мне приказано доставить вас во дворец.

Я долго ждала этого момента, поэтому его слова меня не удивили. Моя жизнь уже была разрушена.

— Подождите меня, — сказала я. — Я сейчас выйду.

Я успокоила родителей, пообещав скоро вернуться. И добавила:

— Присмотрите за детьми и не переживайте за меня. Никому ничего не говорите и не звоните. Я скоро вернусь.

Пока я это говорила, во мне закипала ненависть. Переодеваясь в элегантное платье для мужчины, разрушившего мою жизнь, я чувствовала, как внутри меня все кипит от ненависти. Я не позволю ему сделать из меня жертву, думала я.

Странно, но я не испытывала страха. Тогда не испытывала. Ненависть была столь сильной, что заглушила все остальные чувства. Скоро я узнаю, почему Саддам лишил меня дома, мужа и всей моей жизни. Все дело в сексе? Любви? Власти? Или я нужна была ему по какой-то другой причине?

В машине сидели двое мужчин. Я остановилась в ожидании, пока мне откроют дверцу. Наконец один мужчина соизволил выйти и открыть мне дверцу. Усев-

шись на заднее сиденье, я положила ногу на ногу,правила платье и объявила:

— Можно ехать.

Я не задавала вопросов, чтобы им нечего было донести Саддаму, и не устраивала драм и истерик. Я просто ненавидела Саддама и желала ему смерти. Машина тронулась.

Во время поездки я пыталась понять ход его мыслей. Если бы дело было просто в сексе, Саддам давно уже послал бы за мной. Ему никто не мог бы помешать. В Багдаде люди исчезали каждый день. По ночам творились страшные вещи, о которых никто не отваживался говорить вслух. Одна девочка по своей наивности рассказала учителю, что ее отец выключает телевизор, когда транслируют выступления Саддама. Тот каждый вечер произносил перед камерами долгие и нудные речи, так что я прекрасно понимала отца этой девочки.

— Или он накрывает телевизор покрывалом, чтобы Саддама Хусейна не было видно, — добавила со смехом девочка.

На следующий день ее отец исчез. А еще через пару дней его вернули семье с перерезанным горлом. Аллах ахбар, Аллах велик! По ночам Саддам Хусейн играл в смерть.

Саддам мог делать все, что хотел. Талантливый оратор, он умел говорить так, чтобы простые люди его слушали. И он требовал от них полного подчинения. Секрет его успеха состоял в умении гениально манипулировать простыми людьми, с которыми он говорил на

одном языке, потому что когда-то был одним из них. По неизвестной мне причине Саддаму нравилось снова и снова демонстрировать мне, что моя жизнь находится в его руках. Шаг за шагом он уничтожал все, что было мне дорого. Вот о чем я думала, сидя в машине по пути во дворец Саддама Хусейна, построенный на конфискованных у нас с мужем землях.

За окном был знакомый пейзаж. Я хорошо помнила, как мы проводили здесь выходные, приглашая по сорок-пятьдесят гостей. Пикники, карточные игры, музыка, беседы, танцы, лодочные прогулки, вкусная еда. Комфортная и роскошная жизнь, утраченная навсегда. Я по-прежнему помню старинные дома в иракском стиле с внутренним двориком и колодцем посередине. В одном из флигелей семья моего мужа устроила комнаты для гостей, в другом располагались кухни, туалетные комнаты и два отдельных хаммама — один для женщин и один для мужчин. Мужчины и женщины в Ираке жили в отдельных комнатах, хотя в остальном у богатых граждан были европейские привычки. Но уважать обычаи страны, в которой живешь, всегда считалась признаком хорошего воспитания.

Лодочные прогулки мы обычно совершали на трехпалубных лодках. На верхней палубе можно было беседовать за прохладительными напитками. На второй — играть в карты, а на первой — танцевать.

У меня сохранилось много приятных воспоминаний о годах, проведенных вместе с моим мужем.

Мы часто бывали в конном клубе «Мансур», знаменитом своими лошадьми. Клуб «Мансур» был устроен

в британском колониальном стиле с курительной комнатой для джентльменов, бильярдной, коньяком после ужина, карточными играми и прочими атрибутами жизни колонизаторов. Мы со свекровью и девочками тоже ездили туда за женскими развлечениями. Например, устраивали дни рождения в главном здании — в те годы это было довольно популярно — или просто пили из серебряного чайника чай с молоком на английский манер или с лимоном. К чаю прилагались изысканные пирожные, которые умели готовить только в «Мансуре». Все в этом клубе было дорого и эксклюзивно. Для людей нашего круга было честью стать членом этого элитного конного клуба. Придя к власти, Саддам Хусейн не преминул сделать клуб «Мансур» своей игрушкой.

Сначала он поселил в помещениях клуба своих телохранителей, но в конце концов новая забава ему надоела, и он приказал сравнять клуб с землей. От бывшего великолепия остались только воспоминания.

Саддаму были свойственны ревность и зависть, но он их ни перед кем не выказывал. Он был готов пойти на любые разрушения, лишь бы никто не узнал о его слабостях.

Существует арабское выражение, без которого тут не обойтись, хотя его трудно перевести. Оно означает, что на земле, по которой я ехала на встречу с Саддамом, остались следы присутствия моего мужа и его семьи, и эти следы ничто не сможет стереть. Пока я жива, я буду воспринимать эту землю принадлежащей моему мужу.

Мне вспоминается телефонный разговор с Удеем, старшим сыном Саддама Хусейна. Это произошло намного позже, когда Удей уже был председателем Олимпийского комитета Ирака, а я — его ассистенткой.

— Пари, где ты была? Я тебя искал.

— На земле моего мужа.

— Пари, я мог бы тебя убить за такой ответ.

— Пожалуйста! No problem. Я уже мертва.

На последнем участке пути я напомнила себе, что Саддаму нравятся покорные женщины, такие, которые готовы умолять. Я решила, что буду вести себя по-другому.

Разумеется, об отказе от встречи и речи быть не могло. Я должна была думать о детях. Пойти против воли Саддама Хусейна было все равно что добровольно расстаться с жизнью. Те люди, что отваживались ему противиться, исчезали бесследно. Кто знает, что с ними происходило...

Все знали, что Саддам отобрал у нас земли, даже водитель. Я видела это по его глазам в зеркале заднего вида. Я знала, что его спросят, как я себя вела, и потому сидела с каменным лицом.

— Я смотрю на вас, потому что знаю, сколько вы потеряли, — сказал он внезапно.

— Достаточно насмотрелись? — произнесла я спокойно. — Тогда отверните зеркало.

Машина въехала в подземный гараж. Шофер открыл мне дверцу, и я вышла из машины. Когда-нибудь, когда-нибудь, говорила я себе, я узнаю, в чем дело.

Я из ненависти построила себе опору, поддерживающую меня в самые трудные времена. С властолюбивыми людьми, как Саддам, нужно оставаться сильной. Раньше я такой не была. И там, в подземном гараже, я была готова к самому худшему. Я сказала себе: «Я тебя знаю, Саддам. Ты не сможешь победить меня. Никогда».

Мы поднялись на первый этаж на лифте. Существуют особые правила поведения во дворце вице-президента: впереди меня шел один охранник, позади — другой. Мы прошли через зал и вышли в длинный широкий коридор. Мы медленно шли по направлению к закрытым двойным дверям. Подойдя к ним, охранник постучал.

— Войдите! — раздался голос Саддама, который я тут же узнала. Голос, который мог быть мягким, как бархат, и острым, как нож. Саддам спиной ко мне стоял у окна. Внутри у меня похолодело. Я застыла в дверях. Охранник энергично жестикулировал, показывая, что надо войти, но я не могла пошевелиться.

Наконец другой охранник сказал:

— Она не желает.

Тогда Саддам обернулся:

— Это почему же?

У меня дрожали колени. Все тело сотрясала дрожь, но я все равно не могла пошевелиться. Он не должен видеть меня такой.

— Если ты хочешь, чтобы я вошла, тебе придется подойти к двери и пригласить меня.

Саддам оглядел меня с головы до ног. Избегая его взгляда, я осматривала комнату. Нельзя было дать ему увидеть страх в моих глазах.

— Шакра, ты еще прекраснее, чем прежде.

— Многие так говорят.

— Так ты ждешь, что я тебя приглашу?

Я кивнула. Будучи женщиной, требовать на глазах у охранников чего-то у диктатора — значило бросить вызов Саддаму.

— Если нет, я поехала домой.

Охранники затаили дыхание. Какая дерзость! Что теперь будет?

Я же чувствовала только ненависть. Несмотря на все те удары, которые Саддам нанес мне, я хотела выйти победителем из этой схватки.

Саддам Хусейн улыбнулся. Он решил позволить мне эту маленькую победу. На глазах у охраны он пересек комнату и поклонился мне со словами:

— Добро пожаловать, Парисула. Не желаешь ли войти?

Я улыбнулась:

— Мундир тебе к лицу.

— Я знаю, что тебе нравится, шакра.

— Ты помнишь, что мне нравится. Я польщена.

Пока мы так болтали, двери захлопнулись, и я заметила, что Саддам расслабился. Взгляд его смягчился, и атмосфера в комнате стала менее напряженной. Я всегда действовала на него успокаивающе. Сама не знаю почему, наверно, свою роль играла моя привычка говорить то, что думаю. Никому другому Саддам

этого не позволял. Он привык подозревать всех и вся в лицемерии. Со временем он превратился в настоящего параноика. Я же всегда свободно выражала свои мысли. Я могла промолчать о чем-то, что, как я знала, вывело бы его из себя, — но если он был готов слушать, я говорила.

— Теперь я вижу тебя, Саддам. Обычно только чувствую твое присутствие. Почему?

Взгляд его стал твердым.

— Ты хочешь спросить, что я сделал, шакра?

— Нет, я знаю, что ты сделал. Я хочу спросить, почему ты всегда рядом. Не думай, что я не заметила.

Только сейчас до меня начало доходить, зачем он за мной послал. Саддам хотел, чтобы я жаловалась и умоляла о пощаде на бывшей земле моего мужа.

Никогда в жизни. Я не доставляю ему такой радости. Мне хотелось, чтобы ненависть сжигала меня, опалая все вокруг. Мне хотелось, чтобы при взгляде на меня Саддам чувствовал все то зло, которое он причинил мне, но чтобы мне не нужно было произносить ни слова. И я не позволю ему и пальцем дотронуться до меня, думала я.

Мы были в комнате вдвоем. Саддам предложил мне стул, и я села.

— Есть хочешь? — спросил он.

— Нет, спасибо.

— Что-нибудь выпьешь?

— «Драй мартини», пожалуйста.

Саддам улыбнулся. Я старалась не смотреть ему в глаза, боясь, что проснется былая страсть. Нет, я должна ненавидеть этого мужчину, а не желать его.

— Ты пила этот коктейль во время нашей прошлой встречи, — сказал он.

Я ничего на это не сказала. Просто оглядывала комнату, потягивая мартини. Допив, оставила пустой бокал и встала.

— Мне пора домой.

— Уже? — удивился Саддам.

Пока я была в состоянии удивлять или забавлять его, мне ничто не угрожало.

— У меня двое маленьких детей и больная мать, как тебе хорошо известно. Я должна о них заботиться.

— Я хотел бы побольше узнать о тебе... но... иншаллах¹...

— Ты знаешь о моей жизни больше, чем я сама, — сказала я, перебив его. — Ты даже устроил мой развод с мужем.

И тогда Саддам взял мою руку и прижал к своей груди. Притянув меня к себе, обнял, и я внезапно почувствовала себя крошечной в его медвежьих объятиях.

Нет, он не поцеловал меня. Он просто прижимал меня к себе, вдыхая мой запах, как в день нашей первой встречи. И мне было хорошо в его объятиях. Я разозлилась на себя за такую реакцию и отпрянула от него, сказав:

— Мне нужно идти.

— Ты еще вернешься, — констатировал Саддам.

¹ Иншаллах (*тур.*) — магометанский возглас «Так хочет бог», что означает: «если на то будет воля Аллаха».

Я смотрела на его мужественное лицо, не зная, что сказать. За дверьми меня ждали охранники, а в машине — шофер. Я пыталась собраться с мыслями, но в голове был сумбур. Меня снова предало собственное тело. Неужели прикосновения Саддама были сильнее моей ненависти? Я пыталась воскресить в памяти лицо моего любимого мужа, но передо мной был только Саддам.

В юности я была наивной дурочкой. Но прошедшие годы многому меня научили. На то, чтобы играть роль в присутствии Саддама, требовалось много энергии, поэтому, собрав остатки сил, я сделала глубокий вдох и сказала:

— Так ты просто хотел узнать, как у меня дела. — Я приняла беззаботный вид. — А я-то думала, ты по мне скупаешь. Но раз это не так, я еду домой. Прощай!

С этими словами я повернулась на каблуках, собираясь уйти. Саддам невольно сделал шаг навстречу. Моя беззаботность не входила в его планы, и он не знал, как на нее реагировать. Я не боюсь утверждать, что в тот момент между нами происходила борьба. Классовая борьба между образованной девушкой из хорошей семьи и простым крестьянином, которому довелось стать диктатором. И Саддам хотел выиграть в этой борьбе. Он не привык к поражениям. Но ему нечего было противопоставить моим женским приемам — флирту и кокетству.

Когда красивая женщина высокомерно ведет себя с мужчиной, как это делала я, обычно мужчина поступа-

ет так же, как Саддам, который сделал еще шаг ко мне навстречу и улыбнулся.

— Конечно же, я скучал по тебе, — сказал он и обнял меня с пылкостью любовника.

Шли минуты. Я не шевелилась. Саддам склонил голову мне на плечо и пробормотал:

— Я так устал, шакра. Где ты была так долго?

— Тебе это прекрасно известно.

— Ты ведь вернешься, когда будешь готова?

— Да, — ответила я, — когда буду готова.

В то мгновение больше всего мне хотелось остаться рядом с ним.

Нет, Саддам Хусейн не был романтиком. Но мне кажется, что к тому моменту, как мы возобновили отношения, он достиг такого положения в стране, когда против него никто не осмеливался пойти. Нет, Саддам не стремился делиться своей властью ни с кем, но он тосковал по достойным противникам. Одного из них он обрел в моем лице. Саддам сам мне признавался: «Ты единственная, кто говорит, что думает, шакра. Ты ничего не боишься».

Это была неправда. Пусть Саддам так думал, но страшно мне было все время. Не за себя, а за членов моей семьи. Страх стал моим постоянным спутником. Но при Саддаме я никогда его не показывала. Это было бы равносильно признанию своего поражения.

В ту ночь я осталась с Саддамом. Это была первая из многих ночей вместе после разлуки.

Когда я вернулась, мама встретила меня в дверях.

— Что случилось? где ты была? куда они тебя увезли? что им было нужно? — спрашивала она в панике.

— Министр расспрашивал меня о муже, — ответила я, падая в кресло. — Политика, ничего особенного. Но мне нужно выпить. Сделай мне двойной мартини, пожалуйста.

— Нет, ты не будешь пить, — заявила мама. — Ты какая-то странная. Что произошло на самом деле?

Но мартини она все-таки налила. Я качала головой, утверждая, что ничего не случилось. Ведь на самом деле ничего не случилось. Просто Саддам напомнил мне, что я женщина. Я уже успела об этом забыть за те три года, что прошли со времени исчезновения моего мужа. Я была молодой женщиной, нуждавшейся во внимании мужчины. В объятиях мужчины. Его запахе. Его ласках. Должна признаться, на пару секунд я действительно забыла, что ненавижу Саддама.

Удалось ли мне продемонстрировать ему силу моей ненависти? Однозначно нет.

Да и маску надменности у меня получилось сохранить на лице только до того момента, как Саддам меня обнял. После этого я чувствовала только страсть. Я и Саддам были так близки, как могут быть близки мужчина и женщина. Мы знали каждый сантиметр тела друг друга. И мы страстно желали друг друга. Желание было таким мощным, что меня это пугало. Казалось, в мире не было ничего естественнее, чем остаться с Саддамом на ночь. И вы не представляете, каких трудов мне стоило уйти от него на следующее утро. Каждый шаг по

длинному коридору прочь от Саддама давался мне с великим трудом.

Я ненавидела Саддама Хусейна за все то зло, которое он причинил мне и моим близким. Я не хотела иметь с ним ничего общего. Это правда. Так и было. Моя душа была сильной, но мое тело было слабым. Стоило Саддаму меня коснуться, как оно превращалось в горячий воск. И это тоже правда.

Как только я снова увидела Саддама, прежние чувства вспыхнули во мне с новой силой. Без всяких преувеличений, я чувствовала себя принцессой из сказки, которую принц увозит в свой замок на белом коне. Конечно, лошадью в моем случае был белый «Олдсмобиль», и о том, чтобы жить и умереть в один день, и речи не шло, — но в любом случае я не могла устоять перед Саддамом Хусейном. Такова была реальность. В глубине души я знала, что с момента нашей первой встречи мы навсегда связаны.

Скоро все знали о наших отношениях. Я помню взгляд Саддама, то, как он смотрел на меня тогда. Он словно видел меня насквозь. Видел мое отчаяние и мою влюбленность и манипулировал тем и другим в своих целях. Я презирала себя за то, что позволила ему меня соблазнить, презирала за то, что стала его любовницей. Он играл моими чувствами и моим телом, как виртуозный музыкант играет на скрипке. Он то приближал меня к себе, то отдалял. Большую часть времени я пребывала в панике от мысли, что мои родители узнают о нашем романе, и в ужасе от того, что я надоем Саддаму, и

он решит от меня избавиться. С ним я никогда не знала, что произойдет в следующий момент.

С социальной точки зрения я давно уже была никем для моей семьи и знакомых. И я знаю, что, когда стало известно о моем романе с Саддамом Хусейном, многие предпочли бы видеть меня мертвой. Он мог быть кем угодно в Ираке, но в моих кругах он считался худшим из худших.

Я молчала. Подростком я была по уши влюблена в молодого амбициозного Саддама Хусейна. Теперь же Саддам практически единолично управлял Ираком, хотя формально власть принадлежала его родственнику из Тикрита, президенту Ахмеду Хасану аль-Бакру.

Дома мы по-прежнему не обсуждали политику или религию. Политика принадлежала миру мужчин.

Чем дольше я знала Саддама, тем лучше понимала, какой он жестокий человек. Почувяв раз в жизни вкус крови, хищник уже не может остановиться. Так было и с Саддамом. С годами его кровожадность только усиливалось. И это меня пугало. Я не могла спать по ночам, поэтому доводила себя до изнеможения разными делами, чтобы валиться в постель от усталости.

Днем я изучала иностранные языки в университете, вечером заботилась о детях, а ночи проводила с Саддамом, оставив детей на няню.

Успокаивала меня только работа. Поразительно, как самая странная жизнь может быстро войти в привычку. Как я подстраивалась под желания Саддама, так же под него подстраивалась вся страна. Это происходило постепенно, но было неизбежным.

Диктатура — явление не статичное. Гайки закручиваются постепенно, одна за другой. Вначале изменения почти незаметны. Люди удивляются, нервничают, но никто не знает, что на самом деле происходит, и со временем они привыкают к новой ситуации. Тем более что гражданам больше не к кому обратиться. Вся старая оп-

позиция давно подавлена, а новую глушат при помощи пропаганды. Единоличные властители требуют все больше персональных привилегий. Над несогласными проводятся публичные суды, назначающие все более строгие наказания, все более тяжкие последствия ждут тех, кто осмелится выразить свое мнение. Все больше людей лишаются своего имущества и своих родных.

Так происходит во всех странах, где к власти приходит диктатор. В методах Саддама Хусейна не было ничего нового или особенного. И тем не менее все замалчивали происходящее. Никто не поднимал шума, потому что Саддам был нужен многим в самой стране и за ее пределами. Компании со всего мира инвестировали в Ирак. Нефтедобывающая промышленность приносила баснословные деньги и порождала множество нуворишей. У людей была работа, заводы модернизировались, никто не голодал, даже у женщин появилось больше прав. И многие считали это личной заслугой Саддама Хусейна.

Но люди не подозревали, каким кошмаром это обернется. Саддам был из тех, кто не созидает, а портит и разрушает. Даже то, что он сам построил. Что же говорить о том, что до него создали другие.

Ирония заключается в том, что именно американцы решили в какой-то момент избавиться от Саддама с его кубинскими сигарами, американским виски и ковбойской шляпой. Саддам обожал Америку и восхищался всем, что было родом из США. Ему нравилось говорить, что американцы его боятся, потому что он слишком много знает. Я не разбираюсь в политике и не знаю,

что именно он имел в виду. Но порой мне кажется, что не один Саддам стоял за всеми совершенными тогда преступлениями против иракского народа. Долгое время Саддам получал приказы напрямую из США, это чистая правда.

В то время Саддам был лучшим другом американцев. Но ему, как всякому хитроумному человеку, была свойственна некоторая глупость. Хитроумные люди лишены присущей мудрецам способности различать оттенки. Мне жаль иракский народ, который не знал того, что знаю я. Во время правления Саддама все иракцы жили в страхе неизвестности, но на самом деле его режим было очень легко понять: те, кто угождали Саддаму, были правы; те, кто шли против него, — нет. Конечно, чем безумнее становился Саддам, тем меньше логики было в его поступках, но ход мысли был именно таким.

Американцы привыкли жить в демократическом обществе. Они считают, что достаточно убрать диктатора, и все будет в порядке. Но демократия — это сложное искусство. Людям, привыкшим к тирании, никогда не понять людей, выросших в атмосфере свободы и гласности. При демократии все могут выражать свои мысли. При диктатуре люди умеют только молчать.

Я могу понять, почему американцев и их союзников перестал устраивать режим Саддама Хусейна. Но их ошибкой была полная неосведомленность о политической культуре в Ираке, важности клановой системы, ценностях различных религиозных групп и даже самом образе жизни в стране. Они не владели культурными

кодами, не зная которых, невозможно понять, как мыслят талибы и как искусственны навязанные колонизаторами государственные границы на Ближнем Востоке, разделившие одну нацию на несколько частей. Американцы могут сколько угодно хвастаться своими базами на Луне, но в Ираке луна означает священный месяц Рамадан. Американцам этого не понять. Они напали на Ирак, чтобы освободить иракский народ от Саддама Хусейна, ничего не зная об этом народе. Не все иракцы хотели, чтобы их освободили. Часть точно так же ненавидела президента Джорджа Буша-младшего, как до этого — Саддама. Они просто не видели разницы между двумя этими лидерами. Эти иракцы выросли при диктатуре, и им было все равно, избран ли Буш демократическим путем или нет, потому что слово «демократия» было для них пустым звуком. В результате они восприняли вторжение США в страну как попытку навязать им новую диктатуру.

Чем старше я становлюсь, тем все больше убеждаюсь в том, что на Ближнем Востоке все конфликты закручены вокруг нефти. Почему Ирак нищая страна, ведь с такими запасами нефти иракцы могли бы есть золотыми ложками с золотых тарелок каждый день?

Мы сами создали мир, в котором все начинается с нефти и все нефтью заканчивается. Только вот что мы будем делать, когда нефть действительно закончится — вот в чем вопрос?

Когда в Ираке разведенная женщина заводит любовника, она навлекает позор не только на себя, но и на всю свою семью. А то, что я возобновила отношения с мужчиной, который причинил столько боли моему мужу, было вообще невыносимо.

Но что мне было делать? У меня действительно был любовник, и звали его Саддам. Я не могла разобраться в буре тех чувств, что бушевали у меня внутри. Волнение, презрение, ненависть, раскаяние, одиночество, страсть, желание... Разум говорил мне, что я не могу иметь ничего общего с Саддамом Хусейном. Он был всем, что ненавидели мои родители, мой муж и его семья. Именно от таких людей родители всегда учили меня держаться подальше. От Саддама Хусейна можно было ждать только проблем. Но, несмотря на это, я снова начала с ним встречаться, потому что при виде этого мужчины теряла рассудок.

Сексуальное влечение легко может перейти в ураганную страсть, особенно если тебя влечет к чему-то запретному и постыдному. Я знала это, но это знание мне не помогало. Ощущение было такое, словно, проведя три года в морозильной камере, я попала в раска-

ленную печь. Меня бросало из крайности в крайность, и единственным якорем стабильности в бушующем море эмоций было осознание того, что я не могу жить без этого мужчины. Хороший он или плохой, добрый или злой — для меня это не играло никакой роли. Я не могла без него обойтись. Может, наши судьбы действительно были связаны?

Я презирала себя. Обвиняла во всех смертных грехах. Я стала заложницей своих эмоций. Ненависть и желание отомстить боролись во мне с постыдной страстью. Иногда мне хотелось приобрести такую же власть над Саддамом, какую он обрел надо мной и моими мыслями. Я была игрушкой в его руках.

Тем не менее Саддам многому меня научил. Он редко показывал свои чувства, но умел читать чувства, страхи, надежды и ожидания других людей по их глазам. Я тайком наблюдала за тем, как он обращается со мной и с другими, и училась у него. Это его забавляло. Мы продолжали вести Игру, начавшуюся в саду много лет назад. Саддам всегда был сильнее меня, но я вела себя так, словно не замечаю этого.

Чем чаще я говорила «нет», тем сильнее он меня желал. Это тоже было частью игры. «Нет» всегда более мощно воздействует, чем «да». Будь я всегда к его услугам, Саддам быстро бы от меня устал. Поэтому, даже страдая от тоски по нему, я старалась держать дистанцию.

У нашей игры были правила. У меня было право голоса в мелочах, а у Саддама — в серьезных вопросах. Моей целью было сделать его зависимым от меня. Это

стало бы моей мстью за то, что он сделал с моей жизнью. Эта попытка была обречена на неудачу, но раз уж я завела этот разговор, то расскажу, как все происходило на самом деле.

Однажды я получила письмо от Сиропа. Письмо пришло не обычной почтой, это было бы слишком опасно. Его принес вечером один армянин, который настоял на том, чтобы я немедленно в его присутствии вскрыла конверт и дала ему ответ.

Я подчинилась и при нем прочитала письмо. Сироп хотел, чтобы мы снова поженились. Сложив письмо, я вернула его армянину. И, покачив головой, сказала:

— Передай Сиропу, что я уже его жена. Мы не можем пожениться снова.

Я прекрасно знала, что, если бы я снова вышла замуж за Сиропа, Саддам непременно убил бы его. Я не могла этого допустить. Поэтому я постаралась ответить так, чтобы Сироп догадался, что мои чувства неизменны, и я по-прежнему его люблю.

У Саддама было много домов. Один из них он отвел для наших свиданий. Он также посылал моим детям подарки; это были вещи, о которых обычные иракцы могли только мечтать: одежда, шоколадные батончики «КитКат», игрушки, «Фанта». Я никогда ничего не просила, но принимала его подарки. Состояние Саддама росло, и подарки становились все более дорогими. Он дарил мне машины, украшения, элегантные наряды и прочие предметы роскоши.

Согласно арабским традициям, отказаться от подарка — значит оскорбить дарителя. Меня так воспитали, и я с благодарностью принимала подарки. Но самое главное не сама благодарность, а то, как ты благодаришь человека. Тепло и искренне. Или холодно и равнодушно.

Разница существенна. Есть сотни способов выразить благодарность, и никогда я не благодарила Саддама за подарки от всего сердца.

Если бы только это можно было объяснить моему мужу. Что, сколько бы подарков Саддам мне ни сделал, он отнял у меня гораздо больше. Ни один подарок в мире не смог бы компенсировать мне утрату семьи. То, что он отнял, было мне дороже всего на свете.

Мы с Саддамом виделись постоянно. Все знали это, и все молчали. Никто не отваживался обсуждать личную жизнь диктатора. Но пока Саддам был у власти, а я рядом с ним, я могла чувствовать себя в безопасности. Я была любовницей кровавого диктатора, которого боялись все, и всё, что они могли, это молча меня презирать. Никто не комментировал происходящее. Иногда я заговаривала об этом с Саддамом.

— Зачем я тебе? — спрашивала я. — Почему ты не оставишь меня в покое?

Такие вопросы можно было задавать, только когда Саддам был в хорошем настроении и не прочь поболтать. В ответ, если Саддам соизволял отозваться, я всегда слышала:

— Ты цветок, который я сорвал и который принадлежит только мне.

Или:

— Потому что я не могу жить без тебя, шакра. Ты всегда будешь со мной.

Иногда мне удавалось его рассмешить. Тогда он восклицал:

— Пари, ну что мне с тобой делать? Ты безумна!

Иногда, чтобы его поддразнить, я изображала ревность, спрашивая:

— Сколько у тебя других женщин, хабиби¹?

Мне всегда приходилось быть настороже. Угадывать настроение Саддама, чтобы не навлечь на себя его гнев. Помню, как я однажды завела разговор о других жен-

¹ Хабиби (араб. habibi) — дорогой, любимый.

щинах в его жизни, в существовании которых у меня не было никаких сомнений. Саддам сидел в кресле, я болтала и болтала, и внезапно он выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в потолок. Боже милостивый! Я так испугалась, что подумала, что умру. Снова выстрел! И снова. Три раза подряд.

— Закрой рот, шакра!

В тот момент я была так напугана, что забыла, о чем говорила, — но впредь никогда больше не спрашивала Саддама про других женщин. Потому что в следующий раз он не стал бы стрелять в потолок — он просто убил бы меня. У Саддама всегда при себе было оружие, не важно, сколько вооруженных охранников его сопровождали. Чем хуже он обращался с другими, тем больше боялся мести тех, кто его ненавидел. Повсюду ему мерещилась смерть. Саддам спал, положив пистолет под подушку и «калашников» на пол рядом с кроватью.

Я так никогда и не привыкла к заряженному пистолету в кровати, но у меня не было другого выбора, как принять волю Саддама.

В зависимости от того, насколько Саддам был загружен, мы с ним виделись чаще или реже. Иногда мы встречались за обедом, иногда за ужином. Иногда проводили ночь вместе, иногда — несколько дней. Я никогда не знала, когда состоится следующее свидание. Но он часто звонил и обычно посылал за мной машину. Чаще всего мы встречались в «нашем» особняке на берегу Тигра. Но Саддам никогда не навещал меня у меня дома. Об этом мы договорились с самого начала,

и Саддам согласился. Не потому, что уважал мои желания. Уважение — это толстая книга с множеством страниц, которую Саддам никогда не читал.

Но в мире, где мужчины управляют, а женщины подчиняются, существует такое понятие, как женские потребности. Например, мне требовалась большая гардеробная. Я меняла одежду несколько раз в день, и поэтому мне было проще держать утренние, дневные и вечерние наряды в разных шкафах. Мне нужна была комната для маникюра и педикюра. И тому подобное. Для меня важно было всегда выглядеть безупречно, даже парфюм я подбирала в зависимости от времени суток и значимости мероприятия. Но важнее всего для меня было иметь спокойный и тихий уголок для себя и своих детей. Наш собственный дом. Я объяснила это Саддаму сразу, как только мы начали снова встречаться, и он это принял. Но это не означало, что мой дом был закрыт для гостей из семьи Саддама, как раз наоборот. Со временем сыновья Саддама все чаще появлялись у меня дома, став частью нашей повседневной жизни. Удей и Кусей приходили без приглашения и днем и ночью и, естественно, докладывали своему отцу обо всем, что происходило у меня в доме.

Но докладывать особо было не о чем. Я прекрасно знала, что моя свобода ограничена. Даже в стенах своего дома я не чувствовала себя свободно. Например, я не могла посылать деньги за границу. Когда я однажды это сделала, об этом доложили Саддаму, который воспринял денежный перевод как подготовку к побегу. Я не могла поддерживать связь с мужем в Бейруте. Это было исключено.

Нет, никто мне этого официально не запрещал. Но я знала, что Саддаму известно все. Почти везде были установлены подслушивающие устройства. Мы называли их *douches* — души. Через них наши слова как дождь вливались в чуткие уши сотрудников спецслужб. Когда у меня были гости, мы иногда общались при помощи жестов и мимики. Точно так же я разговаривала с детьми на важные темы. Это быстро вошло у нас в привычку и при всей своей ненормальности стало чем-то самым собой разумеющимся. Но для нас прослушка была такой же частью повседневной жизни, как и все остальные гнусности саддамовского режима.

Саддаму нравилось напоминать мне об этом. С годами его подозрительность усиливалась, и он все чаще мне говорил:

— Что бы ты ни делала, шакра, я всегда буду об этом знать.

Я кивала. Мне было известно, что Саддам делает с теми, кто осмелился пойти против его воли. Смерть могла наступить быстро или медленно, но на прощение можно было не надеяться. Я знала много людей, которые исчезли.

Я не была счастлива с Саддамом. Мои чувства к нему не имели ничего общего с любовью. Влюбленность была, плотское влечение тоже было. Но со временем на смену им пришел страх.

Раньше я много смеялась. Те, кто меня хорошо знали, привыкли видеть меня веселой и жизнерадостной. В том числе и Саддам. Ему нравилось видеть меня в хо-

рошем настроении. Красивой и улыбающейся. Такой я была в тот день, когда мы впервые встретились, и именно такой он желал меня видеть, говоря:

— Пари, никогда не меняйся!

И я смеялась. Это было моей работой. Я быстро научилась смеяться, не чувствуя ни малейшей радости. В этом нет ничего сложного. Можно же искусственно вызвать слезы: то же самое и со смехом.

Мама часто мне говорила:

— Доченька, важно не отражение в зеркале, а то, что у тебя в голове. Красота и молодость рано или поздно уйдут, поэтому думай, что говоришь, держи глаза открытыми и ушки на макушке.

За годы, проведенные с Саддамом, я не раз вспоминала этот совет. Я училась читать мысли людей. Моим главным правилом стало сначала слушать и обдумывать, а потом уже действовать. Бог дал мне мозги, и я должна была их использовать, чтобы выжить. Рядом с Саддамом я не могла чувствовать себя в безопасности. Мне всегда приходилось быть настороже. Потому что в любой момент он мог сорваться и завопить:

— Я тебя убью!

Это не было пустой угрозой. Саддам мог убить любого, кого ему вздумается. Я видела это собственными глазами. Постоянно быть настороже нелегко. Как и жить в вечном страхе. Я с трудом сдерживалась, чтобы не показать, как мне на самом деле страшно, — но внутри меня все тряслось. Иногда мне казалось, что я больше не выдержу. Меня словно охватывало безумие. В такие моменты я садилась за руль, включала музыку на

полную громкость, разгонялась до бешеной скорости и кричала. Кричала, пока оставались силы кричать. Только когда на сердце у меня становилось легче, я разворачивалась и ехала домой.

Но никто об этом не знал. Людям казалось, что я веду роскошную жизнь в Багдаде. У меня и моих дочерей всего было в достатке. Мы никогда не испытывали нужды в материальных благах, как раз наоборот. Меня постоянно приглашали на торжественные мероприятия, праздничные ужины, вечеринки с именитыми гостями. Я была хороша собой, модно одета, прекрасно образованна и имела все нужные связи. И что самое главное, Саддам позволял мне развлекаться.

Однажды мне позвонила женщина, представившаяся председателем Всеобщего союза иракских женщин. Ей нужно было со мной встретиться, и мы назначили встречу в ее офисе в центре Багдада. Женский союз оказывал помощь и поддержку женщинам в отдаленных районах Ирака, где грамотность и медицинская помощь все еще оставались недоступной роскошью. Союз организовала партия «Баас» задолго до прихода Саддама к власти, но в виде жеста доброй воли по отношению к иракским женщинам Саддам назначил свою жену Саджиду покровителем этой организации.

В то время в Ираке вошло в обыкновение говорить: «Бог на небе, Саддам на земле». Выражение это означало, что за все хорошее в своей жизни нужно было благодарить не только Бога, но и Саддама, и Всеобщий союз иракских женщин не был исключением. Но эта организация выполняла важную работу и была необходима стране. Тем не менее, согласиться на встречу меня подтолкнуло не желание помочь иракским женщинам, а практичность: работа в организации подобного рода подразумевала международные контак-

ты, а они могли понадобиться мне в дальнейшем. Кроме того, у председателя Союза были хорошие отношения с женой Саддама, что тоже могло пойти мне на пользу. И не было никаких сомнений в том, что Саддам дал добро на то, чтобы эта организация связалась со мной.

— Я слышала, что вы говорите на пяти языках? — спросила председатель при встрече.

Это действительно было так. В университете я изучала французский, английский, арабский, греческий и итальянский. Я могла пригодиться Всеобщему союзу иракских женщин, но сначала мне нужно было убедиться, что все действительно так, как я подумала...

— Откуда вы обо мне узнали?

Женщина улыбнулась той особенной улыбкой, которая в Ираке означала только одно: нас прослушивают. В стенах спрятаны невидимые микрофоны, которые улавливают каждое наше слово.

— Ну... — Она улыбнулась еще шире.

Я сразу все поняла. Эта женщина была лучшей подругой Саджиды, жены Саддама. Но все равно с невинным видом я спросила:

— Вы всегда берете на работу по личным рекомендациям?

На этот раз женщина рассмеялась и, подавшись ко мне, доверительным тоном произнесла:

— У вас будет свой кабинет и личный ассистент.

— Но что я должна делать? И какая будет зарплата? Я не хочу заниматься бессмысленной работой.

— В ваши обязанности будет входить прием иностранных гостей. Представителей Красного Креста, организаций «Врачи без границ», «Спасем детей».¹

Я кивнула. Эта работа идеально мне подходила.

Я проработала в Союзе много лет. Вместе с иностранными гостями мы ездили по Ираку в сопровождении гида, охраны и представителей «Мухабарат», но все общение осуществляла я. Мне всегда удавалось легко заводить друзей, и скоро у меня была довольно широкая сеть контактов. Благодаря моим языковым способностям, со временем мне предложили новую работу, на этот раз имевшую отношение к Багдадской международной выставке.

Я хорошо выполняла мою работу, но прекрасно знала, что обязана ею Саддаму Хусейну. Ответственным за Багдадскую международную выставку был назначен находившийся в прямом подчинении у Саддама Хусейна министр торговли, который не мог не знать о моей связи с его начальником. Вскоре бизнесмены начали прямо меня спрашивать:

— Можно через вас задать вопрос Саддаму Хусейну?

Разумеется, это было невозможно. Мои отношения с Саддамом не имели никакого отношения к работе. Подозреваю, что и на работу он устроил меня,

¹ «Врачи без границ» — неправительственная международная организация по оказанию медицинской помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.

«Спасем детей» — международная организация, занимающаяся защитой прав детей по всему миру.

чтобы контролировать, чем я занимаюсь в его отсутствие.

Я никогда не обращалась с чужими проблемами напрямую к Саддаму, но часто обещала людям помочь. Я знала многих чиновников и знала, к кому и по каким вопросам можно обращаться. Каждый день мне приходилось общаться на разных языках, потому что Ирак не был изолированной страной при Саддаме Хусейне. Его личная власть внутри страны росла, но сам Саддам все еще нуждался в международных контактах.

Я была пленницей в позолоченной клетке, и вся моя жизнь была на виду у Саддама и его шпионов. Но иногда я об этом забывала. Мне нравилось работать, и я всегда старалась хорошо выполнить поставленные задачи. Я вела переговоры с желавшими принять участие в выставке предприятиями, помогала оформлять стенды, назначала встречи с иракскими властями и бизнесменами. Я была полностью загружена работой, и это отвлекало меня от мрачных мыслей.

После двух лет работы в Союзе иракских женщин у меня появились деньги на покупку собственного дома в районе Багдада под названием аль-Каррада на Пятдесят второй улице. Туда мы с детьми, няней и поваром Юсуфом и въехали. Я обожала свой новый дом. Он был просторным, с обнесенным стеной садом и бассейном, построенным так, что можно было по желанию плавать и в доме под крышей, и в саду. В доме хватало комнат для меня, девочек, няни, и еще были гостиные для приема гостей.

В гараже хватало места для нескольких автомобилей, а за главным домом располагался домик для прислуги. Каждый день ко мне в дом доставляли свежие фрукты и овощи. У нас ни в чем не было недостатка, но мне прекрасно было известно, что простым иракцам приходилось несладко. А когда позднее ООН установила эмбарго на торговлю с Ираком, пострадали в первую очередь простые люди, тогда как Саддам и его ближайшее окружение продолжали вести сытую и роскошную жизнь.

Все можно купить, если есть деньги. Точно так же было и в Багдаде. Если у тебя были деньги, можно было купить личный самолет, «мерседес» или компьютер. Или сто «мерседесов».

То же самое и с оружием. Купить можно было все что угодно. Для этого нужно было только располагать необходимой суммой и не задавать лишних вопросов.

Я не очень хорошо помню, в какой последовательности происходили события. Чем старше я становлюсь, тем труднее мне ориентироваться во времени. Десятилетия пролетели как один год, и я уже больше не юная девушка, какой когда-то была. Но приблизительно в конце семидесятых, когда мои дочери ходили в школу, я сказала Саддаму, что у меня есть к нему просьба.

Я прекрасно знала, что люди выстраиваются в очереди, чтобы обратиться к Саддаму с просьбами и мольбами, — но сама никогда ни о чем его не просила. Это было моим принципом. Теперь же у меня не было выбора.

— Я хочу отвезти дочерей к их отцу в Бейрут, — сказала я. — Это мое пожелание.

Незамедлительно последовал ответ:

— Нет.

Не было дня, когда бы я ни пыталась понять ход мыслей Саддама. Его «нет» означало «нет», и никто не мог его переубедить, если только сам Саддам внезапно не менял решение, причем его «да» могло спустя секунду снова превратиться в «нет». Чтобы понять, о чем я говорю, стоит упомянуть ситуацию в Ираке в те годы. Саддам был лидером. Отцом нации. И хотя формально он стал президентом только в 1979 году, к тому моменту его власть в стране была единоличной и безграничной. И горе было тому, кто осмеливался поставить этот факт под сомнение.

Вот почему, спрашивая Саддама, можно ли отвезти детей в Ливан, я спрашивала не своего любовника, а единоличного правителя Ирака. Мужчину, руки которого были обгажены кровью и для которого человеческая жизнь ничего не значила.

Поэтому мне не оставалось ничего другого, как принять его «нет». Бесполезно было уговаривать или умолять. Да мне и не позволила бы гордость. Так что я быстро сменила тему разговора. Пусть моя жизнь принадлежит Саддаму, но он никогда не увидит меня на коленях. Никогда.

Через некоторое время мы с Саддамом сидели на веранде, откуда открывался вид на Тигр, а охранники, число которых возрастало с каждым годом, прятались за аккуратно подстриженными кустами. Саддам спросил, почему я хотела отвезти девочек в Ливан. Я пожала плечами с таким видом, словно меня удивил этот во-

прос, — будто я уже и думать забыла, что собиралась в Бейрут.

— Ты же знаешь, как много я работаю, хабиби, и знаешь, в какую школу я ходила в детстве. Я хочу, чтобы у моих девочек было самое лучшее образование, а в Бейруте есть католический интернат, где обучают монахини. Я хотела, чтобы девочки жили там, а выходные проводили с отцом и его семьей.

На самом деле мои мотивы были иными. Пока я работала, за девочками смотрела няня, так что с этим не было никаких проблем. Но мне постоянно приходилось лгать моим родителям, скрывая от них мой страстный роман с Саддамом. К тому же мне приходилось по вечерам часто посещать различные мероприятия. Саддам охотно назначал на высокие посты своих необразованных родственников, и они не могли обойтись без моей переводческой помощи. Свою роль в этом играло и желание Саддама постоянно контролировать, где я и с кем провожу время.

Он подчинил всю мою жизнь своим желаниям. Теперь от него зависела не только моя личная жизнь, но и профессиональная деятельность. Но меня это не волновало, поскольку я была без ума от Саддама. Ради него я готова была пожертвовать своей семьей, своим мужем, своими детьми и даже жизнью. Только он пробуждал во мне безумное желание. Меня с ума сводили его мужественность, сила его личности, то, как он говорил со мной, его ласки, так резко контрастирующие с его жестокостью по отношению к другим людям. Его тело, его умение в постели, его дыхание на моей коже, наши

страстные ночи во дворце, построенном на конфискованной у моего мужа земле...

Мои отношения с Саддамом были похожи на американские горки. Бывали дни, когда я опасалась за свою жизнь. Несмотря на свой молодой возраст, я чувствовала себя уставшей от жизни. Я улыбалась, хотя все мое тело болело, и старалась не выдать своего отчаяния.

Тогда мне помогали только слезы. Сдерживаемые рыдания только терзают душу. Они не лечат, а только причиняют еще больше горя, потому что плач без слез не дает горю выйти наружу.

Друг моих родителей предложил мне выйти за него замуж. Он был хорошим человеком, и, будь моя жизнь нормальной, такой, как у всех других, я, наверное, приняла бы его предложение. Этого хотели мои родители. Замужество вернуло бы мне уважение. О моем разводе уже начинали забывать, и никто не упоминал имя Си-ропа в моем присутствии. Став женой друга моих родителей, я могла бы вернуться к прежней жизни, посещать клуб, ужины, общаться с друзьями, и моей семье не надо было бы меня стыдиться.

Я отказалась. Родители пришли в ярость. Но мне было известно то, что мои родители не могли бы представить в самых страшных кошмарах. Прими я предложение этого мужчины, Саддам убил бы его. Наша свадьба стала бы его похоронами. Но мои родители этого не знали. Они только видели, что я много работаю и почти не бываю дома.

Тот факт, что именно Саддам устроил меня на работу, придавал мне абсурдную уверенность в себе. Багдад был небезопасным местом. Пока я вела себя хорошо, мне нечего было бояться. Все во дворце подчинялись Саддаму, и все знали, что я нахожусь под его особым покровительством.

Выхода из этой ситуации не было, поэтому я считала бессмысленным переживать по этому поводу. Моя прошлая жизнь закончилась, как бы мне ни было ее жаль. Стыдиться того, кем я стала, было бесполезно. Я собственными руками вырыла могилу, в которую опустила все то, что раньше было моей радостью, гордостью, богатством, жизнью. Даже от детей я готова была отказаться.

Оставалось только мое тело. Но и оно принадлежало Саддаму Хусейну. И это тоже не играло никакой роли, потому что все мои чувства, кроме страсти к нему, умерли.

Но погодите, тут я должна сказать нечто, что противоречит моему рассказу. В жизни все всегда сложнее, чем кажется. Я забыла сказать, что была очень зла на своего мужа. За четыре года — ни одного слова. Разве так поступают со своей женой? Со своими детьми? Багдад от Бейрута совсем недалеко, и мать свою Сироп забрал сразу. Так почему же он бросил меня и девочек? Почему он не давал о себе знать?

Однажды вечером Саддам объявил мне, что решает отвезти девочек в Ливан.

— С тобой будет мой человек. Ты его не заметишь, но он всегда будет поблизости, чтобы вмешаться, если потребуется. Если у тебя возникнут проблемы, сразу иди в посольство Ирака.

Преисполненная благодарности, я заверила Саддама, что не сделаю ничего, что могло бы его разгневаться. Но он только прижал палец к моим губам и сказал:

— Молчи. Не надо ничего обещать. Достаточно того, что ты понимаешь, что я знаю о тебе все. Мне будут докладывать обо всем, что ты делаешь. Так что тебе ничего не удастся от меня скрыть. Помни об этом, Пари.

Взгляд его вдруг стал холодным, как сталь. Если я хоть на секунду забуду, кому принадлежу, меня ждет наказание. И внезапно мне стало страшно покидать Багдад. Может, лучше остаться? Что если, пока я буду в отъезде, с моими родителями или братьями что-то случится? Может, мне вообще не стоит даже думать о том, чтобы снова увидеться с Сиропом?

Вернувшись домой, я позвонила маме и обсудила с ней мою идею послать девочек в школу — в остальные

планы я ее не посвящала. Мама одобрила мое решение. Разумеется, для девочек будет лучше уехать из Багдада и поступить в хорошую школу.

И я поехала.

Молодой мужчина из Армянского клуба встречал меня с дочерьми в аэропорту Бейрута. Меня удивило отсутствие Сиропа. Я ощутила тревогу. Вдруг что-то случилось? Что если Саддам сделал ему что-то плохое? Но мне никто ничего не сказал, а женщине не пристало спрашивать о мужчине. После четырех лет молчания объясняться должен был Сироп, а не я. Я успокоила себя этим, и мы поехали в Армянский клуб.

Мой муж Сироп был очень рад снова увидеть меня и дочек. Он встретил нас в коридоре, и, заметив Сиропа, я остановилась. Девочки прижались к моим ногам и крепко держали меня за руки: так делают дети, когда чувствуют неуверенность. За эти годы отец их успел превратиться в незнакомца. Сироп замедлил шаг и осторожно приблизился к нам. Он не стал нас обнимать. Казалось, он сначала хотел удостовериться, что перед ним действительно я и девочки из плоти и крови, а не призраки.

Сироп обожал меня и наших детей. Лиза была его точной копией. Но произошедшие в Багдаде события напугали его. Сироп был не из тех, кто борется. Ему просто хотелось жить спокойной и сытой жизнью.

И чем больше он слышал о моей близости к Саддаму, тем страшнее ему становилось. На Ближнем Востоке во всех проблемах, случающихся с мужчиной и женщиной, всегда винят женщину. Это ее вина и ее позор.

Саддам заставил моего мужа бояться за свою жизнь. Я же навлекла позор на его семью.

Я сделала много ошибок в жизни, но в тот момент я чувствовала, что поступаю правильно. Было логично передать детей мужу, потому что у меня не было никакой надежды когда-либо освободиться от Саддама. Он никогда меня от себя не отпустит. Всегда будет все решать за меня. Я знала, что мне не удастся изменить этого человека, и единственное, что я могу — это узнать его как можно лучше. Возможно, эти знания помогут мне изменить что-то в собственной жизни.

с 1975 года по 1990 год в Ливане шла гражданская война. Вначале это были вооруженные столкновения между христианской и мусульманской общинами. Но чем дольше продолжалась война, тем сложнее было различать противоборствующие друг другу религиозные, этнические, политические и прочие группировки, потому что даже члены каждой из этих группировок враждовали между собой.

В 1978 году в Ливан вторглись сначала палестинские, потом израильские, позже сирийские войска.¹ В августе 1978 года в результате бомбардировки в Бейруте погибли 175 человек.

¹ Это не совсем верно. Палестинцы переселились в Ливан после событий Черного сентября 1970 г. в Иордании. В Ливане они оказались одним из тех дестабилизирующих факторов, которые и привели к гражданской войне.

Во второй половине девятнадцатого века была основана армянская националистическая партия «Дашнакцутюн», целью которой была борьба за права армян. Эта партия занимала сильные позиции в Ливане среди армянской общины.

У моего мужа и его семьи традиционно были хорошие связи с партией «Дашнакцутюн», и Сироп занимал высокое положение в местном Армянском клубе. Клуб помог ему и его матери найти квартиру, где они и жили со времени отъезда из Ирака. Там же должна была остановиться и я с дочками. Квартира была небольшая, но, по бейрутским стандартам, вполне приличная, и там было чисто и уютно. Гражданская война шла полным ходом, но в этом районе было относительно спокойно.

На время нашего визита муж переехал в другое место. Я не знаю куда. Восточной женщине не пристало спрашивать мужчину, где он ночует. Сироп прекрасно прожил без меня четыре года, с какой стати мне теперь спрашивать, где он живет. В моей жизни и без того было много проблем. В первую очередь, нужно было думать о себе и дочерях.

Сироп объяснил мне, что не хотел посылать за мной и дочерьми до того, как устроится в Бейруте. Возможно, он говорил правду. Саддама он не упоминал, но я чувствовала его страх. Думаю, для Сиропа оказалось нелегко привыкнуть к своей новой жизни. И пока он это делал, он успел меня потерять.

В арабском языке существует выражение: «Когда одна собака уходит, другая занимает ее место». Это изречение многое объясняет. Но моей маме больше нравилось другая сентенция: «Вместо того чтобы думать о том, каково мужчине, позаботься о самой себе».

Женщина по имени Мари, жена председателя партии «Дашнакцутюн», поприветствовала меня и детей и сказала:

— Я отвезу вас на квартиру, а потом мы можем поужинать с моим мужем.

Я была благодарна всем за то, что никто не затронул тему развода. Мари и моя свекровь тщательно подготовились к моему с дочерьми приезду, наполнив холодильник фруктами, «Фантой», итальянской колбасой и прочими вкусностями. Мне выделили отдельную спальню. Мы со свекровью хорошо ладили друг с другом раньше, и я была счастлива, что она не изменила своего ко мне отношения. В трудные периоды женщины часто ссорятся со своими свекровьями, но с нами такого никогда не происходило.

Многое изменилось, но свекровь относилась ко мне как прежде. Сказала: «Добро пожаловать в Бейрут», приветливо разговаривала с девочками и не задавала мне личных вопросов. Она обращалась со мной уважительно, соблюдая некоторую дистанцию. И это при том, что слухи о моей жизни в Багдаде не могли не дойти до нее и она наверняка удивлялась разводу между мной и ее сыном. Не может быть, чтобы свекровь не переживала из-за утраченного богатства. И, естествен-

но, ей было известно, на кого я работала. Слухами земля полнится.

Но виду мать Сиропа не подавала. С ее губ не слетело ни одного неосторожного слова. Она разговаривала со мной так, словно мы расстались только вчера. Саддам Хусейн был диктатором, а никто не обсуждает диктатора, потому что даже у стен есть уши. Хотя свекровь и была со мной любезна, она не могла не знать, кем я стала. Однако она задала мне только один вопрос: зачем я приехала в Бейрут? И, к счастью, я могла на него ответить.

— Хочу отдать детей в хорошую школу, — сказала я.

Свекровь кивнула:

— Замечательная идея. Мы о них позаботимся.

Маленьких детей нельзя просто оставить в другой стране и уехать обратно, вот почему я планировала провести в Бейруте все лето. Девочкам предстояло вспомнить своего отца и привыкнуть к новой школе. Мы много общались с Сиропом и его родственниками и несколько раз посещали школу.

Я по натуре очень чувствительный человек, и чем чаще я видела мужа, тем чаще мне вспоминалось, как раньше хорошо жилось нам вместе. Нас связывало много приятных воспоминаний. Я вспомнила, как мы были близки и как сильно любили друг друга до разлуки.

Из-за этих эмоций я старалась не оставаться наедине с моим мужем. Прежние чувства оживали во мне, вынуждая искать ответы на мучающие меня вопросы.

Что правильно, а что нет? И что мне теперь делать?

Не раз я думала, как хорошо было бы быть самой обычной женщиной. Жить нормальной жизнью с мужем и семьей в достатке и безопасности, заботиться о детях. Вы и представить себе не можете, как сильно я мечтала о нормальной жизни. Жизни без лжи. Без измен, без страха, без страданий.

Дни шли. Сироп бросал на меня влюбленные взгляды. Чем чаще мы виделись, тем сильнее было желание броситься ему в объятия. Мой гнев из-за того, что он покинул меня с дочерьми на четыре года без всяких объяснений, сменился пониманием. Сироп боялся общаться кому-либо о своем местонахождении. Он узнал, что Саддам сделал его своим личным врагом, вынудив бежать из страны, и не хотел рисковать моей с детьми безопасностью, поддерживая с нами связь. Сироп очень расстроился из-за того, что я якобы пожелала с ним развестись, и это тоже можно было понять.

Мы с мужем старались не показывать наших чувств. Нас так воспитывали, и оба мы боялись гнева Саддама.

В конце концов страсть пересилила страх. Мы пожирали друг друга глазами, не отваживаясь дотронуться. Я знала, что люблю Сиропа и все еще ощущаю себя его женой. Мне хотелось быть рядом с ним и нашими детьми. Поразительно, но в стране, где шла гражданская война, я чувствовала себя в безопасности, потому что Саддам был далеко.

В августе школа снова открылась после летних каникул, и вскоре девочкам предстояло переехать жить туда. Однажды вечером после ужина девочки ушли спать, свекровь уехала домой к подруге, у которой она поселилась, отдав на время квартиру мне и девочкам, а я устроилась перед телевизором. Внезапно раздался стук в дверь. Пришел мой муж. Я не осмелилась показать Сиропу свои истинные чувства и потому напустилась на него:

— Ты что, не знаешь, который час? Детей разбудишь.

Сироп прижал палец к моим губам и начал меня целовать. Вскоре мы уже лежали вместе на постели так, словно никогда не расставались. Когда ко мне вернулся рассудок, я поняла, что то, что мы только что пережили с Сиропом, не сравнится ни с какой первой брачной ночью на свете.

— Мне все равно, чем это обернется, — прошептал Сироп. — Ты должна остаться со мной.

Я молчала. Смотрела на него, касалась кончиками пальцев любимого лица и думала о том, что если бы осталась здесь с мужем, то скоро стала бы вдовой.

Но я не могла сказать этого Сиропу. Я должна была молчать. Постоянная необходимость молчать была моим кошмаром. В тот момент мне хотелось выпрыгнуть из кровати и улететь первым рейсом обратно в Багдад. Я так любила Сиропа, что рисковать его жизнью для меня было немыслимо. У меня не было другого выбора, как оставить его.

Учебу девочкам я оплатила на год вперед. Сумма была солидной, но у меня имелись деньги. Я хотела, чтобы у моих детей было самое лучшее образование, какое только можно получить за деньги. Муж выразил желание мне помочь, но я отказалась.

— Я делаю это ради детей, — сказала я. — Ты можешь сделать для них что-нибудь еще, пока они живут тут.

Теперь девочки ночевали в интернате, иногда я тоже спала там, чтобы они быстрее привыкли к школе. У монахинь им понравилось. Продолжалась гражданская война, и порой доносились залпы орудий с границы

Ливана с Израилем. Но в армянском квартале в Бейруте все было относительно спокойно, по сравнению с другими районами города. На Ближнем Востоке всегда неспокойно, и к этому быстро привыкаешь. Я смотрела новости, чтобы быть в курсе политической ситуации, — но особо не переживала. Муж тоже меня успокаивал:

— В Бейруте не везде опасно. Здесь тебе и детям будет лучше, чем в Багдаде.

И добавлял:

— Мы должны быть вместе, Пари. Мы одна семья. Останься со мной.

Я качала головой. Мне приходилось жертвовать своими мечтами и желаниями. Я сама была виновата в том, что оказалась в этой ситуации, и единственное, что я могла сделать, это сохранить жизнь Сиропу и позволить девочкам быть рядом с отцом и родственниками.

Однажды, когда я, оставив девочек в школе, вернулась домой, на город обрушились бомбы. Израильские бомбардировщики атаковали Бейрут: это была месть за теракты, устроенные палестинцами на территории Израиля, граничащей с Ливаном.

Бомбы были сброшены на школы, больницы, жилые дома, улицы и площади в районах, где не было никаких военных объектов. В густонаселенных районах Бейрута началась паника. Повсюду слышались взрывы, из развалин валил густой дым. Я выбежала из дома босиком, забыв о туфлях, и в ужасе бросилась к школе. По пути мне попадались раненые дети, лужи крови, родители и учителя в состоянии шока. Я металась по школе в поис-

ках своих дочерей, изрезав ступни в кровь об осколки на полу. Я не чувствовала боли, не замечала, что у меня все ноги в крови. Мои дети! Мои дети!

В конце концов я нашла своих дочерей в объятиях незнакомки в углу одной из комнат. Женщина была в состоянии шока, но детей не выпустила.

Я рыдала. Девочки тоже. Нам удалось добраться до дома знакомых, и на ночлег нас устроили в ресторане неподалеку. Я боялась возвращаться в квартиру, боялась ехать ночевать в клуб. Все дома были в пробоинах от снарядов, и крыши грозили обрушиться в любую секунду. Ущерб, причиненный городу, невозможно было описать словами. Повсюду горели дома, лежали трупы. До сих пор не хочу думать, сколько людей погибло во время той бомбардировки.

Только спустя неделю я вернулась в квартиру мужа. Повсюду были руины зданий и пожарища, и я поняла, что не могу оставить девочек в Бейруте. Я не могла рисковать их жизнями. Мне не хотелось даже знать, как выглядят другие районы Бейрута. В то время разные религиозные и этнические общины жили в своих, отдельных, районах, и члены этих общин не отваживались пересекать границы без большой необходимости.

Ситуация изменилась, и теперь я планировала возвращение обратно в Багдад вместе с дочерьми. Я считала, что у меня не было другого выбора, но муж сказал, что я преувеличиваю.

— Это была единичная атака, Пари, — добавил он. — Больше это не повторится.

Я ему не поверила. Я не могла оставить девочек в этом городе после того, что произошло. Но мне жаль было расставаться с Сиропом, женщиной, с которым меня связывало столько всего: семья, кровные узы, традиции, культура, образование — не говоря уже о сексуальном влечении. Мы с Сиропом были словно созданы друг для друга.

С Саддамом меня связывали совсем другие отношения. Они основывались на власти и сексе. А такие отношения не могут длиться вечно.

Мне нужно было многое продумать. Я знала, что по возвращении меня ждут вопросы о том, почему я так долго пробыла в Бейруте, и я должна была быть к ним готова. Молчать я уже научилась. От моего умения держать рот на замке зависела жизнь моего мужа, которой я не хотела рисковать.

Вспомнив слова Хусейна, я решила обратиться в иракское посольство, чтобы его сотрудники помогли мне вернуться в Багдад. Мой муж не мог покидать христианскую зону Бейрута, но я, как гражданка Греции, не имела таких проблем. Вы не представляете, сколько зон было в то время в Бейруте: христианские, мусульманские, сирийские и еще для разных политических общин. Помимо политических группировок, были еще военные, террористические и освободительные организации, которые тоже предпочитали жить в своих закрытых зонах, где устанавливали свои правила.

Более того, между зонами существовали границы, которые нужно было переходить при перемещении по

Бейруту. В большинстве случаев можно было доехать до границы на автомобиле, а потом пройти пару сотен метров пешком, чтобы не подорваться на минах.

Так что добраться до иракского посольства, находившегося в том же городе, было весьма и весьма просто. Путешествие туда отняло бы больше суток, но, к счастью, у мужа был друг, чьи родственники проживали в мусульманской зоне. Там я и планировала остаться на ночь.

Все шло хорошо. Детей я оставила на попечение мужа и свекрови и отправилась в посольство. Часть пути я ехала на такси, часть шла пешком под надзором вооруженных солдат. Мне часто приходилось стоять в очереди и проходить через пограничный контроль. Я вышла из дому рано утром, но на месте была только к вечеру. Родственники друга мужа предложили мне разделить с ними ужин, а после ужина я поиграла с детьми и щенками, которые были в доме.

На следующее утро я отправилась в посольство Ирака. Стоило мне назвать свое имя, как из своего кабинета прибежал иракский консул, весь пунцовый от гнева.

— Где вы были?! — вскричал он. — Как вы могли исчезнуть?

Я ощутила триумф. Саддам обо мне не забыл. Более того, он отругал персонал посольства за то, что те потеряли меня из виду. Значит, все-таки система слежки работала не идеально.

Но за триумфом последовал стыд. Как я могла радоваться тому, что Саддам обо мне беспокоится? Разве я не люблю своего мужа Сиропа больше жизни?

Я отмела прочь беспокойные мысли, окинула консула презрительным взглядом и сказала, что не хочу с ним разговаривать. Я пришла поговорить с Саддамом Хусейном.

Когда у тебя нет никакой власти, важно уметь произвести впечатление. И этому я хорошо научилась.

Меня немедленно соединили с Саддамом. И снова ощущение триумфа: Саддам бросил все дела, чтобы поговорить со мной. Существует много видов власти, и иногда власть секса сильнее политической власти. Прежде всего Саддам спросил:

— Он тебя касался?

— Нет, — ответила я нейтральным тоном.

— Где ты?

— В посольстве в Бейруте.

— Мне нужен номер телефона, по которому с тобой можно связаться. Я пошлю за тобой машину в аэропорт.

Я не собиралась просить Саддама помочь мне выбраться из Бейрута. Но я не могла отказаться от его помощи, не рискуя навлечь на себя его гнев, поэтому после секундного колебания назвала ему телефон Армянского клуба. Телефон в квартире, где я с девочками жила, плохо работал, и в трубке часто можно было слышать разговоры соседей.

Вернулась я, прихватив с собой щенка из дома, где гостила. Он был очень милый, а я всегда была неравнодушна к собакам: они отличные друзья. Я также решила, что щенок поможет мне пройти пограничный контроль. Женщинам свойственна глупость от природы,

как считают все мужчины. Вот почему мужчина редко догадывается, на какие хитрости способна женщина, производящая впечатление полной дуры. Ловя на себе днем ранее многочисленные взгляды пограничников, я представляла, какие мысли приходят им в голову при виде одинокой молодой и красивой женщины в европейской одежде со светлыми распущенными волосами. Я решила, что щенок отвлечет пограничников.

Когда я возвращалась обратно, все пограничники хотели знать, какие дела были у меня в мусульманской зоне.

Изображая восторг, я щебетала:

— Смотрите, какого милого щенка я раздобыла для моей сестры...

И меня пропускали. Часто от таких мелочей зависит жизнь человека. Может, поэтому на Ближнем Востоке люди верят, что у каждого своя судьба. Чем больше бомбардировок пережил человек, тем крепче у него уверенность, что ему суждено умереть другой смертью.

Когда я оказалась в Швеции, и сотрудники миграционной службы задавали мне вопросы о том, где, как, когда и что случилось, мне приходилось снова и снова объяснять, что это была ВОЙНА. Во время войны очень легко попасть на борт самолета. Люди кричат тебе вслед:

— Убирайся!

Билет же можно достать, если у тебя есть нужные связи или ты выглядишь европейцем. Ситуации бывают разные.

Бывают случаи, когда улететь невозможно, потому что аэропорт разбомбили, границы закрыли, телефоны

не работают, а по улицам носятся обезумевшие вооруженные мужчины, готовые стрелять во все, что движется. Во время войны люди учатся выживать. Выживать любыми способами. Люди придумывают новые законы, потому что обычные законы во время войны не работают. И тех, кто не может изменить привычный ход мыслей, ждет смерть. Как и тех, кому на роду было написано умереть от вражеских бомб. Иншаллах. Но нельзя сидеть и ждать смерти, нужно бороться, используя все мыслимые и немыслимые способы. Например, щенка.

Такие вещи очень трудно объяснить людям, которые не знают, что такое война и что она делает с людьми.

Вечером Сироп предложил пойти поужинать, но у меня совершенно не было сил. Я чувствовала себя разбитой и опустошенной. Покормив и уложив детей, я приготовила себе ароматическую ванну; после приема ванны я сразу собиралась лечь спать. Но одна мысль не давала мне покоя, и имя ей было Саддам Хусейн. Когда он теперь объявится? Во время разговора по телефону он казался весьма нетерпеливым. Мне не стоит тянуть с возвращением домой. Промедление может стоить мне жизни.

Надев ночную сорочку, я, сонная, открыла ящик шкафа, где лежал мой паспорт, и обнаружила, что он пуст.

Сначала я отказывалась верить своим глазам. Куда мог подеваться паспорт? Может, я сама переложила его в другое место и забыла об этом? Усталость как рукой сняло. Я начала лихорадочно перебирать содержимое ящичков, полок, сумок. Но паспорта нигде не было.

Тогда я позвонила Сиропу. Клянусь, если бы в тот вечер телефон не работал, я бросилась бы босиком на поиски мужа прямо посреди ночи.

— Приезжай немедленно!

Муж был выше и сильнее меня, но он не был Сад-дамом. Сиропа я никогда не боялась. Поэтому как только он вошел в квартиру, я тут же набросилась на него, вцепилась в его одежду и, как сумасшедшая, закричала:

— Кто взял мой паспорт?! Это ты его взял? Сейчас же верни его!

Сироп схватил мои руки, крепко меня обнял и посмотрел мне в глаза:

— Пари, прекрати! Я люблю тебя. Мне плевать на развод. Ты моя настоящая жена. Я люблю наших дочерей и хочу, чтобы вы остались в Ливане.

Я замерла. Высвободилась из его объятий и просто слушала, как он говорит. Сироп говорил долго, словно ему хотелось высказать все, что он так долго держал в себе.

— Мне почти удалось тебя забыть, но теперь ты здесь, и я не позволю тебе снова разрушить мою жизнь. Нет, Пари, я тебя не отпущу. Ты меня больше не покинешь. Делай что хочешь, но из Ливана ты не уедешь. Здесь иракские законы не имеют силы, и наш развод недействителен. Мы по-прежнему муж и жена. И как твой муж я приказываю тебе остаться со мной и нашими детьми.

Я ничего на это не сказала. Сироп снова обнял меня, поцеловал в щеку и ушел.

Он был прав. Разумеется, для меня было бы лучше остаться в Бейруте. Я по-прежнему чувствовала себя женой Сиропа. Но в ушах звучали прощальные слова Саддама, сказанные по телефону: «Не тяни с отъездом. Тебе пора возвращаться назад».

Ему не надо было ничего уточнять. Саддам уже много раз мне объяснял: «Ты принадлежишь мне. Никогда не забывай об этом. Твоя смерть мне не нужна. Твоим наказанием была бы смерть дорогих тебе людей».

Разумеется, я могла бы снова посетить иракское посольство и рассказать Саддаму о том, что муж забрал мой паспорт. Другим вариантом было последовать велению сердца и остаться, невзирая на гражданскую войну в Бейруте, невзирая на ужасную месть Саддама. Когда ты знаешь, что выхода нет, на ум приходят самые безумные варианты развития событий.

Я привыкла сама решать свои проблемы. Именно это помогло мне и моим детям выжить. Это было не-легко и стоило мне много денег. Но когда женщина впутывает в свои проблемы мужчину, это может закончиться только неприятностями. Потому что гордость и соперничество мешают мужчинам мыслить рационально.

Мне хотелось в своей жизни спокойствия. Пожалуй-ся я Саддаму, на меня тут же наслали бы «Мухабарат». Подчинись я Сиропу, и его жизни грозила бы опас-ность.

И, несмотря на положение, в котором я оказалась, я внезапно ощутила тоску по Багдаду. Тоску по моей обычной жизни, тоску по работе, которая доставляла мне удовольствие, тоску по моему дому, который я са-ма обставила, и цветущему саду, дарившему мне отдых и утешение. Моему личному оазису в кровавой пу-стыне.

И я не стала обращаться за помощью к мужчинам. Я обратилась к Мари, с которой мы успели подружить-ся за то короткое время, что я жила в Бейруте. Я знала, что без ее помощи мне никогда не удастся вернуть свой паспорт. Возможно, Мари, у мужа которой были дове-рительные отношения с Сиропом, смогла бы выяснить, где находится мой паспорт. Но для начала мне нужно было убедить ее в том, что мое возвращение в Ирак бу-дет только на пользу Сиропу и его семье.

— Сироп хочет, чтобы я осталась в Бейруте, — со-общила я Мари. — И один Бог знает, как сильно я же-лаю того же.

Мари посмотрела на меня внимательно. Она не могла не слышать о моем романе с Саддамом Хусейном. Я продолжала:

— Но я знаю, что если уеду, то так будет лучше для всех — и для Сиропа и его семьи. Мне очень жаль... и, Мари, я не могу объяснить тебе всю сложность ситуации, но я прошу мне поверить. Я должна оставить Сиропа. От этого зависит его жизнь. Вот почему я прошу тебя помочь мне узнать, где Сироп спрятал мой паспорт.

Мари слушала меня как женщина, которой другая женщина доверила свой секрет. Пути Господни неисповедимы... но в мире женщин решения всегда принимают мужчины. Мы обе знали правила этой игры.

Против твердой мужской воли есть только одно оружие — женская мягкость.

Мари была верующей католичкой, и ей сложно было смириться с тем, что я разрываю узы брака, таинство которого освящено самим Господом. Это шло вразрез с ее религиозными убеждениями. Я потом часто вспоминала наш разговор и недоумение, читавшееся на ее лице. Она видела мои слезы, слышала, что мне нужно вернуть паспорт, — но она не понимала почему. Это просто не укладывалось у нее в голове. Сама Мари была хорошей женой, а я, поскольку просила ее помочь мне сбежать от мужа, была плохой.

Моей мантрой на протяжении многих лет были слова «Я не могу объяснить».

Но я попыталась. Что еще мне оставалось сделать? Я рассчитывала на человеческую доброту Мари и то, что Бог все видит и поможет мне. Мари могла, если бы

захотела, пойти к мужу, который счел бы своим долгом рассказать обо всем Сиропу, — но я молила Бога, чтобы она этого не делала. В конце беседы я поблагодарила Мари за терпение и вернулась домой.

По прошествии нескольких дней раздался стук в дверь, и, открыв, я увидела на пороге Мари. К тому времени я еще не утратила надежду. Сироп ничего мне не сказал, значит, она не проговорилась. Но, видимо, мне придется искать другой способ выпутаться из этой ситуации.

К своему удивлению, я узнала, что Мари на моей стороне. Она взяла за руки и сказала:

— Прости за промедление, Пари. Мне нужно было хорошо подумать. И попросить совета у Господа. Ты ничего не рассказываешь, и я не знаю, зачем тебе так нужно в Багдад, но я вижу боль в твоих глазах и сделаю все, чтобы тебе помочь.

Вскоре Мари вернулась с новостью о том, что Сироп отдал паспорт своему другу. Она не знает, кому именно, но паспорта точно нет в конторе ее мужа, у них дома или в Армянском клубе «Хоментмене». Сейчас меня удивляет тот факт, что Сироп просто не избавился от моего паспорта. Тогда мне такое и в голову не пришло. Без паспорта нельзя было бы передвигаться по Ближнему Востоку: слишком много границ нужно постоянно пересекать. Действующий паспорт — это жизненная необходимость для человека, особенно во время войны и особенно если это европейский паспорт, как в моем случае. Паспорт уничтожали только в самом крайнем случае.

Я не знаю, что думал Сироп. Вероятно, мыслей о том, чтобы уничтожить паспорт, у него не было, потому что паспорт на Ближнем Востоке — слишком большая ценность.

В то время жизнь в Бейруте была подобна жизни в осаде. Многочисленные религиозные политические группировки состояли в противоборстве друг с другом. Постоянно возникали конфликты, и часто было сложно понять, кто на кого нападает. Дети боялись выходить на улицу, а муж все время был в дурном настроении.

Я не знаю, откуда у меня тогда взялись силы осуществить побег из Бейрута. Если раньше я все время думала о детях, то в тот момент главным для меня стало желание спасти жизнь своему мужу.

Свекровь молчала. Мы с ней любили и уважали друг друга. Но она не могла не заметить моего отчаяния. Не задавая вопросов, она знала, что я и Сироп любим друг друга, и этого ей было достаточно. Тем более что она чувствовала, что я не смогу дать ей ответы на все вопросы.

В жизни бывают ситуации, когда знания, полученные в школе жизни, гораздо полезнее самого престижного университетского образования. Если бы я обладала этими знаниями в пятнадцать лет, моя жизнь была бы другой. У моей свекрови не было образования, но она была мудрой женщиной.

Пока я ждала новостей от Мари, я старалась себя успокоить. Притворялась, что все нормально. Вечера я проводила в кругу семьи. Мы все вместе ходили в кафе

или смотрели дома телевизор. Мы с Сиропом не жили под одной крышей, но были так близки, как только могут быть близки мужчина и женщина. Любовь — это гораздо больше, чем просто секс, хотя наедине с человеком, которого любишь, невозможно не думать о физической близости.

Я снова вела опасную игру. Я знала, что ради того, чтобы спасти Сиропа и его мать, мне придется заставить их страдать. И мне придется снова лишиться моих дочерей отца.

Но я делала вид, что все нормально. Как мне тогда не хватало мамы! Я чувствовала бесконечную усталость, и больше всего мне хотелось прижаться к маме и попросить забрать обратно жизнь, которую она когда-то мне дала.

Но однажды утром позвонила Мари, и, к счастью, телефон работал.

— Твой паспорт в кабинете директора в армянской школе, — сообщила Мари. — Это в паре кварталов от вашей квартиры, недалеко от армянского рынка. Ты легко найдешь школу, если раньше бывала там.

Я знала, где находится школа. Дрожа всем телом от напряжения, я помчалась в армянский квартал Бурдж-Хаммуд, часть города с узкими улочками, низкими домами с внутренними двориками и с лавочками армянских торговцев. Люди толпились на улицах, примыкавших к рынку. Неподалеку виднелось здание Армянского клуба. В том же районе располагался рынок, где торговали одеждой, кухонной утварью, овощами, пряностя-

ми, рыбой, мясом и хлебом, как на любом другом рынке. Единственным отличием был язык: здесь все говорили по-армянски.

В этом районе многие знали Сиропа и его семью, и многим было известно, что я — его бывшая жена, приехавшая с детьми из Багдада. Невозможно было незаметно попасть в школу. Любой прохожий мог на следующий день сказать Сиропу: «Я видел вчера твою жену. Она шла в школу».

Поэтому я остановилась у ларька, принадлежавшего другу Сиропа, поздоровалась с торговцем, перекинулась с ним парой фраз и спросила, не даст ли он мне телефон жены одного из друзей Сиропа.

— Без проблем! — ответил торговец.

Когда Сироп в следующий раз встретит этого своего приятеля, тот расскажет ему, что я заходила за номером телефона, и Сиропу даже в голову не придет упомянуть, что направилась я в сторону школы.

Директор школы при виде меня сильно разволновался. Но не удивился. Значит, кто-то предупредил его о моем приходе. Возможно, Мари. Я не знаю. Иногда в жизни лишняя информация только вредит.

Я объяснила директору, что ради жизни мой семьи мне необходимо вернуть паспорт. Я извинилась за то, что вторгаюсь в его кабинет, да еще и без позволения мужа, но у меня нет другого выхода.

Директор кивнул. Гражданская война нарушила ход привычной жизни. Не задавая больше вопросов, он открыл ящик письменного стола и достал мой паспорт.

Я не стала просить директора молчать о моем приходе. Паспорт я уже получила, и просить о большей услуге было бы наглостью. Поэтому, вежливо поблагодарив директора, я просто удалилась.

Теперь передо мной стояла другая проблема. Как собрать мои с детьми вещи и уехать с девочками в аэропорт так, чтобы Сироп при этом ничего не заподозрил?

На каждом этаже нашего дома, располагавшегося в квартале, который был в Бейруте своеобразным армянским анклавом, было две квартиры. В квартире напротив нас жила пожилая армянка, племянница которой мечтала выйти замуж за Сиропа и не приветствовала мой приезд в Бейрут. По мнению соседки, бывшая жена представляла угрозу матримониальным планам ее родственницы.

Мне также было известно, что эта женщина всегда следила за тем, кто приходит в нашу квартиру. Это сильно раздражало мою свекровь, привыкшую жить в частном особняке. Я же находила любопытство соседки комичным. Как часто нас навещает Сироп? Остается ли он на ночь? Как часто приходит его мать? Поженимся ли мы с Сиропом снова? Вот что интересовало ее прежде всего.

У самой же этой женщины, несмотря на солидный возраст, был любовник, намного ее моложе. Он служил в полиции. Как-то я зашла к соседке, когда он был у нее в гостях. В нем было что-то неприятное. Он был из тех мужчин, кому нравится раздевать женщин глазами. Это было не восхищение, а бесстыдное разглядывание. Меня всю жизнь учили уважать мужчин и подчиняться им,

но никто не вызывал у меня такой неприязни, как этот полицейский. Скромность ему была несвойственна. В тот раз я поспешила уйти, наскоро придумав предлог, и впредь старалась к соседке не заходить.

В Бейруте в разгар войны события развивались медленно. Даже вернув паспорт, я не могла сразу уехать. У Сиропа были связи повсюду. Одно неосторожное слово, и меня могли задержать на границе.

По ночам я лежала без сна и планировала побег. Как же мне хотелось остаться и жить вместе с Сиропом и нашими девочками! Но мне каждый раз приходилось прогонять эти мысли. Если бы я осталась в Бейруте, то Сироп просто исчез бы однажды. Когда-нибудь, утешала я себя, я смогу рассказать всему миру правду. Рассказать, сколько боли я причинила своему мужу.

Дни шли, а я все еще не нашла решения своей проблемы. Из клуба мне сообщили, что звонили из посольства Ирака. Это было знаком к действию. Вечером я собралась с духом и постучалась к соседке. Мой приход ее удивил, но я была готова ко всему.

— Ты одна дома? — спросила я.

— Да, — ответила соседка, попятившись под моим решительным взглядом.

Я знала, что она мечтает от меня избавиться ради будущего своей племянницы. Устроившись в гостиной соседки, я прямо заявила, что мне нужна ее помощь, чтобы вернуться в Багдад. Я многим рисковала. В жизни каждого человека бывает момент, когда весы судьбы, застыв, могут склониться в любую сторону. Что сделает

соседка? Выдаст меня Сиропу? Или поможет мне спасти его жизнь?

В тот момент для меня не было полутонов. Все было черным или белым. Жизнь или смерть. Да или нет.

Единственным серым пятном был Саддам Хусейн, чьи действия невозможно было предугадать. Именно он решал, кому жить, а кому умереть. И если мои отношения с Сиропом были построены на любви, то отношения с Саддамом — на власти. А любовь и власть одинаково сильны в нашем мире.

Когда дело касалось Сиропа, я могла еще думать и подбирать лучшие варианты, даже если среди этих вариантов не было того, о каком я мечтала. В отношениях с Сиропом я могла открыть свое сердце, даже если оно обливалось кровью.

В отношениях же с Саддамом о выборе и речи быть не могло. Саддам решал. Я подчинялась. Закрывала сердце и открывала разум.

Это не было моим выбором. Я никогда не мечтала о такой жизни.

Но мне ничего не оставалось, как подстраиваться под желания Саддама.

Соседка молча на меня воззрилась. Видно было, что моя просьба ее удивила. Мы всегда недолгобливали друг друга после того, как я отказалась общаться с ней и ее любовником.

— Почему ты обратилась ко мне с этой просьбой?

— Потому что я знаю, как сильно мешаю твоим планам относительно брака твоей племянницы. Ты пре-

красно знаешь, что, если я останусь, мы с Сиропом никогда не расстанемся, и развод будет признан недействительным.

Соседка была кем угодно, но не дурой. Она молчала, переваривая услышанное. Разумеется, мы ни разу не обсуждали ее племянницу, и соседку удивило то, что я в курсе их планов. Как я уже сказала, решившись раскрыть все карты, я шла на большой риск. Я плохо знала эту армянку. Понятия не имела, что творится у нее в голове. Но я была полна решимости выбраться из Багдада. Мои нервы словно были заморожены, в тот момент я не чувствовала ни страха, ни волнения. Но я всегда умела подстраиваться к ситуации и многому научилась у Саддама, который являлся в Ираке воплощением власти.

В такие моменты важно уметь произвести впечатление. Я должна была выглядеть сильной, не показывать слабости. Ложь всегда делает человека слабым, вот почему я решила держаться правды.

Спустя несколько минут соседка подняла на меня глаза:

— Ты мне так доверяешь? Почему?

— У меня нет другого выхода.

— Ты любишь Сиропа?

— Да. Я всю жизнь буду любить этого мужчину, и потому должна его покинуть. Я дарю тебе Сиропа, потому что люблю его. Не проси меня объяснять, я все равно не смогу, но я хочу, чтобы Сироп продолжал жить и был счастлив. Настолько сильно я люблю отца моих детей.

— Почему ты доверилась мне? Я тебе так симпатична?

— Нет, не симпатична. Ты пригласила меня войти, хотя у тебя дома был мужчина. Это было неприятно. Но мне нужна твоя помощь. Твой друг полицейский — это одна из причин.

Женщина всмотрелась в меня и сказала, что мне пора идти, но она даст о себе знать.

Снова ожидание. Я все больше нервничала. Что, если армянка все рассказала Сиропу. Я продолжала заниматься привычными делами. Собирала девочек в школу, ужинала с Сиропом и его семьей. На ночь у меня Сироп не оставался, и я больше не упоминала о паспорте.

Однажды по дороге домой Сироп внезапно остановил машину и повернулся ко мне:

— Ты что-то замышляешь, Пари. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты что-то задумала. Не спрашиваешь про паспорт и не строишь планов на будущее. Что происходит?

Глаза его горели любовью. Мой дорогой муж. Он искренне за меня переживал. В то мгновение я почувствовала такую сильную любовь, что мне тут же захотелось признаться Сиропу в моих чувствах и пообещать остаться с ним навсегда.

Но вместо этого я отвела взгляд, чтобы глаза не выдали моих чувств, и твердо сказала:

— Отвези меня домой. Сейчас.

До отъезда в Багдад я ни с кем не говорила про Саддама, и в результате люди решили, что я просто сошла с

ума. Потому что ни один нормальный человек не захотел бы добровольно вернуться в Ирак, где у власти стоял кровавый тиран. Были и те, кто решили, что я вернулась к Саддаму ради денег.

Разумеется, подозрения Сиропа меня не удивили. Когда любишь другого человека, начинаешь угадывать его мысли. А мы с Сиропом всегда были близки друг другу, и в Бейруте наши чувства вспыхнули с новой силой. Сироп так и не смог забыть меня, сколько ни пытался. А я любила его еще сильнее, потому что знала, что в любой момент могу потерять.

Но по его поведению я поняла, что соседка ничего ему не сказала, и вскоре мне позвонил ее любовник.

— Слышал, ты собираешься в Багдад.

— Да, мне нужна помощь, чтобы добраться в аэропорт.

— А дальше?

Мне было противно говорить с ним по телефону. По тону понятно было, что он рассчитывает на то, что я расплачусь своим телом, потому что у меня не хватит денег оплатить его услуги.

Но у меня были деньги. До того, как он успел продолжить, я предложила ему тысячу долларов. Половину перед отъездом, половину в аэропорту. Ту же сумму я пообещала соседке за то, что она купит билеты и подержит у себя мои вещи до того, как надо будет ехать в аэропорт.

В глубине души я не доверяла ни соседке, ни ее другу-полицейскому. В этой жизни никому нельзя доверять, кроме себя самой. Это я хорошо усвоила.

Уехать от Сиропа было равнозначно смерти. Я уговаривала себя быть сильной. Саддаму ничего не стоило организовать перестрелку в армянском квартале Бейрута. Такое случалось здесь каждый день. Никто не задавал бы лишних вопросов. Но я не могла объяснить этого Сиропу. Он все равно не отпустил бы меня.

Который раз я посвящала луну в мои планы и спрашивала у нее совета. Может, я совершаю ошибку? Может, мне стоило рискнуть и провести с Сиропом все оставшееся время до того, как нас найдет Саддам.

Но луна не давала мне ответа. Со временем мне пришлось продать все свои украшения и другие ценности, чтобы сбежать из Ирака. На Ближнем Востоке украшения женщины — символ богатства ее мужа. В Багдаде я часто носила на щиколотках золотые браслеты с маленькими бубенчиками — обычное украшение арабских женщин. У каждой свои собственные браслеты с уникальным звуком бубенчиков, по которому муж узнает шаги своей жены.

В то же время украшения женщины — это ее финансовые гарантии. Рубины, бриллианты и золото всегда можно продать, если возникнет потребность в деньгах. Разумеется, расстаться с украшениями, подаренными Сиропом, мне было нелегко. Украшения же, полученные от Саддама, я продавала с легким сердцем.

Все, что было моей жизнью, исчезло. По утрам в Багдаде, отправив детей в школу, я выходила на террасу с чашечкой кофе и наслаждалась спокойствием, ароматом цветов, звоном бубенчиков на ногах и прикос-

новением дорогого расшитого шелка к моей коже. Теперь я ношу джинсы. Простую одежду. Если бы я в таком виде появилась тогда в Багдаде, то умерла бы со стыда.

В то время я не понимала, что в жизни есть вещи, гораздо более важные, чем красивая одежда.

Однажды утром позвонил любовник соседки, полицейский.
— Я заберу вас в пять часов завтра вечером, — сообщил он. — Будьте готовы.

Сердце встрепенулось у меня в груди. Мне стало трудно дышать. Я едва слышала, что он говорит. Сироп часто навещал меня с девочками по вечерам, и его мама тоже. Что, если они придут и сегодня? Как я тогда упаковку вещи? А если завтра? Тогда все пропало.

Я убедила себя в том, что проблемы нужно решать по мере их возникновения, и начала собирать вещи и относить сумки к соседке. Потом мне оставалось только ждать.

— Я буду завтра смотреть в окно, — сказала соседка, — и, если увижу твоего мужа, отвлеку его чем-нибудь.

Я кивнула. Дорогой Сироп. Какую боль я тебе причиняю!

Полицейскому я не доверяла. Что, если за нами будут следить? Девочки засыпали меня вопросами. Где папа? Почему он не с нами? Он позже подъедет?

Я не отвечала. Сердце бешено колотилось в груди, и я то и дело оглядывалась, чтобы проверить, не едет ли кто-нибудь за нами следом. Больше всего мне хотелось попросить полицейского развернуть машину и отвезти меня к Сиропу. Иногда я пригибалась, чтобы никто из прохожих меня не увидел. Поездка заняла больше времени, чем планировалось. Мы опаздывали.

Может, это знак, что мы должны остаться.

— Разверни машину, — вдруг вырвалось у меня. — Мы едем назад.

Полицейский меня не понял. Он решил, что я что-то забыла.

— Нельзя, — сказал он, — иначе мы опоздаем на самолет.

Я откинулась на спинку кресла. Выбора у меня не было.

По прилете в Багдад меня с дочками встретила машина и отвезла домой. Все было как прежде. Слуги приветствовали нас. В саду цвели цветы. Девочки радовались возвращению домой. Спустя несколько дней я позвонила соседке-армянке в Бейрут.

— Даже камень расплакался бы, если бы увидел горе твоего мужа, — сказала она. — Он стал как безумный, когда понял, что вы уехали. Плакал, кричал, рвал на себе одежду. Душераздирающее зрелище.

Выяснилось также, что племянница ее потеряла интерес к Сиропу, потому что поняла, как сильно он любит меня и своих детей. Я слушала жалобы армянки еще некоторое время, потом не выдержала и пове-

сила трубку. Расстаться с любимым человеком все равно, что отрезать себе палец. Рана болит и кровото-чит. И даже если она затянется, воспоминания о ней все равно будут причинять боль.

В последний раз я видела Сиропа в 2002 году после моего побега из Ирака. Родственник вез меня в своей машине, я сидела на пассажирском сиденье, и мы про-езжали мимо ларька на рынке. Ларек был сверху затянут тканью для защиты от солнца, и из машины видны бы-ли только ноги людей.

И внезапно мое сердце подпрыгнуло в груди. Эти ноги. Эти ступни. Эта манера ходьбы. Такая знакомая. Такая родная. Сироп! Ноги Сиропа! Полностью его не было видно из-за тента, но я все равно попросила род-ственника остановить машину. Не успел он затормо-зить, как я уже выскочила из машины и бросилась к Си-ропу, хотя даже не видела лица мужчины, которого за него приняла. Родственник вышел из машины и, глядя мне вслед, перекрестился со словами:

— Эта женщина сумасшедшая!

Но я знала! Знала, что это Сироп.

Он побледнел при виде меня.

— От-откуда ты взялась? — спросил он с запин-кой.

Я показала на родственника у машины:

— Оттуда.

И рассмеялась.

— Пари, ты когда-нибудь повзрослеешь? — пробормотал Сироп.

В голосе его было столько беспомощности. Сердце сжалось у меня в груди при виде его усталого лица.

Мы договорились встретиться на следующий день. К тому времени Сироп успокоился, но все равно относился ко мне с подозрительностью.

— Ты снова решила разрушить мою жизнь, Пари? — спрашивал он. — Я изо всех сил старался тебя забыть. От тебя, Пари, одни неприятности. Все, что ты делаешь, создает проблемы мне и моей семье.

Он уже знал о моей связи с Саддамом. Слухи распространяются быстро. К тому времени Сироп уже знал, что все, что с ним случилось, произошло из-за меня.

— Пари, я не хочу умереть!

Я молю Бога помочь Сиропу осознать, что на свете, кроме него, есть еще другие люди. У него две прекрасные дочери, добрые и красивые, но он этого не ценит. Я все еще помню, как тогда в Бейруте ему сказала:

— Ты никогда не сможешь нас забыть, потому что я и наши дочери — часть твоей жизни. И перед тем, как закрыть глаза в последний раз, ты будешь думать о нас.

Господи. Воспоминания омрачают нашу жизнь...

Два раза в жизни я видела вещие сны. Первый раз сон был вещим, когда мне приснился дедушка на поле из подсолнухов. Второй вещий сон мне приснился сразу по приезде в Бейрут, когда свекровь еще жила в квартире со мной и девочками. Это был странный сон, потому что, как и в случае с бабушкой, я четко запомнила все детали, словно посмотрела фильм. Обычно же я забываю сны, как только просыпаюсь.

За завтраком я рассказала свой сон свекрови и дочерям. Мне приснилось, что я еду на машине в горы, миную много жилых домов, один из них — каменный, с садом и зеленой дверью — привлекает мое внимание. Перед домом полная женщина в переднике стирает белье.

Все посмеялись, решив, что сон получился забавным.

В тот день у свекрови был день ангела. И мы собирались поехать на машине в церковь вместе с подругой свекрови. По пути, сидя в машине, я вдруг испытала странное ощущение. Я словно узнавала окрестности, хотя никогда не бывала раньше в этом месте. Еще через секунду я увидела каменный дом. Тот самый дом с са-

дом из моего сна. И перед домом тучная женщина стирала белье...

Мне стало не по себе. Голова закружилась, и мне показалось, что я теряю сознание. Жара была тут ни при чем. Я обрадовалась, что рассказала свой сон за завтраком. Не сделай я этого, никто не поверил бы, что все это мне приснилось на самом деле.

Мне не нравится видеть вещие сны. Они меня пугают.

Когда мы вошли в церковь, свекровь рассказала о случившемся священнику. Он понимающе кивнул:

— Я уже слышал подобную историю. Выпейте воды, а я пока позову другого священника.

Он вернулся назад с юношей, который, как выяснилось, был старшим отпрыском одной из самых богатых семей в Ливане. На Ближнем Востоке старший сын всегда важнее других детей, особенно если ему предстоит унаследовать состояние отца. Этот юноша учился в Американском университете Бейрута, основанном в девятнадцатом веке, и получил лучшее, по местным меркам, образование.¹ Каждые выходные он ездил домой к семье, и там с ним стали случаться странные вещи.

— Я засыпал в собственной постели, но, когда просыпался, всегда оказывался перед дверями в эту цер-

¹ Американский университет Бейрута — светское частное независимое учебное заведение, одно из самых престижных на Ближнем Востоке. Было основано американским миссионером Дэниелем Блиссом в 1866 году и первоначально называлось Сирийский протестантский колледж.

ковь, — рассказал он. — Я приходил сюда во сне, сам того не осознавая, хотя путь к церкви неблизкий.

Родители сильно переживали, но сам юноша начал подозревать, что он нужен Господу. Во время общения со священниками из церкви при монастыре и монахами, он детально описывал внутреннее убранство закрытых для публики помещений монастыря, где он никогда не бывал и не мог быть. Всем было понятно, что он принадлежит горному монастырю, и что его отцу придется кому-то другому оставить наследство.

Рассказ юноши меня успокоил. Господь указал ему правильный путь с помощью снов. Может, и мне стоит еще раз попросить у Бога защиты?

Я рассказываю вам все это, чтобы объяснить, почему я всю свою жизнь чувствовала, что Господь меня охраняет. Господь Всемогуший, чья доброта не знает границ, услышал мои молитвы и защитил меня от напастей.

Без Божьей помощи я бы не выжила. Господь все видит и знает. Он знает, что я делала все возможное, чтобы спасти свою семью, и за это он дал мне свою защиту.

Предназначение женщины — быть хранительницей домашнего очага. Столпом, на котором держится семья. Она женщина, она мать, она залог спокойствия и гармонии в этом мире.

Этому меня с детства учила мама. В своем доме женщина подобна садовнику в саду. В ее задачи входит обрезать все то, что портит общую картину, включая вредные привычки.

В глазах женщины мужчина подобен избалованному ребенку. Стоит ему завидеть новую игрушку, и он тут же желает ею обладать. Умной женщине это прекрасно известно, но точно так же она знает, что новая игрушка скоро будет забыта, и появится другая, лучше и новей. Женщине приходится быть для мужчины немного матерью, потому что мама — первая любовь каждого мужчины, а первая любовь никогда не забывается. Мужчина возвращается к жене, как когда-то в детстве возвращался к своей маме.

У арабов зачастую можно встретить ситуацию, когда у мужчины только одна официальная жена, но помимо нее он содержит несколько любовниц. Никто не видит в этом ничего странного и не делает из этого тайну.

Скорее наоборот. Это считается настолько нормальным и естественным, что об этом просто не удосуживаются говорить. Раньше богатые мужчины содержали большие гаремы, сегодня гарем — это редкость. Но люди медленно отвыкают от старых привычек. Старинные обычаи продолжают жить, только слегка изменяясь. И если женщине противна даже мысль о том, что у ее мужа будут другие женщины, не стоит выходить замуж за мусульманина.

В Ираке браки строятся не на чувствах, а на власти, крови и деньгах. Люди стараются держаться в пределах своей общины, чтобы знать, в чьих жилах течет их кровь и кому можно доверять. Традиционный иракский клан — это царство со своими законами и правилами. Для женщины плюсом этой традиции является то, что мужчина всегда будет ставить превыше всего остального свою семью, потому что она — его плоть и кровь. Саддам не был исключением.

Чтобы лучше понимать наши с Саддамом Хуссейном отношения, необходимо ближе познакомиться с иракскими традициями. Мы встретились на заре политической карьеры Саддама. Для него я в то время была золотым трофеем, похищенным из тогда еще недоступного ему мира власти и больших денег.

Саддам, родившийся в нищете, больше всего на свете мечтал о богатстве и высоком положении. Не понимая это древнее, как сам арабский мир, желание завоевать богатство, успех, а также европейское признание, нельзя понять Ирак.

Полным именем Саддама было Саддám Хусéйн Абд аль-Маджíd ат-Тикрítи. Он родился в 1937 году в деревне неподалеку от иракского города Тикрита в семье безземельного крестьянина. Жила семья Саддама в крайней нищете. Неизвестно, когда точно отец Саддам бросил семью или скончался, но он исчез еще до рождения сына. Ребенка отправили к дяде — брату матери Хейраллаху Тульфаху, чью дочь Саджиду с детства прочили Саддаму в жены. Дядя участвовал в попытке покушения на членов королевской семьи и был посажен в тюрьму, после чего Саддаму пришлось вернуться к матери.

Мать Саддама к тому времени повторно вышла замуж, и от нового брака родились трое сыновей. Отчим сильно избивал Саддама и всячески издевался над ним, и в десять лет мальчика снова вернули к дяде в Багдад.

Если верить источникам, Саддам был сильно привязан к матери и другим родственникам, помогавшим ему в детстве. Придя к власти, он назначил своих родственников из Тикрита на самые высокие посты в правительстве.

Саддам Хусейн знал, что его сыновья никогда не пойдут против отца. Никогда. Они же, в свою очередь, знали, что, если они это сделают, Саддам их убьет. Таковы были правила. Честь превыше всего. Зная иракские нравы, можно не удивляться тому, что в свое вре-

мя Саддам Хусейн сделал меня ассистенткой своего сына Удея, взявшего на себя управление Олимпийским комитетом Ирака. В течение десяти лет я оставалась на этой должности, и невозможно было представить более стабильной работы, так как мне ее дал Саддам, взяв меня под свою защиту.

Мои родители к тому времени уехали в Грецию, и, когда мой отец скончался, я попросила у Саддама дозволения съездить в Афины на похороны. Я терпеливо ждала момента, когда Саддам будет в хорошем настроении, — но как только я озвучила свою просьбу, в нем тут же проснулись подозрения.

— Зачем тебе в Афины?

— Для меня очень важно быть на похоронах отца. Я люблю своих родителей. Они моя семья, ты же знаешь. Позволь мне поехать.

— Теперь я твоя семья. И только я решаю, можешь ты поехать на похороны отца или нет.

Я кивнула и больше не заговаривала о своем горе. Саддам был Саддамом. Он всегда решал за меня.

Двумя днями позже Саддам вдруг объявил мне, что я могу поехать на похороны.

— Сообщи мне, когда поедешь и когда вернешься обратно. За тобой будут присматривать мои люди.

Я кивнула с таким видом, словно уже забыла недавний разговор, и начала готовиться к поездке. У меня дома было два телефона, оба подсоединенных к дворцовой телефонной линии. Один аппарат был красного цвета и предназначался только для личных разговоров с Саддамом, потому что линия не могла быть занята в

момент, когда президент пожелает со мной связаться. Еще через пару дней зазвонил красный аппарат.

— Ты никуда не поедешь, Парн! — заявил Саддам. — Я тебе запрещаю. Тебе нечего делать в Греции.

В тот раз я безумно расстроилась. Саддам часто изображал из себя капризного ребенка. Например, меня могли пригласить на связанную с работой вечеринку или же на ужин. Это случалось довольно часто, и я всегда рассказывала о таких приглашениях Саддаму, чтобы он не думал, что я что-то скрываю. Он говорил, что мне следует одеться поэлегантней, и мог даже прислать мне в подарок подходящие, по его мнению, эксклюзивные наряды.

Я наряжалась, красилась, собиралась, и в этот момент раздавался звонок телефона, и Саддам сообщал, что едет на нашу виллу.

— Без проблем, — отвечала я. — Я буду, хабиби!

Саддам приезжал, говорил мне, что я прекрасно выгляжу, и сообщал, что должен идти, потому что у него важная встреча.

— Понимаю! — кивала я. — Желаю удачи!

Мы оба знали, что было уже поздно идти на ужин или на вечеринку. Своим поступком Саддам, не говоря ни слова, воспрепятствовал моему выходу в свет. Таким он был человеком. И такими были наши отношения, полные недомолвок и недосказанности. Саддам делал вид, что он не ревнует. Я делала вид, что мне все равно или что я ничего не замечаю.

У нас с Саддамом были как хорошие, так и плохие моменты в отношениях. Мы могли не встречаться меся-

цами, потому что у него были другие женщины или потому что он был занят политикой. Я никогда не знала, когда состоится наша следующая встреча. Саддаму нравилось быть непредсказуемым. Сегодня — нежность и подарки, завтра — жесткий примитивный секс.

Саддам был сильным человеком. Даже наедине со мной. Но и у него случались приступы слабости, которые я никогда не забуду. Бывали вечера, когда Саддам сидел на полу передо мной, склонив голову мне на колени. Совсем как ребенок.

Все мы люди, и даже самые ужасные из злодеев способны на человеческие чувства. Даже такой бессердечный и жестокий тиран, как Саддам, испытывал моменты слабости. Моменты, когда только я могла его успокоить. Моменты, когда он мог довериться мне и ненадолго открыть настоящего Саддама. Саддама-ребенка, напуганного мальчика, нежного и нуждающегося в любви. Таким он мог бы стать, если бы выбрал другую дорогу в жизни, или если бы его остановили раньше. Если бы США не решили использовать его хитрость и жестокость в своих целях.

Его нежность и уязвимость в такие моменты резко контрастировали с его обычной жесткостью. В такие моменты я была Саддаму не возлюбленной, а скорее любящей матерью.

Я никогда не узнаю, почему Саддам так сильно ко мне привязался. Может, он просто привык к моему присутствию. В этом не было ничего странного. Я занимала особое место в его жизни, но я не могла это обсудить ни с ним, ни с кем-либо другим. Я словно была

вместе с Саддамом и не была. Я чувствовала себя бесконечно одинокой. Несмотря на то, что у меня были дети и любимая работа, мне все равно было одиноко. И своим одиночеством я обязана была Саддаму. В его окружении я стояла особняком. Я не была родственницей Саддама, не была мусульманкой, не имела никакого отношения к партии «Баас» и меня некому было защитить — об этом Саддам позаботился, устроив мой развод с мужем.

Тогда у меня и появилась привычка разговаривать с луной. По вечерам, когда дети уже спали, а в Багдаде творились черные дела, я сидела в моем райском саду, окруженном высокой стеной, и рассказывала луне о своей жизни. Ночи в Багдаде волшебные. Теплые. Мягкие, как бархат, и нежные, как шелк. Разговоры с луной помогали мне внести ясность в мысли. Разумеется, луна не могла мне ответить, но я видела ее реакцию на мои рассказы. Она бывала злой, грустной и даже довольной, и никогда ей не надоедало слушать мои истории.

Я чувствовала, что луна все понимает. Даже то, что я сама была не в силах понять.

Бывало, я чувствовала страшную усталость. Усталость от жизни. Усталость от всего. Что делать? — думала я. Бежать? Но куда? Как? Мне казалось, что я и так уже бегу, бегу по замкнутому кругу, без всякой надежды достичь цели. Да у меня и не было никакой цели. Я сдалась. Опустила руки. В одиночестве в цветущем саду я ощущала во рту сладкий вкус детства. Саддам отнял у меня все, но мои детские воспоминания были ему неподвластны. Только они помогали мне держаться.

Нет, я не боялась Саддама, пока мы были вместе. Он мог меня убить или покалечить, но я уже и так чувствовала себя мертвой. Страх, панический страх я чувствовала, когда, предав Саддама, бежала из Ирака. Мне было известно, на что способен Саддам Хусейн, и я беспрестанно думала обо всех тех ужасах, которые его люди сотворят со мной, если схватят.

Я никогда не доверяла Саддаму. С недоверием и подозрительностью воспринимала каждое проявление доброты с его стороны. Получая роскошный подарок, я гадала: «С чего это вдруг?» В Багдаде опасность скрывалась за каждым углом, и я научилась чувствовать ее приближение по запаху и не подпускать ее к себе ближе, чем на метр.

Вернувшись назад в Багдад, я целый месяц провела в слезах. Когда острая боль от разлуки с мужем немного стихла, я смирилась с судьбой и нашла в себе силы жить дальше. Жизнь научила меня быть практичной. Я сказала себе, что должна думать о будущем. Мне нужно было думать о детях и о работе, и горевать было некогда. Я делала все для своих дочерей, желая им лучшей жизни, — к сожалению, Сироп, после того как я отказалась быть с ним, не интересовался своими детьми. Но что мне оставалось делать? Оставить их в разбомбленной школе посреди воюющего Бейрута?

От депрессии тоже не было никакого толка: слезами делу не поможешь.

Саддам не звонил. У него хватало ума понять, что мне нужно время. Красный телефон молчал. Я знала: Саддам позвонит, когда придет время.

И время пришло. За мной приехал шофер и отвез меня на виллу, где мы обычно встречались. Я была не в лучшем настроении. Голова раскалывалась от боли, и таблетки не помогали.

Саддам окинул меня внимательным взглядом:

— Что произошло?

— Говори тише... моя голова...

— Что случилось?

— Не кричи, я и так слышу. Ничего не случилось, о чем бы ты не знал.

— Ты виделась с мужем?

— Каждый день.

— Ты с ним спала?

— Нет.

— Ты изменилась, шакра. Что-то в тебе изменилось.

У тебя грустные глаза. Почему?

— Не кричи! Ты сам все прекрасно знаешь, хабиби! Конечно мне грустно, когда я думаю обо всех разрушенных школах, убитых детях, переполненных больницах...

Взгляд Саддама переменился. Я сознательно перевела разговор с меня и моего мужа, и у меня получилось. Жизнь Саддама вращалась вокруг политики, а не женщин. Он управлял целой страной, и женские страхи его мало волновали.

Я ничего не знаю о политике, но мне не составляет труда понять, что то, что творилось и до сих пор творится на Ближнем Востоке, иначе как массовым безумием назвать нельзя. Каждый день умирали и продолжают умирать люди.

Во время работы по подготовке Багдадской международной выставки в мои обязанности входило связывать иракские компании с иностранными участниками. Если бизнесмен хотел встретиться с иракским чиновником или министром, я организовывала встречу. Все знали, кто я, и мало кто мог мне отказать.

Помимо выставки, я выполняла обязанности лично-го ассистента сына Саддама Удея, в то время председателя Олимпийского комитета Ирака. Я также отвечала за работу с прессой. Удея часто называли тенью Саддама: он, как старший сын, был его правой рукой. Удей присматривал за мной, а я наблюдала за ним, как Саддам и задумал с самого начала.

Удей был нехорошим человеком. Он был так же без-умен, как и отец, и его безумство не знало границ. Удей делал все, что ему вздумается. Я знала Удея с детства: он всегда был жестоким. Но с возрастом становился только хуже.

Если Удей просил принести из архива документы, то немисливо было прийти к нему и сказать, что их там нет. Это было равносильно самоубийству. Каждый приказ Удея должен был выполняться беспрекословно.

На каждый его вопрос у меня должен был быть ответ. И стоило выразить недовольство своей работой кому-то из его подчиненных, как этот человек тут же исчезал. Меня спасало только то, что я принадлежала Саддаму, а против отца Удей пока идти не осмеливался.

Но когда Удей начал забывать о том, кто его отец, ему быстро об этом напомнили. Саддам сделал фаворитом своего второго сына, Куся.

Даже при самых странных обстоятельствах люди стараются жить обычной жизнью. Даже когда мир сходит с ума, люди стремятся к нормальности, потому что это дает им ощущение порядка.

Так же обстояло дело и со мной. Как бы абсурдно это ни звучало, но работать в Олимпийском комитете было весело. Однажды Удей позвонил мне и велел подняться к нему. Я сразу поспешила в его офис, где уже собрались несколько наших коллег. Удей вопросительно посмотрел на меня:

— Что ты такого сделала с отцом, что он в таком хорошем настроении?

Мысли у меня были заняты другим, и я ответила, не успев подумать:

— Ничего я такого не сделала, Удей. У меня не было времени!

Собравшимся это показалось ужасно смешным. Они чуть животы не надорвали от смеха и потом не раз напоминали мне об этом разговоре. Никто никогда не осмелился бы пошутить так в присутствии Саддама, даже Удей. Это было бы проявлением неуважения. Узнай

об этом Саддам в плохом настроении, он запросто мог бы застрелить всех на месте.

Однажды вечером мы с Саддамом после ужина сидели на веранде, откуда открывался вид на Тигр, с бокалами в руках, и Саддам вдруг сказал, что хочет, чтобы я докладывала ему, чем занимается его старший сын Удей. Только мне он мог доверить столь ответственное дело.

Я отказалась. Шпионить за сыном по приказу отца — я на такое неспособна.

— Мы не родственники, Удей и я, — сказала я с возмущением. — Я не могу о нем докладывать.

Саддам не сдавался. Он уже все решил, и мое мнение его не слишком интересовало. Но он слегка изменил свой план, и теперь я должна была отчитываться не перед диктатором, а перед его спецслужбой «Мухабарат». На практике особой разницы не было, относилась ли я доносы лично Саддаму, или он получал их из вторых рук, — но психологически мне так было комфортнее. Это просто стало еще одной моей рабочей обязанностью. Люди из окружения Саддама относились ко мне с подозрением. Для них я была иностранкой. Женщиной. Европейкой. Христианкой. Кто я такая? Что я здесь делаю? Почему меня назначили ассистенткой Удея? Кто я? Шпион? Друг? Враг? Что я рассказываю о них Саддаму?

Я помню одну встречу, когда к своему ужасу обнаружила на одной из папок на столе свое собственное имя. В папке я нашла информацию, которую сама же сообщила: имена моих детей, болезни, которыми я бо-

лела, мой адрес, имя отца и тому подобное. Но там была и другая информация. Информация, о которой я не имела никакого понятия. И что хуже всего, я не знала, кто за мной шпионит и что в своих доносах он пишет, или она, или они.

Ту встречу вел Удей. Я присутствовала на ней в качестве его ассистентки. Остальными участниками были люди из ближайшего окружения Саддама и его семьи. Разумеется, у них я вызывала только подозрение. Что она здесь делает? Разве ей можно слушать то, что они собираются сказать?

Но они даже не успели спросить. Удей резко поднялся и взял со стола папку с моим именем.

— Эта принадлежит моему отцу, — сказал он твердо.

Над столом повисла тишина. Никто не протестовал. Не задавал вопросов. Напоминание о Саддаме изменило атмосферу встречи.

Двумя днями позже я зашла в кабинет одного из участников встречи, чтобы подписать документы. Он в притворном ужасе попятился назад:

— Прочь, Пари! Я тебя боюсь!

Мы оба расхохотались. И хотя мы смеялись, оба знали, что в каждой шутке есть доля правды.

С Саддамом Хусейном нельзя было позволить себе расслабиться. Мы были подобны теням в бесконечном лабиринте, и каждый из всех сил старался скрывать свой страх. Всем было известно о широкой сети шпионов Саддама; они постоянно собирали для него информацию, на основании которой он уже сам делал выводы и принимал решения.

Я тоже была шпионом Саддама, и у меня было даже два кодовых имени: Лейла и Умм Амин, что означает «Мама Амина». У всех людей, работавших на «Мухабарат», были кодовые имена, и я до сих пор испытываю страх, когда об этом вспоминаю.

Слишком много людей знают о моем существовании. Людям прекрасно известно, кому принадлежит подпись «Умм Амин». Разумеется, я была всего лишь одной из десятков тысяч доносчиков и никакой особой роли в «Мухабарат» не играла. К тому же других поручений мне никто не давал из-за моих особых отношения с Саддамом — но кто знает, какие решения были приняты на основании моих отчетов. Не хочу об этом даже думать!

Саддам никому не доверял. Разумеется, за мной тоже следили, и эти люди, в свою очередь, также писали отчеты, чтобы Саддам мог удостовериться в правдивости представленной мной информации. Саддам был сложным человеком, и жизнь близких ему людей нельзя было назвать простой. Иногда мне даже жаль его сыновей, которые в какой-то мере стали жертвами своего тирана-отца.

У всех, кто работал на дворец, был свой секретный код доступа к разным кабинетам, состоящий из комбинации цифр, позволявшей открывать замки.

У Удея был друг по имени Мухаммед, которому Саддам, как и мне, тоже поручил следить за сыном. Мухаммед был женат, и у него было двое детей, но это не помешало ему исполнить приказ. Ему как-то удалось заполучить секретный код Удея, с помощью которого он

проник в кабинет сына Саддама. Ничего особенного Мухаммед не искал, просто ему нужно было что-то, о чем можно было бы донести Саддаму.

Но Мухаммеду не было известно, что Удей установил в своем кабинете видеокамеры и прекрасно знал о том, кто заходит туда в его отсутствие. Узнав о предательстве Мухаммеда, Удей даже ближайшим друзьям не сообщил, что знает, кто на него доносит.

Но однажды вечером Удей пригласил гостей, среди которых были и мои дочери, в парк развлечений в Багдаде. Остальных посетителей выдворили, и парк был полностью в распоряжении Удея и его гостей. Они могли кататься на любых аттракционах и брать, что пожелают.

Мухаммеда усадили на одну из лошадок на карусели, и Удей приказал включить ее на полную скорость. А когда карусель начала бешено вращаться, приказал резко ее остановить. Мухаммеда выбросило с карусели, и он расшибся насмерть. Никто больше не упоминал его имени.

Саддам рассказал мне эту историю, когда мы были наедине. Его забавляли жестокие выходки Удея, но он не доверял сыну. Иногда спиртное делало Саддама разговорчивым, и тогда он рассказывал мне подобные вещи. А может, он просто хотел дать мне понять, что со мной случится, если я лишусь его защиты.

Доносы были обычным делом в Ираке. Никакая диктатура не обходится без доносительства и шпионажа. Достаточно вспомнить Кубу и Фиделя Кастро, Италию

во времена Муссолини, гитлеровскую Германию и сталинскую Россию. Везде одно и то же. Чем могущественнее лидер, тем сильнее он боится потерять свою власть. Сосед доносит на соседа, брат — на брата. Люди чувствуют себя вынужденными делать это, чтобы выжить.

Став единоличным властителем в Ираке, Саддам стремился держать своих подчиненных в страхе. Страх был его постоянным спутником. Страхом он заражал своих подчиненных, а те в свою очередь заражали весь народ. Так это обычно происходит. Каждая иракская семья хранит свои горестные воспоминания, связанные с режимом Саддама. Расстрел мужа. Гибель сыновей на войне. Исчезновение дочерей. Смерть детей от голода.

Все вспоминают прошлое с горечью. Оплакивают близких. Скучают по родным. В то время люди боялись любого звонка в дверь. Кто это может быть? За кем пришли на этот раз?

Виновен человек или нет, это не играло никакой роли. Бесполезно было спрашивать о причинах ареста. Саддам ни перед кем не отчитывался.

Вы должны понимать это, чтобы представлять, кем был Саддам Хусейн. Саддам был человеком, способным убить членов своей собственной семьи. Разве я могла рассчитывать на милосердие такого человека?

Вскоре после возвращения в Багдад я забеременела. Я не планировала беременность, но, когда узнала об этом, не удивилась: у меня были проблемы с щитовидной железой, и врач запретил мне употреблять противозачаточные гормональные таблетки.

О том, чтобы прервать беременность без ведома Саддама, и речи быть не могло, да я и не хотела убивать своего ребенка. После долгих колебаний я выбрала подходящий момент и рассказала Саддаму всю правду. Что моя болезнь не позволяет мне принимать противозачаточные таблетки и что врачи не советуют сохранять ребенка. Саддам переменился в лице:

— Если решишь избавиться от ребенка, Пари, можешь считать себя покойницей!

И внезапно я оказалась в той же ситуации, что и Харут с Джиной много лет назад. Саддам решил, что не пристало беременной женщине жить одной без мужа, и меня тут же выдали замуж за человека, которого выбрал сам Саддам. Возражать было бесполезно. И я вышла замуж. Мой муж оказался равнодушным типом: на меня ему было совершенно наплевать. В этом мире он боготворил только одного человека — Саддама Хусей-

на. Мой второй муж стремился к богатству, власти и высокому статусу. Больше всего он любил деньги, и поэтому я не хочу упоминать его имя в этой книге. Слишком велик риск того, что он захочет получить вознаграждение за то, что я назвала его имя.

Ради денег этот человек был готов пойти на все. В том числе и жениться на мне. Этот брак обеспечил ему комфортную комнату в моем доме, полный кошелек и доступ к ужинам и вечеринкам, на которые я бывала приглашена. Перед посторонними мы изображали семейную пару. Но дома действовали другие правила. Никакой близости. Никакого секса. Он не имел права даже коснуться меня. Изображать моего мужа было просто его работой, а в его рабочие обязанности входило также следить за мной и докладывать обо всем Саддаму. Вкусная еда, красивая одежда и вечеринки были приятным дополнением к его новой работе.

Саддам также позволил мне и моим дочерям на время поехать в Грецию. По официальной версии, я отправилась туда в отпуск вместе с мужем, но через некоторое время его вызвали обратно в Ирак, а я осталась в Афинах рожать ребенка.

Для меня было огромной радостью оказаться в Греции. Я планировала оставаться в Афинах как можно дольше. На тот момент мне было двадцать шесть лет, я ждала третьего ребенка и надеялась, что моя жизнь станет, наконец, нормальной.

Омрачали мою радость лишь слова врачей о том, что беременность протекает сложно, и роды обещают быть трудными. Врачи в Багдаде предупредили меня, что существует риск не только для моего здоровья, но и для здоровья ребенка.

Несмотря на опасения врачей, все шло хорошо. Девочек я отдала в греческую школу, купила нам небольшой домик и устроилась на работу в авиакомпанию «Мидл Ист Эйрлайнз». Мы жили спокойной жизнью. Я работала, помогала девочкам с уроками и заботилась о своем новом ребенке — Константиносе.

Дни превращались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. От Саддама ничего не было слышно. Я и мои дети привыкли к жизни в Афинах, и я даже подумывала связаться с Сиропом. Мы не общались с того дня, как я сбежала из Ливана, но не было и дня, чтобы я не вспоминала, как хорошо нам было вместе. В глубине души я надеялась, что Саддам забыл о моем существовании. Но это было всего лишь надеждой. Как и надежда на то, что Сироп захочет снова меня увидеть после всего, что я сделала.

Когда настала пора девочкам переходить в следующий класс, греческие чиновники внезапно потребовали справку о том, что они посещали школу в Багдаде. Учились они хорошо, так что дело было не в успеваемости. Просто справка была необходима формально, и мне пришлось обратиться в посольство Ирака в Афинах.

Со времени моего приезда в Грецию прошло три года. Константинос родился в 1979 году, и ему уже успе-

ло исполниться два года. Лизе было около девяти лет, а Алики — почти семь. В сентябре 1980 года началась война между Ираном и Ираком, и у Саддама не было времени на женщин.

Война началась с нападения Ирака на Иран, и длилась она восемь лет. К тому моменту экономика обеих стран была практически разрушена. Миллион людей погибло в этой войне. Нефтяной промышленности был нанесен серьезный ущерб. Границы же между двумя странами пролегли там же, где и восемь лет назад.

Причиной нападения было недовольство Саддама Хусейна приходом к власти в Иране аятоллы Хомейни¹, который, по его мнению, планировал напасть на Ирак. Другой причиной был конфликт из-за Шатт-аль-Араб — района в месте слияния рек Тигр и Евфрат. По соглашению 1975 года, подписанному шахом Ирана Резой Пехлеви и Саддамом Хусейном, там проходила государственная граница, но Саддам позже счел, что соглашение было заключено не в пользу Ирака, поскольку эти земли богаты залежами нефти.

Во время войны Саддам активно развивал свои международные связи, покупая оружие и боеприпасы на Востоке и на Западе. В то время его поддерживали США, у которых с Ираном были свои счета.

¹ Хомейни, Рухолла Мусави (1900 или 1902—1989) — религиозный и политический деятель Ирана, верховный руководитель Исламской республики Иран с 1979 года.

К иракскому посольству я приближалась со смешанными чувствами. Нет, я не боялась идти в посольство, потому что была гражданкой Греции и находилась в Греции. Мне всего лишь нужна была справка о том, что мои дети посещали школу в Багдаде. Ничего особенного. Скорее всего, персонал посольства вообще не был осведомлен о моем иракском прошлом, но все равно, когда я называла свое имя администратору, мой голос дрогнул.

Я молилась, чтобы новости о моем приходе не достигли ушей Саддама. Меня хорошо приняли. Сотрудники посольства оказались очень любопытными, но я объяснила причину моего визита, и она не вызывала ни у кого подозрений. Испытав облегчение, я разговорила и даже рассказала, как моя греческая семья оказалась в Багдаде в пятидесятые годы и упомянула, что у нас есть родственники на Кипре и в Ливане. Кто-то сказал, что на следующей неделе посол устраивает вечеринку и что меня приглашают. На какой адрес прислать приглашение? Все были так милы, что я не заподозрила ничего плохого.

В работе менеджером в Афинском аэропорту не было ничего гламурного, и в моей жизни матери троих детей тоже не было блеска светских развлечений. Я долго колебалась, но потом решила, что вечеринка поднимет мне настроение. Скорее всего, в посольстве никто не знает, кто я такая, а за годы, проведенные в Афинах, я ни разу не замечала за собой слежки.

Конечно, во всем виновата моя страсть к авантюрам. Видимо, в глубине души я скучала по общению с людьми, обладающими деньгами и властью. В Багдаде меня когда-то называли королевой вечеринок. Мне нравилось нарядно одеваться и притягивать к себе восхищенные взгляды гостей.

Но главным образом виновата была моя глупость: в Афинах я расслабилась, решив, что Саддам забыл меня и все опасности позади. Но я должна была помнить:

Саддам никогда ничего не забывал.

Моя страсть к приключениям снова дорого мне обошлась. Получив приглашение, я с радостью согласилась прийти.

Соседка присматривала за детьми, а я, нарядившись и накрашившись, отправилась на вечеринку. Я общалась с сотрудниками посольства и бизнесменами и пила коктейли, вспоминая прошлое, когда такие интернациональные приемы были частью моей повседневной жизни. Пару раз мне показалось, что кто-то что-то шепчет послу на ухо, указывая в мою сторону, — но я прогоняла прочь беспокойные мысли. Мне только показалось, говорила я себе. Нет никаких поводов для тревоги. Выпей еще бокал шампанского, Пари. Скоро все закончится, и ты вернешься к своей прежней жизни.

Когда я уже собиралась уходить, ко мне подошел посол. Он был подозрительно вежлив и настоял на том, чтобы меня подвезли домой на посольской машине. Он даже предложил прислать мне мешок риса — иракский рис был превосходного качества и считался дорогим подарком.

Я вежливо отказалась. Перемена в поведении посла мне польстила, но также насторожила. Он внезапно стал обращаться со мной, как с очень важным гостем, тогда как я была всего лишь женщиной, зашедшей в посольство за справкой об образовании, которую, кстати, так и не получила.

Мне было любопытно, что нашептали послу гости, которые явно меня узнали? Что он теперь будет делать?

На следующее утро посол сам мне позвонил. Он взволнованно спросил:

— Почему вы нам не рассказали, кто вы?

У меня бешено заколотилось сердце, но я заставила себя спокойно ответить:

— Я гражданка Греции и живу в Афинах с моими детьми. С какой стати мне что-то рассказывать иракскому посольству? Даже если я и выросла в Багдаде? Почему распоряжению вы меня допрашиваете?

Посол ответил очень туманно, и мне стало не по себе. Хотелось просто бросить трубку. Я попросила посла как можно скорее подготовить справку для девочек и поспешила закончить разговор.

Через месяц посол снова мне позвонил. На этот раз голос у него был серьезный.

— У нас для вас послание, — сообщил он. — Я пришлю за вами машину после обеда. Очень прошу вас прийти.

Что мне было делать? Я снова почувствовала себя ужасно уставшей. Мои надежды на освобождение оказались напрасными. Три последних года были всего лишь передышкой, и я совершила ошибку, пойдя на ту

вечеринку. Все было как раньше. Молчание Саддама означало только одно — опасность. Я ведь хорошо это знала. Как я могла забыть хоть на минуту о том, кому я принадлежу? Как я могла хоть на секунду подумать, что Саддам забыл про меня и про ребенка?

Когда за мной заехала посольская машина, я была одета и готова к бою. Со мной был мой младший сын, которого мне не на кого было оставить. У входа нас встречал второй в посольстве человек. Мир власти полон символических жестов, и со мной обращались, как с очень важным гостем.

Но меньше всего мне в тот момент была нужна вежливость. Я снова играла роль женщины, которой не нужно никого ни за что благодарить, — поэтому, когда меня проводили к послу, я лишь холодно спросила:

— Что за послание? Что хочет Саддам Хусейн?

У посла округлились глаза.

— Я знаю, в чем дело, — продолжила я, не давая ему опомниться. — Давайте сюда письмо.

Посол молча протянул мне конверт. Я вскрыла его и прочитала:

Парисула Лампсос и трое ее детей должны вернуться в Багдад в течение трех дней, начиная с нижестоящей даты.

Саддам Хусейн.

Я испытала шок. Колени у меня подогнулись. По телу прошла судорога. Сын испуганно сжал мою руку.

Я подняла Константиноса на руки и приказала себе не подавать вида, как я взволнованна. В течение трех дней? По лицу посла я поняла, что ему это не нравится. Саддам требовал моего возвращения. Причем немедленно. Но посол понимал, что все не так просто. Я не была гражданкой Ирака. Мы были на территории Греции. Здесь я не подчинялась его приказам.

Три дня? Саддам наверно спятил. А как же мой дом в Афинах? Моя работа? Моя мебель? Школа девочек? Что если я откажусь ехать? Что он тогда сделает?

Но я прекрасно знала что. Жизнь моих родных была бы в опасности.

И все равно, несмотря на все это, мне было лестно, что Саддам меня не забыл. Даже в разгар войны он хотел меня видеть. Это было моей мезтью Саддаму — сделать так, чтобы он не мог без меня жить, и мне это удалось.

— О вашем имуществе в Греции позаботится «Мухабарат», — сказал посол, словно прочитав мои мысли. — Просто приходите завтра с вашим греческим паспортом и скажите, что нужно сделать. «Мухабарат» обо всем позаботится.

Я похолодела. Положиться на помощь спецслужбы Саддама Хусейна было все равно, что заключить сделку с дьяволом. Пока что им приказали обращаться со мной обходительно — но что будет, если я послушаюсь?

Они спокойно могут меня убить.

На следующий день я снова пришла в посольство. На этот раз без сына. Я старалась не показывать своих чувств, но, когда мужчины из «Мухабарат» потребовали мой паспорт, сама удивилась тому, как жалобно проговорила:

— Зачем? Без паспорта я не могу путешествовать.

Мужчины пожали плечами. Таков был приказ. До моих проблем им не было дела.

Я отдала паспорт. В него были вписаны трое моих детей, потому что им не было еще пятнадцати лет, и они путешествовали в моем сопровождении. Когда мужчины сказали мне, что ночь перед отъездом я с детьми должна провести в посольстве, я только кивнула.

— По личному приглашению посла, — добавил один из них с улыбкой.

Я прекрасно поняла скрытый смысл его замечания. Я и мои дети были пленниками Саддама Хусейна.

Домой я вернулась полуживая от страха. Меня охватило ощущение, что все безнадежно. Давно я не чувствовала такой усталости. Каждый шаг давался с огромным трудом. Сложно описать, о чем я думала в тот момент. Мне казалось, что моя жизнь кончилась. Дети

были голодны, но я не могла заставить себя зайти в кухню. Мы заказали еду на дом. Оставались еще неоплаченные счета... но о них пусть позаботится «Мухабарат». Дети взволнованно спрашивали:

— Что случилось, мама? Ты заболела?

— Ешьте! — отвечала я. — Оставьте меня в покое. Мне нужно прийти в себя.

Я могла попросить помощи. Могла отказаться приходить в посольство, могла не отдавать его сотрудникам свой паспорт. Я много чего могла бы, если бы моя жизнь была нормальной. Если бы я была старше и мудрее и не боялась бы последствий моего поступка.

Мне было хорошо известно, что случается с теми, кто идет против «Мухабарат». Я была молодой женщиной, не привыкшей к лишениям. Я знала, на что способен Саддам Хусейн, и у меня было трое детей на руках, о которых надо было заботиться.

Другой человек на моем месте наверняка нашел бы иной выход из сложившейся ситуации. Но мне все представлялось только в одном свете: послушайся я приказов Саддама, и моих братьев ждет неминуемая смерть. В Багдаде во времена Саддама человеческая жизнь ничего не стоила.

И во всем случившемся я, как всегда, винила себя. Я проклинала тот день, когда приняла приглашение на вечеринку. Как я могла быть такой дурой! — говорила я себе.

Утром за мной с детьми пришла машина; она доставила нас в посольство Ирака в Афинах. Обращались с

нами вежливо, но твердо. Самолет в Багдад должен быть улететь на следующее утро.

— Вам с детьми приказано общаться на арабском языке в аэропорту и на борту самолета. Во время паспортного контроля дети должны молчать.

Разумеется, дети задавали мне вопросы, и я уверяла их в том, что все хорошо. Но мне не нужно было уговаривать своих детей так, как это делают европейские родители. Мои дочери и мой сын приучены делать то, что я им скажу. Я воспитывала их так же, как меня воспитали родители. Дети должны во всем слушаться взрослых, потому что мама знает лучше.

— В Афинах нас ждут проблемы, — объяснила я детям. — Нам лучше вернуться в Багдад.

Они мне доверяли. Проблемы взрослых их не беспокоили. На самом деле возвращаться в Ирак в разгар ирано-иракской войны было полным безумием. Намного безопаснее было бы оставаться в Греции.

На следующее утро нас отвезли в аэропорт. Один из сотрудников посольства разговаривал с офицером, осуществлявшим паспортный контроль, — а мы с детьми молчали.

— У них у всех греческие имена, — сказал с сомнением офицер.

Я посмотрела на него. Говорить мне запретили агенты «Мухабарат», но оставалась надежда, что офицер по глазам поймет, что нам нужна помощь. Мне хотелось, чтобы весь этот кошмар закончился как можно скорее. Если бы меня с детьми не пропустили через границу, Саддаму не в чем было бы нас упрекнуть.

Греческий офицер колебался. Очередь за нами все увеличилась, и он позвал коллег, чтобы посоветоваться. Вскоре к разговору присоединился посол Ирака. Сын дергал меня за одежду, что-то спрашивая по-гречески. Один из сотрудников посольства жестом приказал мне заставить его молчать.

Проблема заключалась в том, что у меня не было паспорта. Греки не хотели выпускать меня без документов, поскольку Ирак находился в состоянии войны. Без паспорта нас могли потом выслать обратно.

Я до сих пор не понимаю, как иракцам удалось их уговорить. Не знаю, угрожала ли грекам «Мухабарат», или им предложили денег, но, так или иначе, они выпустили меня с детьми из страны.

Нас провели через пункт контроля, и мы поднялись на борт самолета. Перед тем как покинуть меня, агенты «Мухабарат» сообщили мне цифровой код. В аэропорту Багдада нас встретит человек, которому нужно будет сообщить этот код, чтобы нас пропустили в Ирак.

Пройдя паспортный контроль в Багдаде, я сообщила код пограничнику, но тот с недоумением посмотрел на меня:

— Что означают эти цифры? Откуда вы? Из Греции? Без паспорта? Без иракской визы?

Мои попытки что-то объяснить только вызвали у него раздражение. Покачив головой, он позвал охрану, которая увела нас и заперла в холодной комнате в аэропорту.

Страшно мне не было. Если бы «Мухабарат» получила приказ от нас избавиться, агентам не нужно было

бы для этого везти меня в Багдад. Я сказала детям, что нас скоро выпустят. Но все равно мне было не по себе. Я винила себя в том, что моим детям приходилось столько страдать.

Я не помню, сколько нам пришлось ждать. Может, прошел час, может, два. Внезапно дверь открылась, и на пороге появился несчастный пограничник, которого предупредили о нашем прилете. К сожалению, он вышел покурить, и именно в этот момент мы подошли к пункту контроля. Он весь трясся от страха, рассыпался в извинениях и умолял меня никому не рассказывать о том, что произошло.

И я понимала почему. За такие ошибки сурово наказывали. Прожив в Афинах несколько лет, я успела забыть, что простые иракцы постоянно жили в страхе. И при виде готового расплакаться пограничника меня оставили последние силы. Полумертвая от усталости, я прижала к себе детей.

— Я никому не скажу, — пообещала я. — Кто-то другой может рассказать, но это буду не я. Я понимаю, что вам нужно было отдохнуть. Успокойтесь.

Мужчина поблагодарил меня и сказал, что завтра в восемь утра мне с детьми нужно быть в паспортном столе. Я кивнула. Еще вчера я была в спокойной цивилизованной Греции, а сегодня стояла в холодной комнате, обнимая испуганных детей. Для одной слабой женщины это было слишком.

— Мы сегодня будем кушать на ужин иракскую еду, — утешала я рыдающих детей. — Помните, какой тут вкусный рис?

Сама же я мечтала не о рисе, а о снотворном в тумбочке рядом с кроватью.

Мой муж, выбранный Саддамом, ждал нас в аэропорту, чтобы отвезти домой. Странно было возвращаться в свой дом в Багдаде. Все вещи были на своих местах: мебель, которую я сама выбрала, мои ковры и гобелены. Слуги приветливо поздоровались. Няня занялась детьми. Юсуф готовил в кухне, а садовник работал в саду, и в доме было чисто и аккуратно. Как будто я отсюда и не уезжала. Девочки радостно бегали по дому, а Константинос с большим интересом рассматривал наших горлиц и попугаев, которые умели залихватски ругаться.

Несмотря ни на что, мне было приятно вернуться в свой дом. Здесь все было обставлено по моему вкусу, и сад был моим оазисом спокойствия в опасном мире. Кусты и деревья, которые были совсем маленькими, когда я уезжала из Багдада в Грецию рожать сына, теперь выросли и радовали глаз яркими цветами. Довольная, я вдохнула знакомый аромат гардении и погладила лепестки цветка пальцами. Что бы со мной ни происходило, я все время возвращалась в этот дом. Пусть здесь повсюду были прослушивающие устройства, пусть за нами круглые сутки следили, он все равно оставался моим домом.

Здесь я жила с моими детьми и нашими собаками.

Мусульмане собак не жалуют. Их, как и свиней, считают нечистыми животными, но Саддам не был ортодоксальным мусульманином. Он пил виски, и ему нравились собаки, так что у меня они тоже были.

Однажды у нас даже появились щенки, целых девять. Они были такими хорошенькими, что одного из них я подарила дубайской принцессе. Передать подарок мне помогла итальянка, работавшая на ЮНИСЕФ. Багдад — город с богатыми торговыми традициями, и его границы незаметно пересекали не только нефть и оружие.

Снотворное было на месте, и с его помощью мне удалось заснуть. Но утром тревога вернулась. Когда Саддам даст о себе знать? В каком он будет настроении? Чего потребует?

В паспортном столе меня встретил человек в униформе, который отдал мне честь и назвал своей «почтенной иракской сестрой».

Я не подавала виду, что это меня смутило, и спросила: — Зачем меня попросили прийти?

Мне предложили стул и напиток. Вежливое обращение показалось мне подозрительным. Один из мужчин в униформе с поклоном вручил мне мой новый иракский паспорт, и я не могла скрыть своего удивления. Что это? С какой стати я теперь гражданка Ирака? Где мой греческий паспорт?

Я пролистала паспорт. Имя написано неправильно. Неверная дата рождения. Все неверно. Я молча разглядывала фотографию в паспорте.

Кто я? Кем я стала? Неужели это я?

В зрелом возрасте у меня не было близких подруг. Без них мне было одиноко, но женщины ждут от дружбы полного доверия, а на это я была неспособна. Мне было проще с мужчинами. Мужчины общаются по-другому. И во мне они находили хорошего друга, потому что мужчинам нравится, когда женщины мало говорят и много слушают. Этим искусством я овладела в совершенстве.

С годами моя жизнь становилась все запутаннее. Сыновья Саддама стали жадными до власти, и мне все чаще приходилось закрывать уши, чтобы не слышать, что говорят в моем присутствии мужчины. Удей, старший сын Саддама и мой начальник, часто бывал у нас дома. Младший сын Кусей тоже считал мой дом своим и приходил когда вздумается. Такая ситуация грозила обернуться катастрофой, случись мне встать между Саддамом и его сыновьями.

Удею и Кусею было известно о наших с Саддамом отношениях. Саддам знал, что я вижу его сыновей почти каждый день. В результате мне пришлось изображать женщину, которая ничего не слышит, ничего не видит и ничего не знает. Другого выхода у меня не было.

Неприятней всего было отвечать на вопросы Саддама о том, кого я встречала. Ему везде мерещились враги, даже среди его самого близкого окружения, даже среди людей, которых он сам назначил на высокие посты. Саддам никогда не планировал ни с кем делиться. Он намеревался сосредоточить всю власть в своих руках, окружив себя близкими родственниками. Так работает клановая система. На верху пирамиды стоит лидер. И чем больше власти сосредотачивалось в руках Саддама, тем сильнее была у него потребность контролировать свое ближайшее окружение.

Напрямую Саддам не спрашивал, о чем его сыновья говорят в его отсутствие. Дать понять, что ему что-либо неизвестно, значило бы продемонстрировать собственную слабость, поэтому он маскировал вопросы под обычные реплики в разговоре.

— Как прошел вечер? Кто там был? Мои сыновья, наверно. Ты с ними говорила?

— Они общались друг с другом, хабиби. Ты же знаешь, что они ничего мне не рассказывают.

Это было одновременно правдой и неправдой. В своей жизни я столько раз оказывалась в опасных ситуациях, что научилась слышать, не слушая, покупать, не продавая, знать, не осознавая. От этого зависело мое выживание. Слишком много людей внезапно исчезало из дому и не возвращалось. Единственным способом защитить своих близких было держать язык за зубами.

Мне следовало быть особенно осторожной, потому что у меня было трое детей. Случись со мной беда, а

это могло произойти в любую секунду, дети не должны ничего знать, потому что агенты «Мухабарат» не погнушаются допросить и детей. О моей жизни им лучше было ничего знать.

Саддама я чаще всего ласково называла хабиби, что на арабском языке означает «дорогой» или «любимый». Это слово не содержит никакого особенного смысла, примерно как *dear* («дорогой») в английском. Я всех называю хабиби — такая у меня привычка. Поэтому в том, что и Саддама я называла хабиби, не было ничего особенного. Но тот факт, что мне позволялось так его называть, означал, что мы очень близки. Мало кто осмеливался назвать Саддама любимым, не рискуя вызвать гнев могущественного диктатора.

Характер моих с ним отношений часто зависел от того, какая у Саддама была потребность в ту или иную минуту. Мне, как хорошей жене, приходилось играть сразу несколько ролей. Я была Саддаму мамой, сестрой, подругой, любовницей — женщины поймут, о чем я говорю.

Саддам не знал, что такое любовь. Он вырос, не зная любви. Я же с детства была окружена любовью, и именно любовь придавала мне силы. Я не могу назвать конкретной причины того, почему наши отношения продлились столько лет, — но, думаю, власть сыграла в этом свою роль. Я, в отличие от родственников Саддама, никогда не угрожала его положению, ничего от него не требовала и не возлагала никаких ожиданий.

В последний период наших отношений Саддам становился все более подозрительным по отношению к своему окружению вообще и ко мне в частности. Мне постоянно приходилось подчеркивать, что я полностью принимаю все его решения. От этого зависела моя жизнь, так что в моей голове сразу раздавался тревожный звонок, стоило Саддаму у меня спросить:

— Кто ты, Пари? Что тебе нужно? Что тебе от меня нужно?

— Хабиби, я обычная женщина, ты же знаешь, — отвечала я. — Тебе лучше знать, кто я, потому что ты сделал меня такой, какая я есть.

Это Саддама сместило. Никто, кроме него, не знал, какой сильной женщиной я была и как хорошо мне удавалось прятать свой страх.

Еще Саддаму нравилось, как я разговариваю. Мой арабский безупречен, ведь я выросла в Багдаде. Но все же я говорю с легким акцентом, потому что мои родители были греками и дома мы всегда говорили на греческом языке. Этот легкий акцент завораживал Саддама.

— Поговори со мной еще немного! — просил он с восхищением.

Мне легко удавалось рассмешить Саддама и вовлечь в игру. Ему нравилось играть. Например, я могла подбежать к нему и броситься в объятия, чтобы он поднял меня на руки; или я убегала от него по саду, пока он не ловил меня и ронял на землю, и мы оба не начинали смеяться, как дети. Я могла столкнуть Саддама в бассейн и запустить мячиком ему в голову. Мне это было позволено. Это его забавляло и сместило. Когда другие,

услышав фразу «Я Саддам», падали на колени, я могла, не моргнув глазом, сказать:

— Ну и что, что ты Саддам. А я Парисула!

Это его тоже забавляло. Ему нравились женщины, способные дать отпор, особенно, когда они все равно принадлежали ему.

— Ты умрешь раньше меня, потому что до самой моей смерти ты не будешь принадлежать ни одному другому мужчине.

Такой человек, как Саддам, требовал от своего окружения полного подчинения. Но когда все вокруг ползают и пресмыкаются, тирану становится скучно, и ему хочется, чтобы его смешили и развлекали. Для Саддама я была таким развлечением. Я могла развеять его скуку и развеселить Саддама. Даже у самого слабого человека есть источник силы, о котором известно только ему одному. И он может продемонстрировать эту силу, если у него возникнет такая потребность.

С годами нас с Саддамом связывало все больше общих воспоминаний. С годами Саддам становился все более жестоким, а его методы убийства принимали все более изощренную форму. Но, несмотря на все эти ужасы, Саддам Хусейн оставался человеком, а всем людям нужен в их жизни островок спокойствия. И я давала спокойствие Саддаму. Наши жизни оказались неразрывно связаны судьбою с того рокового дня, когда мы встретились. Господи, как же я проклинаю тот день!

В 1984 году Саддам приказал выдавать специальные удостоверения личности, что-то вроде VIP-паспортов с подписью министра иностранных дел. Официально сообщалось, что решение о том, кому выдавать паспорта, принимает революционное правление, но на практике только Саддам решал, кому выдавать удостоверение, а кому нет. У меня оно было, и я не стеснялась им пользоваться.

Я много лет провела рядом с мужчинами, обладавшими большой властью, и, разумеется, многому у них научилась. Я держалась с ними уверенно, не отводила взгляда, когда со мной говорили, и вообще вела себя так, словно я неуязвима. Другими словами, я вела себя, как мужчины, поступала, как мужчины, говорила, как мужчины, и мне это сходило с рук. Несмотря на то, что я женщина. С тем, кто производит впечатление сильного человека, и обращаются соответственно.

Но когда я начала работать под началом Удея в Олимпийском комитете Ирака, мои манеры стали раздражать коллег. Когда я участвовала в совещании, проходила мимо сотрудников в коридоре или вступала в

беседу, люди смотрели на меня так, словно за моей спиной стоит Саддам Хусейн. Его незримое присутствие пугало людей гораздо больше, чем мое физическое.

Мне не нравилось такое обращение, и я решила сделать все, чтобы показать своим сослуживцам, что я обычный человек и настоящий профессионал. Я начала с того, что устроила чайную вечеринку для коллег. Потом начала привлекать их на свою сторону. Я терпеливо выслушивала их, и если они обращались ко мне со своими проблемами, я помогала их решать.

Это отнимало время и силы, но когда я что-то решила, то всегда иду до конца. Я радовалась каждый раз, когда мне удавалось кому-то помочь, потому что мне не хотелось, чтобы мои коллеги меня боялись.

Однажды, придя на работу, я увидела на своей двери листок с надписью «Бюро добрых услуг».

Я до смерти испугалась. Моей первой мыслью было, что мой кабинет отдали другому человеку. Что теперь со мной будет?

В кабинете мигал автоответчик, и когда я нажала кнопку, раздался требовательный голос Удея: «Перезвони мне».

Я так и сделала. Оказалось, что о моих попытках познакомиться с коллегами доложили Саддаму.

— Мы с отцом видим, — сказал Удей, — что у тебя для всех полно свободного времени. Для отца-то ты всегда находишь время — а для меня, твоего начальника, у тебя найдется время?

Я рассмеялась, отчасти от облегчения, что меня не выгнали с работы и что не случилось чего-то еще хуже,

отчасти от того, что Удей был в тот момент похож на обиженного ребенка.

Я ответила:

— Я помогаю тем, кто просит у меня помощи. А ты никогда меня ни о чем таком не просил, хабиби.

Тем, кто знает меня сегодня, трудно представить, какими огромными суммами я когда-то распоряжалась и сколько денег тратила. Когда у моих дочерей были вечеринки, я звонила в частный бутик, из которого мне присылали эксклюзивные наряды на выбор. Пригласить двести-триста гостей — это было в порядке вещей, особенно когда подросток мой сын Константинос. Для него я могла арендовать эксклюзивный клуб, потому что считала, что у моих детей все должно быть самое лучшее. Пока иракский народ терпел лишения в ходе войны, ближайшее окружение Саддама купалось в роскоши.

Мне хотелось дать своим детям все то, что было у меня самой в детстве. Я хорошо зарабатывала, а в годы Багдадской международной выставки у меня была неплохая комиссия за услуги. Это было абсурдное время, но люди — существа гибкие, способные приспособиться даже к абсурду. Люди привыкают как к крайней бедности, так и к чрезмерной роскоши. Даже ненормальная жизнь со временем становится нормой. Так устроены люди.

Позднее я часто просыпалась по утрам, поражаясь тому, что все еще жива. Даже это вошло у меня в привычку. Я до сих пор могу проснуться ночью от ужаса, обнаружить, что прошлое позади, и спросить:

— Саддам действительно мертв?

На Ближнем Востоке считается нормой, что мужчина дает деньги своей женщине, и на вилле, где встречались мы с Саддамом, стоял сейф, заполненный долларами, которыми я имела полное право пользоваться. Толстыми пачками денег. Иногда Саддам открывал сейф и поворачивался ко мне со словами:

— Ты не трогала свои деньги, шакра.

Это действительно было так. Я никогда не брала деньги из сейфа, и это раздражало Саддама.

— Не хочу, — прибавлял он, — чтобы ты просила денег у другого мужчины.

— Никогда, хабиби, — уверяла я Саддама, — ты же меня знаешь.

Для меня было важно самой обеспечивать себя. Я сама зарабатывала деньги и на них покупала своим детям все необходимое. Другое дело — подарки. Я благодарно принимала все, что Саддам соизволял мне подарить. Но не брать у него денег было моим принципом.

У Саддама была страсть к разрушению. В юности я для него была самым прекрасным цветком в саду, и он сорвал меня, чтобы уничтожить всю красоту. Это я была нужна ему, а не он мне.

Я хочу, чтобы те, кто называют меня «любовницей Саддама», знали об этом. Мне не нравятся эти слова. Они меня унижают. У меня всегда была семья и работа. Саддам не был всем в моей жизни. Я могла бы брать у него деньги, но я этого не делала. Помимо Саддама, у меня была и своя жизнь, несмотря на то, что в Ираке все мы были солдатами Хусейна.

Женщине следует знать, как мыслит ее мужчина. Ей нужно держать глаза и уши открытыми. Всегда знать, о чем он думает, чего хочет, что планирует. Разные мужчины мыслят по-разному, но хотя бы своего мужчину женщина должна знать как свои пять пальцев. В течение всех лет, что я провела рядом с Саддамом, я училась его понимать. Если Саддам приходил ко мне взбешенным, я не спрашивала, что случилось, а выжидала, когда буря стихнет.

Бывали вечера, когда мы просто сидели рядом и смотрели на реку, наслаждаясь тишиной и покоем. Со мной Саддам отдыхал от своих жен, от своих сыновей, дочерей, врагов, своих битв и конфликтов — всего того, что омрачало его жизнь.

Бывали вечера, когда я не произносила ни слова, давая Саддаму отдохнуть. У него было достаточно проблем и без меня. Со мной он мог быть самым собой. Хлопать дверьми в гнев или класть голову мне на колени. Я не задавала вопросов. Разве что спрашивала, не хочет ли он выпить виски.

После ужина, когда буря стихала, я могла спросить у Саддама, что произошло. И он рассказывал мне, если у

него было такое желание. Умная женщина знает, что не стоит досаждать голодному разгневанному мужчине расспросами, сначала его нужно накормить. Умная женщина заботится о мужчине, как о ребенке, потому что в глубине души все мужчины — дети, особенно когда приходят домой голодные и обиженные. Умная женщина умеет ждать, и мне, чтобы выжить рядом с Саддамом Хусейном, быстро пришлось поумнеть.

Многому я научилась у мамы. Это она объяснила мне, как важно для женщины умение ждать. Иногда ждать приходится очень долго. Но момент, которого ты ждешь, рано или поздно наступит. В моем случае умение ждать избавляло меня от лишнего риска.

После смерти Саддама сразу появилось много женщин, желавших рассказать о своих романах с диктатором. Узнав об этом, я рассмеялась. Саддам никогда не интересовался такими женщинами. Они гордились своей связью с иракским президентом. Я никогда этим не гордилась, потому что Саддам сломал мне жизнь.

Саддаму Хусейну нравилась охота. Охотились, конечно, мужчины, но женщинам дозволялось сопровождать их и участвовать в празднике по окончании охоты. Саддаму нравилась еда, приготовленная на свежем воздухе. К мясу или рыбе на гриле он предпочитал розовое вино, обычно португальское, или американский виски. И всегда курил кубинские сигары.

По меньшей мере раз в месяц Саддам устраивал охоту, которая скорее напоминала королевское сафари с расписными шатрами и роскошными пирами. Участвовать в

охоте Саддама было все равно, что жить среди дикой природы в элегантной комнате отеля с прислугой и поварами. Президент и его сыновья ни в чем не знали нужды.

Фазан, у которого нежное мясо, считался отличной добычей, но самым достойным трофеем считалась газель. Весь цвет иракского высшего общества собирался на такую охоту, неизменно заканчивающуюся пиром. В этом была своя символика, потому что газель — постоянный образ в арабской поэзии. Глаза газели, бездонные как колодец, часто сравнивают с женскими. Даже кричит газель почти так же, как человек, и в сказках говорится, что в момент смерти она плачет.

Клянусь, это правда. Я сама видела слезы в глазах бедного животного и не могла сдержать рыданий.

Саддама это только позабавило. Она рыдает над убитым животным? Саддам расхохотался, и в тот момент я его ненавидела. Иногда он злоупотреблял виски, и алкоголь затуманивал ему мозг. Разумеется, я не могла ему этого сказать. Утерев слезы, я притворно смеялась со всеми, но сердце мое переполняла ненависть.

После того раза к мясу газели я больше не прикасалась. Это раздражало Саддама. Охота была одним из его любимых развлечений. На охоту собирались самые богатые люди Ирака, чтобы позабавиться страданиями бедных животных и полакомится убитой дичью, среди которой была не только газель. Когда Саддам не видел, я старалась есть что-нибудь другое. И каждый раз после охоты Саддам спрашивал меня:

— Ты ела газель?

— Да, — кивала я.

— Наверняка совсем немного. Подожди, сейчас я положу тебе хороший кусок.

— Нет, я сыта!

Это стало нашей новой игрой. Отказываясь от газели, я провоцировала Саддама. Злоупотребляя виски, он провоцировал меня, так как отлично знал, что мне не нравится, когда он напивается. Так он демонстрировал мне, что ему наплевать на мои чувства. Я же притворялась, что подчиняюсь любому его желанию.

Случалось, что я брала с собой на пикник детей. Собак мы оставляли дома, поскольку Удей не желал видеть никаких других собак с тех пор, как его собственная умерла. Иногда мы брали собачку, но оставляли ее в машине.

Однажды кто-то из детей случайно открыл дверцу и выпустил собаку. Константиносу тогда было около семи лет. Он бросился вслед за собакой с криками:

— Вернись! Вернись!

В этот момент мимо проходил Саддам Хусейн. Он застыл на месте. Посмотрел на меня, потом на своего сына. В глазах было любопытство и теплота, и этот короткий миг очень много для меня значил.

— Тебе нравится охотиться? — спросил он у Константиноса, остановив его, и протянул ему ружье.

Константинос взял ружье и кивнул. Поблагодарив за подарок, он подбежал ко мне.

Охота была обычным развлечением в семье Хусейнов. Мальчиков с раннего детства учили обращаться с оружием. Я никогда не забуду охоту, когда Мустафу, пятилетнего сына Куся, заставили в упор стрелять в

телохранителей его отца. У Кусея было пять телохранителей, и он приказал им увертываться от выстрелов сына. Кусей с друзьями покатывался со смеху, пока маленький Туфа, как все называли Мустафу, делал выстрел за выстрелом. У охранников не было другого выхода, как прыгать из стороны в сторону, подобно обезьянам, чтобы не попасть под пули.

Удей, старший сын Саддама, изнасиловал мою дочь. Когда Лиза рассказала мне об этом, я упала перед ней на колени и обняла ее как ребенка, кем она тогда и была.

— Что мне сделать? Скажи, что мне сделать? Убить его? Ты хочешь, чтобы я убила его? Лиза, скажи мне!

Лиза молчала. Несколько недель она просидела на стуле, не произнося ни слова. Она отказывалась ходить в школу. Я все время обнимала и целовала ее, желая стереть следы жестоких рук Удея с ее тела.

Рыдания без слез разрывают душу на части. Вот почему мне так хотелось, чтобы Лиза заплакала, чтобы вместе со слезами выплакала свое горе. Но моя дочь не плакала. И не говорила. Я ужасалась при мысли, что Удей с ней сотворил. Каждый день я массировала тело моей девочки и говорила ей, что она прекрасна и чиста, что ей нечего стыдиться. Я сидела на полу и, обнимая Лизу, убаюкивала ее как младенца.

— Ты еще полюбишь! Ты выйдешь замуж за любимого человека! Все будет хорошо! Ты все забудешь! — говорила я, целуя дочь.

Что еще мне оставалось делать? Лизе было шестнадцать лет, и я чувствовала, что история повторяется. В свое время у Саддама были свои люди даже в клубе, где, как считали мои родители, я была в безопасности. У Удея шпионы были повсюду — даже в женских школах и эксклюзивных клубах. Одним из его любимых развлечений было выстроить девушек в ряд и указать на понравившуюся пальцем. От его подчиненных требовалось доставлять минимум десять девушек в день. Он мог получить любую, и никто не осмеливался противиться приказам без риска для жизни.

— Десять девушек в день, чтобы мне было из кого выбрать, или вы покойники, — говорил он подчиненным.

Многие умирали. У Удея, как и его отца, всегда при себе был пистолет. На смену убитым приходили новые, и они уже были готовы отдать Удею собственную сестру или дочь, если он того требовал. Никому не хочется умирать.

В истории с Лизой я видела повторение моей собственной истории. Но если я была влюблена в Саддама, и он обращался со мной нежно, а всё, что меня тогда заботило, это как скрыть наш роман от семьи, то Лизу жестоко изнасиловали. У нее было сильное кровотечение, и я была вынуждена отправить ее в больницу. По возвращении домой она только молчала. День за днем.

Я наняла ей сиделку. Каждый день я отправлялась на работу, где не подавала виду, что у меня семейные проблемы, — но на сердце у меня было тяжело. Проблема заключалась не только в том, что Удей был сыном Сад-

дама, но и в том, что он был моим начальником. Удей привык шутить со мной, и, по его мнению, наши отношения оставались прежними. Я же стала его игнорировать. Я не здоровалась с ним, не разговаривала. Для меня он не существовал. Однажды Удей втолкнул меня в кабинет, закрыл двери и вскричал:

— Скажи же что-нибудь!

Впервые за день я подняла глаза на Удея и увидела перед собой мучителя моего дочери.

— Нет, я не стану с тобой разговаривать. Ты не человек. Ты для меня не существуешь. Я разговариваю только с людьми.

Сказав это, я распахнула дверь и вышла. Вzbешенный Удей бросился за мной. Но я знала, что мне делать.

— Я расскажу о том, что произошло, твоему отцу, — сказала я.

Но я этого не сделала. Отцы и сыновья — это одно целое. Расскажи я Саддаму, что случилось, и он сделал бы из Удея удавку, чтобы ею меня задушить. Люди, негодные Саддаму и его родне, быстро исчезали. Что тогда будет с Лизой и моей второй дочерью, Алики? Кто позаботится об их брате Константиносе?

Удей считал себя особенным, потому что его отца звали Саддам Хусейн. И поэтому он требовал особенного отношения к себе от меня и от других людей из своего окружения. Мне стоило крепко подумать. О месте не могло быть речи: слишком большой властью обладал Удей. Ему ничего не стоило избавиться от меня и моих детей. И даже реши Саддам наказать своего сына, это все равно вышло бы мне боком. Вот почему я нико-

му не жаловалась и продолжала утешать дочь. Я была всего лишь женщиной в мужском мире, а женщина должна всегда думать о последствиях своих поступков. Мсть была бы непродуманным шагом. В арабском мире всегда так: даже если ошибку совершает мужчина, за нее отвечает всегда женщина. Именно ее имя будет опозорено. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте.

Но с другой стороны, в любой стране со строгими моральными устоями всегда существует тайная жизнь, где все запретное дозволено. И Ирак в этом плане не был исключением. Особенно ярко двойная мораль проявляется в обществе, где слишком велик разрыв между очень бедными и очень богатыми. В подпольном Ираке можно было встретить все: секс, адюльтер, алкоголь, дорогую одежду. Неудивительно, что богачи считали себя особенными и верили, что им все позволено. На самом деле в них нет ничего особенного. Любой другой человек на их месте поступил бы точно так же. Просто для бедных существует больше правил, чем для богатых.

Когда в стране происходит революция, на смену старой элите приходит новая, со своими правилами и привилегиями.

Избыток власти и денег портит человека. Но однажды справедливость восторжествует. Однажды мы все умрем и предстанем пред очами Господа нашего.

Вечера Удей проводил в ночных клубах. С собой он брал охрану, брата Кусея, пару подруг и девушек. Часто

Удей приказывал мне сопровождать его, хотя такое времяпровождение было мне не по вкусу.

Куда бы мы ни пошли, мужчины боялись поднять на меня глаза. Один заинтересованный взгляд мог им стоить жизни. При этом смерть могла быть как внезапной, так и долгой и мучительной. Чаше всего я сидела за столом с коктейлем и наблюдала за тем, что творил Удей.

Разговаривать с ним для меня было пыткой, поэтому я часто общалась с женщинами из его компании. Спрашивала, как они оказались в клубе. Кого-то из них выкрали из семьи. Кого-то продал Удею собственный муж. Кого-то — брат, которому угрожали. Другие согласились прийти, потому что хотели побывать в ночном клубе. Кто знает, что с ними потом случилось...

Одних женщин мне было жаль. От других исходил такой холод, что я невольно решила, что они сами выбрали себе такую жизнь, что они хотели стать проститутками и это для них просто работа. И мне казалось, что такие женщины меньше страдают от притязаний Удея. Но потом мое мнение изменилось. Я поняла, что на это не согласилась бы добровольно ни одна женщина. Их всех принуждали. Бедняжки пошли на это, чтобы выжить. И, улыбаясь, внутренне сгорали от стыда.

После изнасилования Лизы я стала еще осторожнее. Я не могла допустить, чтобы мои дочери оказались в ночных клубах во власти Удея и Куся.

Вечера, заканчивавшиеся в ночном клубе, всегда начинались с обычной вечеринки, например, на роскошной яхте, с неизменным репертуаром: музыка, карты, напитки, разговоры, танцы. И Кусей был немного луч-

ше своего брата Удея, если их можно сравнивать. Все в этом самом кровавом из миров относительно. Иногда мы с Кусеем разговаривали, и однажды я упомянула о том, что Удей сделал с моей дочерью.

— Я убью этого мерзавца! — сказал Кусей очень эмоционально.

— Да, — произнесла я спокойно. — Сделай это!

Самым жестоким в шайке Удея был Абдул Хамид. Настолько жестоким, что даже самого Удея это порой шокировало. Не знаю подробностей, но я слышала, что этот мужчина снял, как он занимается сексом со своей женой, и выложил видеозапись в Интернете. Сделать такое с женщиной — это самое ужасное, что только можно представить, а то, что Абдул Хамид так обошелся с собственной женой, вообще уму непостижимо. Я однажды имела несчастье наблюдать, как он, зажав член в руке, носится по комнате, как сумасшедший. В другой раз я видела, как он во время вечеринки подошел к прилично одетой женщине, опрокинул ее на стол и изнасиловал на глазах других посетителей.

Сама я была под защитой Саддама, но лучше бы мои глаза этого не видели. До сих пор не понимаю, как человек может быть способен на такую жестокость по отношению к женщине. У всех этих мужчин были матери и сестры. И тем не менее Абдул Хамид и ему подобные мучили беззащитных женщин, издевались над ними на глазах у других. И никто даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь несчастным. Никто не сосчитал, сколько женщин бесследно исчезло в те годы.

Удей был хитрым и жестоким. Эти качества он унаследовал от своего отца. Поскольку Лиза была моей дочерью, Удей добрался до нее, используя ее работу. Удей знал, что, если бы я заподозрила, что он замышляет, то тут же положила бы этому конец, просто пожаловавшись Саддаму.

В то время Лиза подрабатывала в ателье, где шили одежду на заказ для самых богатых женщин в Багдаде, например, Саджиды, жены Саддама. Среди клиенток ателье были принцессы из Саудовской Аравии и жены богачей из Кувейта. В задачи Лизы входило демонстрировать модели женщинам, которые потом заказывали себе наряды ручной работы. Я даже не подозревала, что эта работа может оказаться опасной. В ателье работали одни женщины, клиентками тоже были женщины. Поразительно, что я, всегда просчитывавшая все риски, проглядела такую опасность. Особенно учитывая, как я сама сглупила в молодости. Думаю, причина была в том, что я даже в зрелом возрасте оставалась наивной и доверчивой женщиной, желавшей людям добра.

Однажды мою дочь вместе с другими работницами ателье пригласили на прогулку по реке. Мы с дочерью не знали, что на яхте будет Удей. Он угостил Лизу напитком, в который было что-то подмешано. Лиза помнила только, как Удей втащил ее в каюту и закрыл дверь, дальше — полная темнота.

Очнулась она в постели вся в крови. От боли девочка не могла пошевелиться. Кто-то из прислуги нашел ее и отправил к частному врачу Хусейна.

В молодости не замечаешь того, что все в жизни повторяется. Меня в свое время услали из страны, но когда Лиза вернулась из больницы и отказывалась говорить, мне нечего было ей предложить. Я могла только попытаться пробудить в дочери желание жить. День за днем я умоляла ее найти в себе силы к жизни.

— Мы гордые женщины, — говорила я. — Падая, мы встаем и идем дальше. Вставай, доченька! Вставай и иди! Нет ничего проще, чем изнасиловать женщину. Лиза, покажи ему, что ты сильнее его. Женщина — это залог жизни в этом мире. Вставай, Лиза, покажи, что ты гордишься тем, что ты женщина. Не умирай! Живи, доченька, живи!

Я должна была научить свою дочь тому, что женщины не сдаются. Сочувствие переполняло меня, но я должна была воспитать гордость в дочери, а не жалость к самой себе. И я должна была показать это на собственном примере. Что еще мне оставалось делать? Оставить ее умирать от отчаяния?

Но дальше случилось самое страшное. Удей просто заболел Лизой. Она стала его наваждением. Не верю, что он был способен на любовь. Все-таки Удей был сыном своего отца. Но, опозорив Лизу, он не забыл об ее существовании, как было до этого с другими женщинами. Естественно, моя дочь была не единственной жертвой Удея. Точно так же от его рук пострадала дочь министра экономики Тарика Хамида и дочери других министров. Тарик Хамид раньше был телохранителем Саддама, и они давно знали друг друга, вот почему он решился сказать Саддаму, что случилось с его дочерью.

Саддам вежливо выслушал его рассказ, а через два дня министр скончался. По официальной версии, у него был рак.

Но все мы знали правду. И таких историй было много.

Насиловать девочек, особенно из хороших семей, было излюбленным занятием Удея. Часто после этого девочек убивали. Иногда возвращали семье с обритой головой, а это символ позора.

Но у Удея были также девушки, над которыми он измывался, пока они ему не надоедали. Их он иногда выдавал замуж, и только представьте, каково для восточной женщины выйти замуж, не будучи девственной. Все знали, кому принадлежали раньше эти женщины, и обращались с ними ужасно.

Когда подружка надоедала Удею, он находил для нее мужа, предлагая мужчинам деньги или подарки. Или угрожал расправой, если мужчин подарки не привлекали.

Так поступил он с подругой моих дочерей. Иногда он оплачивал свадьбу, приглашал гостей, в том числе моих дочерей, и сам участвовал в празднестве, преувеличенно любезно обращаясь с новобрачными.

Через некоторое время подруга дочерей прибежала к нам домой и в ужасе сообщила, что Удей собирается ее убить. Я с недоверием сказала:

— Но зачем ему убивать тебя, ведь он устроил тебе такую роскошную свадьбу? Радуйся, что с тобой не случилось того же, что с другими.

Подруга дочерей буквально тряслась от ужаса. Она прошептала, что знает об Удее кое-что такое, о чем ни-

кому нельзя знать. Я все еще не верила, что ей нужно опасаться за свою жизнь, — но ее слова меня встревожили. Если она не поняла, что роскошная свадьба была платой за молчание, то ей действительно может угрожать опасность.

Неделей позже подруга дочерей была мертва. Нам сообщили, что она погибла в результате автомобильной аварии. Удей пришел к нам и сказал:

— Жаль. Но это ради блага ее семьи.

Я промолчала, позволяя ему говорить. В Удее было что-то от испорченного ребенка, и он долго использовал меня в качестве матери, секретаря и доверенного лица одновременно, и не в моих силах было пытаться его изменить. Как и его отец, Удей обожал предметы роскоши, которыми обставлял свой дом. У него было несколько дворцов, и иногда он приглашал меня в один из них, где передо мной расстилался целый восточный базар, и говорил:

— Что мне выбрать, Пари? Посоветуй.

Но на этот раз ему не нужны были мои советы.

— Никаких соболезнований семье, — приказал он. — И не ходите на похороны.

Это меня обеспокоило.

— Но почему? — спросила я. — Она была подругой моих дочерей.

— Молчи! Ничего не спрашивай!

Как он и велел, мы не присутствовали на похоронах. Муж, женившийся на девушке из-за денег, особо не переживал. С тех пор ее имя никто не упоминал.

Но с Лизой было не так. Удей решил сделать ее своей собственностью, как в свое время поступил со мной его отец.

В то время я решила продать свой дом и переехать в другой — побольше. Хозяина звали Башар Шибли аль-Айасами, он был сыном одного из основателей партии «Баас» и другом моего отца в школьные годы. Отец Башара часто говорил, что у моего отца волшебные руки, потому что все, к чему он прикасался, превращалось в золото.

Я договорилась с Башаром, что буду арендовать дом два месяца, пока не продам свой. Я с детьми переехала, и новый дом нам понравился. В старом доме тоже было неплохо, но новый был больше и удобнее, с красивым садом вокруг. К тому же дом Башара находился в Мансуре — элитном районе Багдада, намного престижнее того, где мы прежде жили.

Как обычно, я сообщила Саддаму и его сыновьям минимум информации, сказав лишь, что решила сменить жилье, — но не прошло и нескольких дней, как Удей появился в моем новом доме. Оглядевшись по сторонам, он начал нервно вышагивать по комнате.

— У нас был семейный совет, — объявил он наконец. — Ты должна вернуться обратно.

Я опешила. Удей серьезно говорит?

— Почему? — спросила я.

— Ты что, не понимаешь? Это дом Башара Шибли, а твоя дочь Лиза принадлежит мне. Она не будет жить в доме этого мужчины.

Мне очень хотелось купить этот дом, и я уже оплатила аренду на два месяца вперед, так что слова Удея сильно меня расстроили.

— Если не выедешь в течение трех дней, я подожгу дом, — пригрозил он.

Что мне было делать? Башар понял мою ситуацию, соседям же мы сказали, что видели в доме привидение.

Кастрюли кипели на холодной плите — так мы объяснили поспешное возвращение в прежний дом. Нужно понимать, что рядом с Саддамом жизнь не могла быть нормальной. Я все время боролась за выживание. У окружавших меня мужчин руки были обагрены кровью. Случись что со мной, мои дети не выжили бы. Я всегда была готова к борьбе. Мне все время приходилось преодолевать новые препятствия. Нет, я не закрывала глаза на то, что происходит, — я просто хотела жить.

О том, что случилось, я рассказала Саддаму только спустя полгода. Иногда мне казалось, что я сойду с ума, если не расскажу ему, что Лизе пришлось вынести по вине его сына. Много раз я порывалась высказать ему все в лицо. И, как того и следовало ожидать, однажды я не сдержалась и все ему рассказала, и в тот момент, как слова сорвались у меня с языка, я поняла, что мне придется заплатить за эту вольность. Рано или поздно. Так или иначе.

Я была в бешенстве. Уже не помню из-за чего. В приступе гнева я выкрикнула:

— Это все ты и твой сын! Вы абсолютно одинаковые!

Саддам застыл. Затем всмотрелся в меня и заставил обо всем рассказать, и спустя нескольких часов Удей был за решеткой. Без суда и следствия. Одного слова Саддама было достаточно, чтобы его старший сын попал в тюрьму из-за меня, и я содрогалась от одной мысли о том, какой будет месть Удея.

Разумеется, очень скоро его выпустили. Шло время, но ничего не происходило. Тревога моя нарастала. Я знала, что Удей мне этого не простит. Тем не менее ему удалось напасть неожиданно.

Я вернулась домой из магазина и вошла в дом. На первом этаже было много комнат, включая гостиную, где я и дети проводили много времени, террасу с выходящими в сад окнами, столовую и салон. Еще из гаража я увидела машину Удея с шофером, но это не удивило меня: Удей и Кусей были частыми гостями в моем доме.

В кухне было пусто. И вообще в доме было ненормально тихо. Я напряглась. Что-то явно было не так.

Войдя в гостиную, я увидела телохранителей Удея. Они согнали в угол моих детей и слуг. Я хорошо помню страх в их глазах. Руки с покупками невольно опустились. Заметив меня, телохранители Удея приказали детям и слугам не двигаться.

Крупные сильные мужчины вывели меня в салон и закрыли дверь, сказав, что в отношении меня в их действиях нет ничего личного. Затем они достали свои электрические дубинки и начали меня избивать. Я думала, что умру. На теле живого места не осталось. Я лежала на полу, а они продолжали меня избивать. Наверно, они продолжали меня бить, даже когда я потеряла сознание, но я этого так и не узнала.

Я знаю только, что кто-то позвонил моей подруге, а она вызывала врача. У меня все тело было в синяках, и прошло несколько месяцев, прежде чем я пришла в себя.

Человеческое тело способно вынести многое. Но душа — нет. Посмотрите на меня. Я живу. Я улыбаюсь. Но воспоминания омрачают мне жизнь. От этих ужасных воспоминаний все тело цепенеет, и мне становится

трудно дышать. Мне хочется забыть тот день. Забыть страх смерти. Забыть, что перед тем, как потерять сознание, я подумала: «Теперь они примутся за детей».

Я не плачу. Мои глаза сухие, когда я рассказываю это, — но моя голова раскалывается от боли, когда я вспоминаю то, что мне хочется забыть.

Кусей узнал о том, что совершил Удей, и долго с ним не разговаривал. Саддаму не нравилось, что его сыновья не ладят из-за женщины, и он приказал Кусею помириться с братом.

Я Саддаму ничего не сказала о побоях. Разумеется, он спрашивал. Он же видел синяки на моем теле. И наверняка знал, что явилось их причиной. И наверно знал не он один. Сначала я сказала, что ударилась о дверь. Саддам не поверил.

— Попала в аварию, — солгала я, не зная, что еще придумать. — Я не хотела тебе говорить, потому что машина была твоим подарком.

Я не могла сказать правду. Если бы я пожаловалась еще раз, Удей не удовлетворился бы одними побоями. В следующий раз он убил бы меня.

И я заплатила автомеханикам, чтобы те испортили мою машину. Если Саддам и знал, что я солгала, то ему известна была и причина этой лжи. И он не мог не отметить, как виртуозно я солгала, в очередной раз доказав свою силу.

Я до сих пор поражаюсь тому, что Удей смог заставить меня расплюх. Я же знала, что он мне отомстит. Неужели я надеялась, что он оставит меня в покое после

того, что я сделала? Удей был человеком без стыда и совести.

Матери — как земля. Они дарят жизнь. Они дают тепло. Но таким мужчинам, как Удей, на это наплевать. В нем было только зло. Ему доставляли удовольствие страдания беззащитных людей.

Арабская традиция семьи не предполагает любви между супругами. Основанием для брака являются власть, родственные связи, деньги, но никак не любовь. Поэтому если восточный мужчина и влюбляется, то не в свою жену, а в любовницу. Саддам в этом смысле не был исключением.

Я не принадлежала к семье Саддама Хусейна, но иногда меня приглашали на семейные праздники в качестве друга семьи. Никто не задавал лишних вопросов.

Но я никогда не общалась с женами или дочерьми Хусейна наедине. Мы никогда не смотрели вместе телевизор и не ходили за покупками. Но во время Рамадана меня приглашали к ним в дом вместе с другими гостями. На этих празднествах обычно подавали традиционную иракскую еду, хороший чай и сладости. Все ели и общались.

Разумеется, Саджида знала, кто я такая. Она даже начала высветлять волосы, чтобы быть похожей на меня, и копировать мой макияж. Это было довольно глупо с ее стороны, потому что она и без того была очень привлекательной женщиной. Саджида и ее дочери не входили в мой круг общения, и это, возможно, было к лучшему.

С меня хватало Саддама с его сыновьями. Между матерью и ее дочерьми существует особая связь. Точно так же, как существует она между отцом и сыновьями. Так получилось, что я больше общалась с мужчинами из клана Саддама, чем с женщинами, — о женщинах я почти ничего не знала.

Молодым мужчинам из клана Хусейна нравилось приходить ко мне домой. Я не могла им это запретить, и кое-кто из них даже был мне симпатичен.

Но все равно эти визиты меня пугали. Если что-то произойдет в моем доме, это будет моей виной, даже незначительное происшествие. Я знала, что, случись что, мне придется заплатить за это своей жизнью.

Кусей, сын Саддама, обожал мою кухню. Ему нравилось сидеть там и болтать. Он мог заявиться ко мне посреди ночи, даже без охраны или Харута — своего постоянного спутника, и сказать:

— Пари, свари мне пару яиц!

Если бы Кусея во время такого визита застрелили через окно, или он обжегся бы о плиту, виновата была бы я. Даже если бы на его машину напали на пути к моему дому или от него. Сегодня родственники Кусея видят во мне друга, но завтра все может легко измениться.

Удей и шагу не ступал без охраны. Но он много пил, забывая об осторожности. Однажды он приехал ко мне в час ночи. Дело было летом, и он хотел отвезти меня с дочерьми на реку и угостить напитками в плавучем кафе, где подавали лучшие в Багдаде фруктовые коктейли. Ответить отказом Удею значило бы навлечь на себя его

гнев, и мы согласились. Затем он хотел проводить нас домой без телохранителей. Я в испуге сказала:

— Пожалуйста, не поступай так со мной! Ты же знаешь, что твой отец рассердится, если узнает.

— С тобой, Пари, я чувствую себя в безопасности, — заявил Удей.

Он, может, и правда чувствовал себя в безопасности, но я — точно нет. Сыновьям Саддама в моем доме было комфортнее, чем мне самой.

Я пыталась жить нормальной жизнью, но это было невозможно. Другие люди видели фотографии убийц только в газетах, я же видела Удея и Куся в своей кухне почти каждый день.

В другой раз сводный брат Саджиды попросил, чтобы мой повар Юсуф приготовил для него традиционные арабские блюда. Я ответила согласием, но в глубине души мне было страшно. Этот мужчина тоже входил в клан Саддама Хусейна, и мне следовало проявить осторожность.

— Ингредиенты будут из дворца и только лучшего качества, — заверила я. — Даже вода. Такой наказ я дала повару.

Для меня главным было не допустить подозрений в том, что еда в моем доме может быть отравлена.

Вечер получился приятным. Сводный брат Саджиды прибыл со своими охранниками, еда была очень вкусной, и гости много ели. Пока слуги убирали со стола, мы пили в саду арабский кофе, сваренный на открытом огне. Родственник Саджиды был доволен оказанным ему приемом.

Поздно вечером, после того как гости удалились и дети уже заснули, я прошла по дому и погасила лампы. Когда я тоже уже собиралась лечь спать, вдруг раздался звук дверного звонка.

В Багдаде это был плохой знак. Такой поздний визит мог обещать только одно — проблемы. Моей первой

мыслью было, что сводный брат Саджиды отравился. Что, если он уже умер?! Подбежавшему слуге я крикнула, чтобы мне принесли плащ. Затем дрожащими руками открыла дверь и увидела телохранителя.

— Брат Саджиды в больнице, — сообщил он.

Я упала в обморок. Просто рухнула на пол без сознания в собственном доме. И очнулась в той же больнице, куда ранее отвезли брата Саджиды. Один из охранников сообщил мне, что их босса уже отпустили домой:

— Он просто переел, Пари. Твоя еда оказалась слишком вкусной.

Когда я вернулась домой, дети засыпали меня вопросами. Кто меня забрал и куда? Позже я могла посмеяться над этим происшествием, но в ту ночь, когда это случилось, мне было не до смеха.

Мою жизнь нельзя было назвать нормальной. Все время приходилось держать рот на замке. Никому нельзя было доверять. Я не имела права жаловаться на жизнь и ни с кем не могла поделиться своими проблемами. Мне было очень одиноко.

У Саджиды был еще и родной брат по имени Аднан Хейраллах Тульфах; Саддам назначил его министром внутренних дел в своем правительстве, поскольку он являлся не только его шурином, но и двоюродным братом. Отец Саджиды и Аднана был дядей Саддама по матери.

Аднан был одним из самых приятных людей в клане Хусейнов. Он был не таким кровожадным и аморальным, как другие его родственники. Конечно, ангелом он тоже не был, но по сравнению с другими его хотя

бы можно было называть человеком. Саджиде он очень нравился, и я тоже ему симпатизировала. Аднан часто приходил ко мне в гости.

Но нравился он не только мне и Саджиде. Его боготворили иракские солдаты. Растущая популярность Аднана тревожила Саддама. Мне это известно, потому что Саддам не раз спрашивал меня, что такого находят в Аднана люди, что он всем нравится?

В конце концов поползли слухи, что Аднан сменит Саддама на посту президента Ирака. Народ питал надежды на то, что с новым лидером будущее страны изменится к лучшему, но я сознавала, чем грозят Аднану эти слухи.

Исчезновение Аднана с политической карты было теперь только вопросом времени. Я видела, что все к этому идет. Саддам не спал по ночам. Намекал, что Аднан что-то против него замышляет. Несмотря на близкое родство, Саддам видел в Аднана угрозу. Саддам для того ставил на важные посты родственников, чтобы контролировать их, а не для того, чтобы бороться с ними за власть.

Каждый год Саддам со своей женой Саджидой ездили на север Ирака, в горы недалеко от Дахука. Там у них был роскошный особняк, больше похожий на дворец, с фантастическим садом. Особняк был построен прямо на скале, и добраться до него можно было только по узкой крутой горной тропе. Я не раз там бывала. Мы с Саддамом часто проводили там выходные и даже отпуск.

У Саддама было много роскошных домов. Думаю, все их нельзя было пересчитать по пальцам. Все дома хорошо охранялись, и никто, кроме личных телохранителей Саддама, не знал, в каком именно из особняков он сейчас на-

ходится. Некоторые дома выглядели абсолютно обычно, даже были неказистыми снаружи, но внутри были оставлены и отделаны с безумной роскошью. Саддам приглашал дизайнеров со всего мира, даже из Марокко и Японии.

Слугам было приказано все время быть готовыми к тому, что в любой момент Саддам может войти в дверь. Он никогда не предупреждал заранее о своем приезде. И если слуги забывали об этом, то лишались головы.

К тому времени, а шел 1988 год, отношения Саддама и Саджиды ухудшились. Родные решили поженить их, когда оба были еще детьми, но проблема была не в этом. И даже Самира, вторая жена Саддама, была тут ни при чем. Они поженились в 1986 году, но Самира никогда не играла в жизни Саддама особой роли. Так что дело, скорее всего, было в личных разногласиях.

Брак Саддама и Саджиды держался на традициях, делях и клановой системе. Они и не надеялись, что что-то может измениться в их отношениях, но все равно проводили отпуск вместе, чтобы хоть как-то исправить ситуацию.

Аднан умел управлять вертолетом, и Саджида предложила ему отвезти их с Саддамом в домик в горах. Остальные члены семьи отправились на машине.

Все шло хорошо. Вертолет долетел нормально, слуги накрыли стол, и все с удовольствием пообедали. Но после обеда Аднан внезапно объявил, что ему нужно вернуться в Багдад.

Сестра запротестовала:

— Останься, Аднан! У меня плохое предчувствие.

Даже Саддам сказал, что он может не ехать, но Аднан заявил:

— Долг зовет. Не бойся, Саджида. Я уверен в своем вертолете.

Проводив Аднана, Саджида села читать Коран и случайно открыла его на тексте, который читают, когда кто-то умер.

Саджида хорошо знала своего мужа и подозревала, что тот замышляет избавиться от Аднана. Возможно, она даже знала, каким образом. В любом случае Саджида не могла ни рассказать об этом брату, ни помешать Саддаму осуществить задуманное.

Саджида весь вечер читала Коран. В три часа ночи в дверь постучал слуга. Войдя, он едва слышно прошептал:

— Милостивая госпожа, ваш брат погиб.¹

Саджида оторвалась от Корана.

— Я знаю, — сказала она. — Знаю.

Мне рассказала об этом экономка, работавшая в доме Саддама в горах. Мы с ней подружились за то время, что я гостила там, и часто говорили по душам. Женщина эта была армянкой, и ей было известно о том, что раньше я была замужем за армянином, так что у нас было что-то общее.

Позднее я услышала и версию Саддама. Такое часто случалось. Я не входила в семейный круг Саддама, и он мог обсуждать со мной семью, ничем не рискуя. У Саддама все время были проблемы со своими многочис-

¹ Официальное заключение гласило, что вертолет Аднана попал в песчаную бурю. Однако существует версия, что по приказу Саддама в вертолет была заложена взрывчатка.

ленными родственниками. Я догадывалась об этом, но не задавала вопросов. Слишком велик был риск его разгневать. Но в случае с Аднаном все было по-другому. Я хорошо знала Саддама и сразу поняла, какую участь он готовит Аднану.

На следующий день после авиакатастрофы я оказалась в офисе Всеобщего союза иракских женщин. Все были в трауре. Люди вышли из дома в черной одежде, многие рыдали на улице. Солдаты скандировали: «Добрый человек покинул нас». Горе было всеобщим, но только в первые дни после трагедии. Потом о ней власти намеренно молчали, и имя Аднана больше не упоминалось. Таков был приказ Саддама. Память об Аднане должна была быть стерта.

Двумя годами позже дети Аднана, оставшиеся без отца, пришли ко мне в гости. Я как раз собиралась наряжать елку. Дети были в восторге, когда я разрешила им самим повесить на елку серпантин и конфеты.

— А вы умеете? — спросила я.

Дети заверили меня, что видели по телевизору, как надо наряжать елку, и что они знают про Деда Мороза и подарки. Я решила их подразнить, сказав:

— Но у вас же все есть. Чего вам еще желать?

Они сразу стали серьезными. Их отец был мертв, и он, как бы они того ни желали, уже не вернется. У меня мурашки побежали по коже, когда дети подняли на меня свои ясные глаза и сказали:

— Мы знаем, кто его убил.

Самира была второй женой Саддама Хусейна. Они поженились в 1986 году. Я хорошо помню, что Саддам рассказывал мне про свадьбу.

— Ты любишь Самиру? — спросила я.

Саддам фыркнул и сказал, что на такой глупый вопрос даже отвечать не будет.

— Или все дело в сексе? — настаивала я и в ответ услышала «нет».

Дальше расспрашивать я не решилась. В наших отношениях существовали границы, которые мне пересекать не позволялось. Я так и не узнала, что побудило Саддама взять в жены Самиру, но у меня нет никаких сомнений в том, что у Саддама был определенный умысел. На наших с ним отношениях его брак никак не отразился. Не важно, была у него одна жена или две, потому что я была для Саддама не просто партнером для секса. Таких женщин у него насчитывались сотни. С годами я все больше становилась для него чем-то вроде матери. Я хорошо знала правила игры и не пыталась их нарушить. Я не угрожала благополучию первой жены Саддама Саджиды, что радовало его сыновей. Саджида наслаждалась ролью первой леди страны, и новость о второй

жене ее не обрадовала. Самира не выказывала Саджиде подобающего уважения: она всячески пыталась потеснить Саджиду и самой занять первое место в жизни Саддама. За это сыновья Саддама ее возненавидели. Об этом мне тоже было известно, но я старалась держать язык за зубами. Наши с Саддамом отношения изменились с годами, но я так и не смогла забыть, что Саддам был моей первой любовью и что в начале наши отношения были нежными и романтическими. Думаю, Саддам тоже никогда этого не забывал. Одним своим видом я напоминала ему годы молодости, когда его руки еще не были обагрены кровью многих людей, и ему не приходилось решать множество политических проблем.

Возможно, причиной брака Саддама с Самирой тоже была власть. Самира, когда познакомилась с Саддамом, была замужем за директором авиакомпания «Иракские авиалинии», и у Саддама с ним было много конфликтов. Саддам не доверял директору и считал, что тот его обманывает. Он сам об этом не раз говорил. Однажды, когда директор был в отъезде, Саддам воспользовался его отсутствием и посетил принадлежащую государству авиакомпанию. Там он и познакомился с Самирой. Не думаю, что это было случайностью. В жизни Саддама вообще было мало случайностей. Но как бы то ни было, в скором времени муж Самиры трагически погиб в автомобильной аварии по пути на работу. А еще через пару месяцев Саддам и Самира поженились.

Вам может показаться странным, зачем я это рассказываю, — но я хочу подчеркнуть, что Саддам не был идеологом. Для него политика была лишь способом достиже-

ния единоличной власти. И на пути к своей цели он не гнушался убийствами своих противников. Иракскому народу не оставалось ничего иного, как принять этот факт. Для народа было важнее то, что президент провел электричество в отдаленные деревни, чем то, сколько человек он убил или за счет скольких семей обогатились его родственники. Саддам сам вырос в деревне. Его простонародное происхождение импонировало иракцам. Он хорошо знал свой народ, в этом была его сила.

Но его сыновья, Удей и Кусей, были из другого теста. Они даже не планировали использовать политическую силу во благо простых иракцев. Чувство ответственности за народ им было несвойственно. Как и моральные принципы. У Кусея характер был чуть мягче, чем у Удея и Саддама, но он старался во всем быть на них похожим, так что временами даже перегибал палку.

Нет, я никогда не испытывала ревности ни к Самире, ни к Саджиде, первой жене Саддама. Для меня ревность — это чувство, сопряженное с любовью. Ревность испытываешь, когда твой любимый встречает кого-то другого. Но я не любила Саддама, а он не любил меня, так что о ревности и речи не могло быть. Более того, Саддам отнял у меня любовь, разлучив с моим мужем Сиропом.

Иногда мне случается стоять перед зеркалом, умоляя Бога вернуть мне мою молодость. Я потеряла мои лучшие годы. Я сама вырыла себе могилу, в которой провела много лет, не видя света Божьего. Если кто и виноват в этом, то только я, но у меня не было никакого иного выбора.

В клубе «Мансур» в Багдаде работал официантом мужчина по имени Камиль Ханна. Его отец работал там поваром, и Саддаму нравилось, как он готовит. Саддам нанял Камиля своим телохранителем, а отца сделал своим личным поваром во дворце. Саддам считал, что, если отец будет готовить еду, а сын — пробовать ее перед подачей на стол, это предотвратит попытки отравления: отец не решится убить собственного сына.

Камиль Ханна был одним из немногих людей, к кому Саддам испытывал привязанность. Возможно, он доверял ему больше, чем другим, — но целиком и полностью Саддам не доверял никому. Камиль Ханна был в курсе всего, чем занимался Саддам, потому что сопровождал его постоянно.

Удей ненавидел Камиля. Отчасти из-за того, что Саддам ему симпатизировал, отчасти потому, что он был в курсе отношений Саддама и Самиры еще до того, как об этом сообщили Саджиде.

Удей утверждал, что именно Камиль поставлял Саддаму новых женщин и потом от них избавлялся, и знакомство Саддама с Самирой было его рук делом.

Не знаю, правда это или нет. Я знаю только, что от охранников Саддама требовалось держать рот на замке. Что бы они ни увидели или услышали, они под страхом смерти не могли никому рассказывать. Удею было прекрасно известно, что Камиль дал такую клятву, но дело касалось матери Удея, которая для него была дороже всего на свете.

Чтобы понять характер Удея, расскажу о его собственной свадьбе. Планируя свадебное торжество, Удей пригласил множество высокопоставленных гостей, но вместо традиционных подарков жениху и невесте он потребовал другого.

— Я хотел бы, — заявил он, — чтобы каждый из гостей подарил нам по пять тысяч долларов.

Дело было не в сумме. Гости могли себе это позволить. Но даже самый состоятельный из гостей, шейх Абд-аль-Ваххаб Буния, нашел это требование оскорбительным. Шейх пожелал поговорить с Саддамом о неподобающем поведении его старшего сына и послал к нему гонца.

Никакого ответа, разумеется, не последовало. Но теперь это стало вопросом престижа. Для шейха было настоящим оскорблением нежелание Саддама отвечать на его просьбу о встрече. Он решил попробовать встретиться с ним как бы случайно, но это было нелегко, поскольку никто никогда не знал, где окажется Саддам в ту или иную минуту.

Как бы там ни было, один из телохранителей Саддама, совершив роковой поступок, рассказал людям шейха, что Саддам собирается посетить деревенский праздник, и там с ним можно будет побеседовать.

Саддам, выпив виски, танцевал с гостями в тот момент, когда прибыл шейх со своей свитой. Не подавая вида, что ему известно, зачем шейх приехал, Саддам пригласил его присоединиться к празднеству. Но шейх поклонился и сказал:

— Сначала надо поговорить о делах. Что ты думаешь о требовании твоего сына?

Единственное, что интересовало Саддама в тот момент, это как шейх узнал о том, где он находится. Раскрыть местонахождение Саддама для того, кто на это решился, было равносильно подписанию собственного смертного приговора. Три раза Саддам спрашивал у шейха, как тот его нашел, и в конце концов шейх едва заметно кивнул в сторону одного из телохранителей за спиной Саддама. Даже не обернувшись, Саддам достал пистолет и застрелил охранника. Потом с улыбкой сказал шейху:

— Я ожидаю, что ты заплатишь сумму, которую требует мой сын, и ровно столько же выплатишь семье телохранителя. А теперь, когда мы закончили с делами, давай выпьем и поедим.

Саддам сам мне об этом рассказал. Ему ничего не стоило убить человека. Более того, ему нравилось видеть кровь. И ему доставляло удовольствие рассказывать мне об этом и наблюдать, как я вздрагиваю от отвращения.

— Я сегодня кое-кого убил, — обычно говорил он, начиная разговор.

Или, что было еще хуже, будил меня на рассвете и сообщал:

— Сегодня мы его уьем.

— Кого? — спрашивала я спросонья.

Иногда меня злило, что меня разбудили, и я в сердцах произносила:

— Почему ты говоришь мне такие вещи?! Убивай кого тебе надобно. Я не хочу ничего знать.

Обычно же мне оставалось только слушать и молчать, потому что я не хотела оказаться на месте жертв.

В 1988 году в Багдаде проходил международный конгресс, по случаю которого во дворце был устроен праздничный ужин. Почетным гостем была Сюзанна Мубарак, жена президента Египта Хосни Мубарака, но было много и других гостей. Меня тоже пригласили.

В этом не было ничего странного. Меня часто приглашали на подобные мероприятия без особой причины. Саддам сам решал, кого пригласить, а кого нет. Все знали, кто я такая, и никто не задавал лишних вопросов.

Часто Саддам просил меня позаботиться об иностранных гостях. Он в какой-то мере доверял мне, и я говорила на нескольких иностранных языках, что облегчало эту задачу. Самые высокие посты в стране занимали необразованные родственники самого Хусейна, и часто они были не в состоянии поддерживать разговор с высокопоставленными иностранными гостями на должном уровне, не говоря уже о владении языками.

Это было приятным и несложным заданием, к тому же я человек общительный, и гостям было комфортно в компании со мной. Я легко располагаю к себе людей и быстро завожу новых друзей. Иногда Саддам просил меня сопровождать гостей, давая мне указания:

— Покажи ему это! Не показывай то!

Довольно часто мне приходилось сопровождать русского политика Алексея Косыгина¹. В Ираке он был частым гостем, и мы хорошо знали друг друга. Его всегда сопровождал личный переводчик, поэтому на встречах Косыгина с Саддамом я не присутствовала, но по вечерам я развлекала его и провожала во дворец, где останавливалась русская делегация. Позднее у них были еще официальные ужины и переговоры, на которые меня не приглашали.

Алексей Косыгин был приятным и любезным человеком. При встрече он обнимал меня и часто приглашал в гости в Москву. У него было хорошее чувство юмора.

Другим гостем, о котором мне нужно было заботиться, был американский боксер Мухаммед Али. Он был знаменитостью в Ираке, и Саддам и Удей считали его своим почетным гостем, поскольку тот был мусульманином и готов был работать на благо Ирака за границей. Мухаммед Али был частично парализован, но все равно для нас его визит в дом Олимпийского комитета Ирака был большим праздником.

Но вернемся к праздничному ужину, на котором почетным гостем была супруга президента Египта. В одиннадцать вечера внезапно, без приглашения, появился Удей; он был такой пьяный, что с трудом держался на ногах. Удей привел с собой компанию, намерева-

¹ Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980) — государственный и политический деятель СССР, в 1964—1980 гг. председатель Совета министров СССР.

ясь устроить во дворце собственную вечеринку, невзирая на то, что мог испортить ужин, который устраивал его отец. Дворец был огромным, парк вокруг него — еще больше, и сын диктатора вполне мог найти другое место для вечеринки, где бы его не видели и не слышали. Но вместо этого он включил музыку на полную громкость в помещении, соседнем с тем, где проходил ужин, и из-за шума стало невозможно поддерживать разговор.

Саддам Хусейн послал Камиля Ханну передать Удею, чтобы тот уменьшил громкость. Удей отказался. Саддам снова послал Камиля, и он снова получил отказ. Бедному Камилю пришлось бегать от отца к сыну и обратно много раз и все безрезультатно.

Тогда Саддам отдал распоряжение выполнять «план А», что означало «применять насилие». Это вывело Удею из себя. Одним резким движением он выхватил электрическую дубинку и ударил Камиля по затылку.

Тот рухнул на пол замертво.

Убийство личного телохранителя Саддама было серьезным проступком. Саддам высоко ценила Камиля. Тот был рядом с диктатором много лет, как и его отец. — личный повар Саддама. Вечер закончился хаосом, и всех гостей отправили домой. Я задержалась, чтобы посмотреть, что произойдет. Саддам был как безумный, никто не мог его успокоить. Вместе с Камилем он утратил важную часть своей жизни.

После этого происшествия Саддам приблизил к себе своего младшего сына Кусея, и теперь только ему давались самые почетные поручения. До этого Кусея вос-

принимали как младшего и более слабого брата, но после смерти Камиля Саддам больше не мог доверять Удею. Старший сын всегда был для него проблемой, но до этого случая его дикие выходки лишь забавляли Саддама.

Однажды один иракский богач устроил дома вечеринку. Среди гостей был Ватбан Хусейн, сводный брат Саддама. Меня, разумеется, там не было. Это была не та вечеринка, на которой могли присутствовать приличные женщины. Мужчинам из клана Хусейнов нравилось изображать ревностных мусульман, заботящихся о своей семье, соблюдающих пост, следующих учению Корана и не употребляющих алкоголь, но на самом деле они с упоением предавались всему запретному и греховному. Саддам, к примеру, получал большое удовольствие от того, что называлось его «красными ночами». В такие ночи он отправлялся в одно из своих загородных поместий с охраной и гостями, но без меня. Туда привозили женщин особого сорта, которые танцевали для Саддама и его гостей танец живота и стриптиз. Все это было довольно вульгарно. И, разумеется, спиртное текло рекой.

Я рассказываю как раз об одной из подобных вечеринок, но Саддама там не было. А Удей, который был приглашен, по своему обыкновению пришел, когда праздник был в разгаре.

Удей требовал от окружающих полного подчинения. Все должны были радоваться его приходу и оказывать ему знаки внимания. Выказывать уважение, предлагать стул, спрашивать о его здоровье, желать ему всяческих

благ и тому подобное. Ему хотелось, чтобы с ним обращались как с принцем крови.

Но Удей опоздал, и сводный брат Саддама не стал соблюдать все формальности. Должно быть, он считал, что возраст и близкое родство с Саддамом ставит его рангом выше Удея. Так или иначе, Ватбан не встал с места, увидев Удея с его охранниками. Он только помахал ему, приглашая присесть рядом с ним.

Удей пришел в ярость. Ему показалось, что Ватбан отнесся к нему без должного уважения. Он выхватил пистолет и выстрелил своему дяде в ногу. Рана оказалась серьезной, не заживала, и со временем ногу пришлось ампутировать.

Но одного выстрела Удею было мало. Он потребовал, чтобы все гости вечеринки, включая хозяина дома, легли животом на траву. Это было унижительно для состоятельных и уважаемых людей — но что было им делать? Когда все легли на лужайку, Удей приказал:

— Ешьте траву!

Никто не осмелился ему перечить. Об этом мне рассказал Саддам. Чем больше виски он пил, тем меньше себя контролировал и рассказывал мне такое, от чего мне становилось не по себе. За годы, проведенные рядом с ним, я услышала множество подобных историй.

Саддам сопровождал свой рассказ оглушительным хохотом. То, что его старший сын заставил богатых и уважаемых людей есть траву, подобно скоту, его только позабавило.

За свою работу, связанную с организацией Багдадской международной выставки, я получила комиссию. Это было намного выгоднее, чем работать за зарплату, потому что бизнесменов интересовали успешные сделки, а вовсе не политика. Ирак был привлекательным деловым партнером для многих. То обстоятельство, что Саддам Хусейн безжалостно расправлялся со своими политическими оппонентами, и что все, кто мог, старались уехать из страны, не оставляло бизнесменов, желавших заработать. В течение нескольких лет я обзавелась широкой сетью контактов, и во время каждой ежегодной выставки работы у меня было по горло.

Я скучаю по тому времени, когда я работала на выставке. Эта работа была мне по вкусу. Мне нравилось устраивать деловые встречи и связывать бизнесменов с министрами и другими чиновниками. Люди были удовлетворены моей работой, и ко мне часто обращались за помощью. Я работала по двенадцать часов в день и хорошо зарабатывала. Иногда я вижу молодых деловых женщин в Швеции. Они такие красивые, такие целеустремленные. С важным видом говорят по мобильному

телефону и стучат по клавишам портативного компьютера. И мне хочется подойти к ним и сказать, что я тоже не всегда носила джинсы и спортивную куртку.

«Я была такой же, как вы», — хочется мне сказать им.

Но разве кто-нибудь поверит?

Властям предрежащим нравится окружать себя такими же людьми, как они. Власть для них как источник, из которого они постоянно подпитываются силами. Я никогда не стремилась к власти, но, проведя много лет рядом с Саддамом Хусейном, хорошо изучила повадки подобных людей. Потребность во власти напоминает наркотическую зависимость: приобщившись один раз, уже невозможно остановиться. Им также нравится иметь помощников, чтобы лучше чувствовать собственную значимость. Часто я была таким помощником. Не имея никакого отношения к политике, я все же могла дать совет. Если он кому-то был необходим. Но обычно они относились ко мне, как к мебели, не имевшей ушей. Но уши у меня были, как и глаза. Я смотрела, слушала и запоминала. Чем больше времени я проводила рядом с властью имущими, тем лучше понимала природу власти. Я понимала, что стоило США слегка простудиться, как у Европы начинался грипп. Но Ирак это не затрагивало, потому что у Ирака была нефть. А нефть означает власть.

Позднее все изменилось. Паранойя Саддама усиливалась, и он принимал все больше неправильных решений, часто абсурдных с точки зрения нормального человека.

Однажды ко мне обратился греческий бизнесмен, который хотел импортировать в Ирак сигареты «Мальборо», «Ротманс» и еще одну марку, довольно известную на Ближнем Востоке, хотя деньги он, конечно, делал на «Мальборо». Производить эти сигареты собирались на барже у берегов Кипра.

Я свела грека с моим постоянным клиентом — состоятельным курдом Аззамом, которому принадлежало много земель в районе курдского города Сулеймания, и больше об этом не думала. Всем было известно, что импорт сигарет в Ирак был источником личного дохода Удея и его монополией. С годами жадность Удея вышла из-под контроля, и он ни с кем не хотел делиться своими баснословными доходами.

Того греческого бизнесмена я знала давно. Во время выставки я так много бегала, что стирала подошвы туфель, и однажды, в холле гостиницы «Аль-Рашид», меня кто-то окликнул:

— Эй, Лампсос! Лампсос! Привет!

Я резко остановилась и повернулась. Кто это зовет меня по-гречески?

Оказалось, что греческий бизнесмен целую неделю провел в Ираке впустую, пытаясь безуспешно связаться с министром торговли. Я попеняла ему, что он раньше со мной не связался.

Потом позвонила министру лично и сделала то, чему научилась у Саддама. Спросила:

— Ты у себя в офисе?

И добавила:

— Хорошо. Я сейчас приду.

Затем сказала бизнесмену, что нужно с собой принести подарок. К министру нельзя было ходить без подарка. Обязательно нужно было взять с собой виски, сигареты или дорогой костюм.

— Такие подарки им по вкусу. Поторопись! А то нам уже пора!

В одиннадцать часов мы с греком прибыли на встречу с министром торговли во дворец. Бизнесмен дрожал от страха. Это было логово Саддама, и греку было не по себе.

— Успокойся, — сказала я. — Ты слишком взволнован. Так вы с министром ни о чем не договоритесь.

В офисе я разыграла целый спектакль. Я дружески расцеловала Тарика Хамида аль-Абдаллаха и поинтересовалась его здоровьем. Все шло хорошо, и вскоре министр спросил, какое у нас к нему дело. Я ответила, что бизнесмен — мой дальний родственник и что он скоро возвращается в Грецию, но очень хочет передать министру свою просьбу. Я действовала быстро и эффективно. Говорила, что времени мало, что нужно скорее все обсудить и так далее.

Мужчины смотрели на меня во все глаза. Кем эта женщина себя считает?

Когда контракт был подписан и министр распрощался с нами, грек радовался, как ребенок.

В отель он внес меня на руках и заказал шампанского, сказав:

— Надо это отпраздновать!

Такой знаменательной стала наша новая встреча. Он решил, что я способна творить чудеса, и мы потом не раз встречались.

Позднее грек с курдом пришли ко мне с новой просьбой. Они планировали расширить свой сигаретный бизнес и не хотели, чтобы Удей об этом что-нибудь узнал. Мне обещали хорошие комиссионные за помощь с организацией импорта, а им не пришлось бы делить заработки с Удеем.

Я покачала головой. Я слишком боялась Удея. Он был опасным человеком и считал, что табачный бизнес принадлежит ему одному. Но мужчины заверили меня, что они все спланировали, и Удей никогда ни о чем не узнает.

Мне нужны были деньги. К тому времени я все больше думала о том, как увезти своих детей из Ирака и по возможности сбежать самой. Коррупция была обычным делом в Ираке: клан Хусейнов и их приближенные не знали, что такое мораль и принципы. От денег, которые мне предлагал Саддам, я продолжала отказываться из принципа. Это его забавляло. Особенно когда я изображала притворный гнев, говоря: «Твои деньги такие же грязные, как мои подошвы».

И я позволила им меня уговорить. Я сказала себе, что много работаю и заслуживаю вознаграждения гораздо больше, чем Удей. В бизнесе важно знать правила игры, и мне было прекрасно известно, что большая часть денег в Багдаде имела хождение под столом. Ни-

кто не знал, откуда эти деньги берутся и куда они потом исчезают.

Признаюсь, меня привлекла перспектива легких денег. Рискнуть стоило. Все это происходило в бурное время после нападения на Кувейт, но до покушения на Удея в 1996 году, когда он каким-то чудом выжил. Удей много пил и в состоянии опьянения терял над собой контроль. Я много раз слышала, как Саддам говорит, что убьет Удея, но слова ничего не значат. Несмотря на то, что Удей доставлял ему немало неприятностей, он все-таки не готов был убить родного сына.

Как бы то ни было, я решила, что Удей не в состоянии за всем уследить. Он слишком много пил.

Я выполнила всю бумажную работу, и все шло хорошо. Пробная партия сигарет прибыла и была одобрена. Как и футболки и бейсболки с логотипом «Мальборо». Все шло по плану. Брат курдского бизнесмена позвонил и назвал дату первой выплаты. На следующее утро в десять часов я пришла в офис курдского бизнесмена в Багдаде. Мы договорились, что остаток денег я получу, когда прибудет контейнер с сигаретами. Разумеется, никаких контрактов мы не подписывали. Никто не должен был знать о моей роли в этой операции, иначе мне грозила бы смерть.

Я вошла, мне предложили присесть на стул и подождать. Десять секунд все было нормально, а потом в офис ворвались мужчины в масках, вооруженные пистолетами. Они вломились в двери и окна. Люди в панике бросились кто куда. Со всех сторон раздавались

выстрелы. Двери разлетались в щепки. Люди падали на пол и отползали в поисках укрытия.

Прижавшись к стене, я в ужасе смотрела, как Аззам убегает через окно. Позднее я слышала, что он скрылся в США, — но подробностей я не знаю.

За деньги можно многое купить. Видимо, у Аззама было достаточно денег, чтобы откупиться от мести Удея.

Люди в масках меня узнали. Я поняла это по их глазам. В них читалась встревоженность. Я была из тех, кого нельзя было трогать, так что мужчины в масках не знали, что со мной делать.

Я показала им свое личное удостоверение с подписью Саддама Хусейна и протянула визитку с номером телефона, сказав:

— Позвоните по этому номеру. Немедленно.

Узнав номер дворца, мужчины попятились.

Я быстро удалилась. Офис закрыли. Своих партнеров по бизнесу я никогда больше не видела, как и обещанной комиссии, а контейнер с сигаретами Удей присвоил.

Не знаю, кто приказал напасть на контору Аззама. Сначала я думала, что вооруженные люди в масках пришли за мной, но это было не так. Спрашивать было бесполезно. В Багдаде много вопросов оставалось без ответа. Люди исчезали без всякой видимой причины.

Не важно, кто нас выдал. Важно только, что Удей узнал об этом и пришел в ярость. Импорт сигарет в Ирак был его монополией.

Разумеется, Удей считал, что эта сделка — моих рук дело, и хотел от меня избавиться. Не знаю, рассказал ли он своему отцу о моей роли, но в тот же вечер мой дом окружили по меньшей мере пятьдесят автомобилей, и вооруженные люди из «Мухабарат» круглые сутки несли дежурство. Так Саддам Хусейн защищал меня от гнева своего старшего сына. Одна из моих дочерей сказала, что это похоже на мафиозные разборки, и она была права.

Я не выходила из дому три дня — ждала, пока Удей успокоится, — но я знала, что он никогда мне этого не простит. Рано или поздно Удей мне отомстит. Но пока Саддам был у власти, я была под его защитой.

Время шло, и подул ветер перемен. Я не звонила Саддаму, и он не звонил мне. Однажды меня вызвали в кабинет Саддама. Когда я вошла, в комнате уже был Удей. Саддам посмотрел на нас усталым взглядом. Он хотел, чтобы мы помирились.

— Вы оба совершили ошибку, — сказал он, давая нам понять, что больше не хочет ничего об этом слышать.

Но Удею было на это наплевать. Я чувствовала, что неудавшаяся сделка будет стоить мне дорого. Со временем Саддаму надоест выслушивать жалобы Удея на меня, но Удей никуда не денется. Исчезнуть придется мне.

Но пока время не пришло. Я была еще нужна Саддаму. Пока была нужна. Но что будет потом? Рано или поздно Удей устроит так, чтобы я исчезла с лица земли, а он был ни при чем.

Тайная иракская полиция «Мухабарат» при Саддаме стала могущественной и разветвленной организацией. Если раньше «Мухабарат» занималась в большей мере предотвращением угрозы безопасности страны извне, то при Саддаме ее агенты переключились на слежку за гражданами самого Ирака внутри страны. «Мухабарат» состояла из нескольких подразделений разной степени секретности. Помимо прочего, тайная полиция занималась внедрением своих людей в различные организации, в том числе государственные, для выявления несогласных с действующей властью. «Мухабарат» держала в страхе всех иракцев. Это название означало для них пытки, убийства и исчезновение людей как в самом Ираке, так и за его пределами.

Под Багдадом была прорыта целая система туннелей, передвигаясь по которым, Саддам мог попасть из дворца в разные министерства, так что никто не мог знать заранее о его визите.

Ходили слухи, что систему создали японцы. Как бы там ни было, карты подземелья были только у Саддама и его телохранителей. Сам он никогда о них не упоминал, даже его собственная семья не имела доступа к этой личной транспортной системе Саддама. Я часто ездила по туннелю на встречи с Саддамом, но никогда сама не вела машину. Всегда за рулем был его телохра-

нитель. Один туннель вел от здания Багдадской международной выставки во дворец, но даже те, кто знал о его существовании, не могли предугадать, откуда в следующий раз выедет машина. Система туннелей представляла собой настоящий лабиринт, и каждый водитель специально вел машину так, чтобы пассажир потерял счет поворотам и не смог бы потом воспроизвести маршрут по памяти.

Один из туннелей был особо секретным. Он вел в штаб-квартиру «Мухабарат», и для пассажира этот туннель мог означать только одно: обратной дороги уже не будет. В лучшем случае человека могли вернуть семье без рук или ног. Там были комнаты с двигателями с лопастями, на которые агенты подвешивали людей и вращали с бешеной скоростью, пока у тех не отрывало руки и ноги или пока не наступала смерть.

Хусейн Камель — двоюродный брат Саддама Хусейна, женатый на одной из его дочерей, с 1987 года отвечал за военную программу страны, в том числе по созданию ядерного оружия. Он занимал высокие посты в военной иерархии, а также пост министра промышленности. Его братом был Саддам Камель, женатый на другой дочери Саддама.

В 1995 году братья сбежали из Ирака вместе с семьями и попросили политического убежища в Иордании. Хусейн Камель начал сотрудничать с экспертами ООН по вооружению, американской и британской разведыва-

тельными службами, ЦРУ и МИ-6 соответственно; он рассказал, что Ирак планирует разрабатывать ядерное и биологическое оружие.

В 1996 году братья Камель вернулись в Багдад вместе со своими семьями после обещания Саддама даровать им прощение. Оба были убиты.

Я хорошо помню, когда Саддам решил, что его зятя Хусейн Камель и Саддам Камель должны умереть. Быть ликвидированными. Исчезнуть. Каким образом это должно было произойти, я не знала, но чаще всего в Ираке люди исчезали ночью.

В одиннадцать утра, когда я была дома, в дверь постучали. Открыв, я увидела на пороге сводного брата Саджиды. Это меня не удивило, потому что мужчины из клана Хусейна часто ко мне заходили. Если это было днем, я угощала их чаем или кофе. По вечерам мы готовили мясо на гриле и ужинали. Это было в порядке вещей. Гости могли приходить ко мне без предупреждения. Я не задавала вопросов, но всегда готова была выслушать гостя, если ему хотелось поговорить.

На этот раз мой посетитель, чье имя я не хочу называть, потому что он еще жив, сказал, что Саддам созвал всех своих родственников мужского пола на собрание после обеда, не назвав причину. Это его встревожило.

— Наверняка он хочет сказать что-то важное, — предположила я.

— Наверняка кто-то провинился, — размышлял гость. — Женщины, вечеринки...

Я кивнула. Это было весьма вероятно. Мужчина поднялся и сказал, что еще вернется.

Как и обещал, он вернулся вечером, часов в десять. Пришел в куфии, мужском головном платке, который обычно бывает белым с красным или черным орнаментом. По тому, как куфия повязана, можно определить настроение человека. Ее часто надевают перед битвой. Лицо у визитера было бледным, как полотно.

— Присядь, — предложила я. — Я тебе сварю чашечку турецкого кофе.

Мне не хотелось расспрашивать о встрече, но, готовя кофе, не удержалась, и, указав на платок, спросила:

— Кто должен умереть?

Ответом мне были глаза, поднятые к потолку. Это означало одно: «жучки».

— Ты видел сегодня Удея? Или Куся?

— Да.

— Они тебе что-нибудь сказали?

— Нет.

Мы вышли в сад, и мужчина рассказал мне, что Саддам приказал им убить Хусейна Камеля. Всем вместе. Они должны были сделать это сегодня ночью. Все должны были присутствовать, потому что это было делом чести. Саддам дал четкие указания, как это должно произойти.

Но мой гость не хотел никого убивать.

— Можно же целиться в пол, — заметила я.

Он покачал головой:

— Нет, иначе они меня тоже убьют. Саддам приказал всем следить друг за другом.

Ночью мужчины из клана Хусейна направились к дому матери Хусейна Камеля. Они окружили дом, чтобы никто не смог сбежать. Впоследствии утверждалось, что стреляли все, но правды никто так и не узнал.

В доме было много детей и женщин. Все погибли, за исключением двенадцатилетнего подростка, которому удалось перелезть через стену. Мужчины из клана Хусейнов вытащили Хусейна Камеля на улицу, отрезали ему голову, завернули тело в ковер и положили перед домом жены. Ее звали Рана. Она была дочерью Саддама Хусейна.

Вот с такими людьми я проводила свое свободное время.

На похоронах Хусейна Кемеля Саддам запретил плакать. Он сказал, что любой, кто прольет хоть слезинку, будет убит. И никто не осмелился ослушаться приказа.

Каким надо быть человеком, чтобы запретить родным оплакивать умерших?!

Впоследствии утверждалось, что Удей и Кусей вместе с другими членами клана Хусейнов решили убить своего свояка Хусейна Камеля за то, что он вывез дочерей Саддама из Ирака. Но я знала, что это ложь. Он был убит по приказу Саддама Хусейна.

Слухи ходили разные, но мне известно, что это Удею удалось уговорить свою сестру вернуться. Он попросил Рану поговорить с ним наедине, и никто не

знает, что он ей наговорил. Знаю только, что их мать Саджида передала с ним письмо для дочери. Удея послали в Иорданию, чтобы уговорить зятьев Саддама вернуться обратно в Ирак. В Иордании он попросил аудиенции у короля Иордании, которого заверил в том, что Саддам Хусейн дарует беглецам прощение в случае возвращения на родину. После этого Удей попросил дать ему возможность поговорить с Раной наедине.

Король Иордании, предоставивший убежище братьям Камель, отговаривал их возвращаться, но слова его уже не играли никакой роли. Детей Саддама Хусейна с детства учили абсолютному подчинению. Поэтому нет ничего удивительного в том, что письмо матери подействовало на Рану так, как того желал Саддам.

Все знали, что он не простит мужьям своих дочерей предательства, но их обманом заставили поверить, что на родине их никто не будет преследовать.

На иракской границе дочерей Саддама с семьями встретили сотрудники «Мухабарат», которые с улыбкой произнесли:

— Добро пожаловать домой!

Дочерей Саддама Рану и Рагад с детьми отправили к матери, Саджиде, которая уже много лет жила во дворце в Тикрите. По официальной версии, мужчин ждал отдельный праздник с участием всех родственников мужского пола. Саддам передал им, что встретится с ними через три дня, чтобы обсудить новую работу.

Не понимаю, как зятя Хусейна могли поверить этим пустым обещаниям. Они же знали его, как никто другой.

Такому человеку, как Саддам, не нужно было прибегать ко лжи. Ему достаточно было запугать человека. Возможно, Саддам и Хусейн Камель считали, что риск смерти будет меньше в Ираке, чем в Иордании, где у Саддама Хусейна было много тайных агентов, способных выполнить любое его распоряжение.

Саджида знала заранее, что произойдет. Саддам сказал ей, что если она не поможет вернуть дочерей домой вместе с мужьями, то он с ней разведется. Мне об этом рассказал сводный брат Саджиды, с которым у меня были приятельские отношения.

Спустя полгода после убийства мужа Рана выступила с официальным заявлением; она сказала, что ее отец хороший человек и настоящий лидер своей страны. Рана хорошо усвоила урок. Неповиновение в клане Хусейнов считалось куда более серьезным проступком, чем ложь.

В каждом из дворцов и особняков Саддама у него был свой личный кабинет. Те кабинеты, что мне довелось увидеть, были похожи один на другой. Саддам, как и многие другие иракцы, обожал традиционный британский стиль оформления кабинетов и мужских клубов. Стены обивали темной кожей, мебель подбирали из темного дерева. На полу лежали дорогие восточные ковры. В каждом из кабинетов было все необходимое, включая видеопроигрыватель. Каждый день диктатору присылали гору кассет, по вечерам он сидел в удобном кресле и просматривал кассеты с блокнотом и ручкой в руке. И если Саддам был чем-то недоволен, на следующий день летели головы.

Не знаю, сколько камер Саддам установил в местах казни, в кабинетах для допросов, пыточных камерах, тюрьмах и армейских штабах, но пленок было много, и операторам было известно, что Саддам проверит каждую деталь.

Иракцы настолько боялись за свою жизнь, что не отваживались противиться воле Саддама. Людям не обязательно смотреть страху в глаза, им достаточно знать, что зло существует и что оно где-то рядом.

Я не смотрела с Саддамом эти кассеты. Нормальный человек старается избегать таких вещей. Тем более что в то время я серьезно увлеклась астрологией. Я сидела рядом с креслом Саддама на мягком ковре с затейливым восточным орнаментом, уткнувшись в свои астрологические таблицы с цифрами, чтобы ничего не видеть и не слышать. Иногда Саддаму было весело: я слышала, как он смеется над увиденным. Иногда, слышав ужасные звуки, я поднимала глаза на экран. То, что там было, могло вызывать только отвращение, но Саддам не одобрил бы этого. Стоило мне охнуть, как он махал татуированной рукой, давая понять, что недоволен, и резко произносил:

— Тихо!

Мне нельзя было покидать кабинет, но я не должна была мешать Саддаму делать записи, потому что, сверяясь с ними, он принимал решение, кого казнить, а кого помиловать.

Со временем я забросила гороскопы. Они никуда не вели и ничего не меняли. Попытки предсказать будущее для человека, живущего такой жизнью, как моя, были чистым безумием.

Удей во всем старался походить на отца. У Саддама было много двойников, и Удей тоже решил ими обзавестись. Для Саддама не составляло сложности найти похожих на него людей. Достаточно было подстриженных, как у него, усов в сочетании с униформой и солнцезащитными очками, и на расстоянии никто не видел разницы. Но Саддаму этого было мало. Он подбирал максимально похожих на него людей. Вот почему я так нужна была американцам. Они не могли отличить настоящего Саддама от двойников, а я могла. Только я могла сообщить им детали, которые их так интересовали. Например, я знала о татуировке у него на руке, которая была у всех мужчин его клана родом из Тикрита. Она была старой, в отличие от недавно сделанных татуировок у его двойников.

В Саддама много раз стреляли. Однажды в Сирии его ранили в руку, а в другой раз — в ногу, от обеих ран остались шрамы. Но самым важным отличием были последствия удара, который Саддам перенес в сорок лет. Саддам был еще сравнительно молодым и сильным мужчиной и быстро оправился после удара, парализовавшего половину тела. Но с тех пор он испытывал

трудности при ходьбе, и одна рука плохо его слушалась.

Я знаю, что хорошего врача Саддаму помог найти Фидель Кастро. Здоровье много значило для Саддама, и он четко следовал инструкциям врача. Саддам Хусейн был очень амбициозным человеком, всегда добивавшимся своих целей, и, решив выздороветь, он очень быстро поправился. Но, несмотря на это, он слегка прихрамывал, и движения мышц лица были несколько натужными. Заметить все это мог только человек, которому было известно об ударе.

Были и другие отличительные признаки. Двойникам разрешалось их воспроизводить только по особому распоряжению Саддама. Например, его так называемую змеиную желтозубую улыбку. Искривленную, ироничную. Когда Саддам так улыбался во время встречи, все сразу понимали: что-то произойдет, сразу после окончания встречи последует наказание. Кто-то умрет, кто-то окажется в тюрьме, кого-то подвергнут пыткам, кто-то бесследно исчезнет. Expired.

Кроме змеиной улыбки, были и другие угрожающие сигналы, хорошо знакомые телохранителям Саддама, следовавшими за ним как тени. С их помощью Саддам давал охране указания. Например, если он сидел, широко расставив ноги, значит, им нужно было быть настороже. Если он клал одну руку на колено и начинал по нему быстро или медленно похлопывать, значит, скоро последует новый приказ. Саддам взмахнет рукой с тапуировкой и скажет:

— Убрать!

Так или иначе, Саддаму с его характерными усами и вечными солнцезащитными очками было легче найти двойников, чем Удею. Но Удей знал одного человека по имени Латиф Яхья Салах, происходившего из богатой и уважаемой курдской семьи, жившей в Багдаде. Латиф с Удеем и Кусеем учились в одной школе, и он был как две капли воды похож на Удея. Со стороны могло показаться, что они братья.

Со временем Латиф стал одним из гвардейцев, вышагивавшим по территории дворца в красно-синей униформе. Однажды Удей разглядел его среди других гвардейцев и воскликнул:

— Да это же Латиф Яхья!

Он позвал его в свой кабинет. У Латифа было три сестры, и он не хотел иметь ничего общего с Удеем, так как все были наслышаны о его зверствах. Латиф Яхья не хуже других знал, что Удей вытворял с юными девушками, но не посмел перечить сыну диктатора. Это стоило бы Латифу и его семье жизни. Я хорошо знала его семью. Они проклинают тот день, когда Удей увидел их сына на параде. Удей объявил Латифу, что тот станет его двойником, и добавил:

— Скажи твоим родителям, что ты уедешь на три месяца.

Между Саддамом и Удеем было много общего. И тот и другой выбирали своими жертвами самые богатые и уважаемые семьи в Багдаде. Так было и на этот раз. Удей отнял у любящих родителей их единственного сына.

Отец не стал протестовать, хотя отнять у него сына было все равно, что лишить его руки или ноги. Что он

мог сделать, если Саддам Хусейн был в стране первым человеком, а Удей — вторым? Кому ему было жаловаться? Латифа Яхья привезли во дворец, и началась процедура превращения в двойника.

У Удея было повреждено колено. Он получил травму, когда, после убийства Камиля Ханны, по приказу Саддама провел несколько месяцев в тюрьме. Камера, в которой он сидел, была такой узкой, что он не мог выпрямить ноги. С тех пор Удей прихрамывал.

Чтобы превратить Латифа в свою полную копию, Удей велел сломать ему ногу и сделать так, чтобы кости срослись неправильно. Латиф даже ходить должен был, как Удей, прихрамывая. Удей был воплощенное зло. Ему чужды были сострадание и уважение к другим людям. Его статус старшего сына Саддама и его возможного преемника позволял ему творить любые жестокости, не спрашивая ни у кого разрешения. Саддам любил повторять: «Я пастух, а вы — стадо. Пастух сам решает, куда повести свое стадо».

Удей понимал эти слова буквально, считая, что он вправе распоряжаться жизнью и смертью людей.

В иракском Олимпийском комитете было несколько лифтов, один из которых предназначался только для Удея. Я была его личной ассистенткой, поэтому мне тоже разрешали пользоваться этим лифтом, когда мне нужно было подписать секретные документы.

Однажды я забрала папку с бумагами из кабинета Удея и зашла в лифт с его телохранителями и Латифом. Мы перекинулись парой слов, как часто делают знако-

мые во время поездки в лифте. Вернувшись в офис, я заметила, что охранники бегают по коридору из стороны в сторону. В любом другом месте работники вышли бы в коридор, чтобы спросить, в чем дело. Но у нас все давно уже научились не подавать виду и держать язык за зубами. Не видеть, не слышать, не спрашивать, не комментировать — такие законы действовали в Олимпийском комитете Ирака.

Несколькими днями позже Удей велел подняться к нему в кабинет и принести апельсинового сока.

— Ничего не говори, — прибавил он. — Просто принеси сок.

— Кому? — спросила я.

И в ответ услышала:

— Тихо!

Наши кабинеты располагались на седьмом этаже. Восьмой этаж занимала служба безопасности. Там велось прослушивание и шла другая подобная деятельность, но когда я в тот день вышла из лифта на восьмом этаже, я обнаружила, что весь этаж переоборудован в больницу.

«Что же это такое?» — подумала я.

Заглянув в открытую дверь одной из комнат, я увидела Латифа Яхья. У Удея между передних зубов была щель, из-за которой он немного шепелявил. Стоматологи оперировали Латифа, чтобы и зубы у него и Удея были похожими.

Латиф Яхья лежал с закрытыми глазами. Апельсиновый сок предназначался для него. Удей ел только пищу, приготовленную в дворцовой кухне. Точно так же теперь предстояло питаться и Латифу.

Не говоря ни слова, я поставила сок на стол и вышла. Удей запретил мне разговаривать, а в комнате наверняка были установлены «жучки».

Бедный Латиф. Они превратили его в точную копию Удея. Помимо операции, Латифу пришлось изменить свои привычки во всем, что касается сна, еды, манеры ходить, говорить — всего. Даже его мать перестала узнавать в нем своего сына.

Однажды я, побывав у Удея, спускалась вниз на его личном лифте. Через пару минут мне снова нужно было наверх. Когда я нажимала кнопку, в лифт внезапно зашел Удей, причем он был не в той одежде, что пару минут назад, а в другой. У меня округлились глаза.

— Какие-то проблемы? — спросил Удей.

Даже лифт прослушивался, так что я покачала головой: спрашивать было так же опасно, как и отвечать. Но у меня мурашки побежали по коже.

Удей добился своего. Мужчина в лифте был точной его копией. Это кажется маловероятным, но это правда. Увиденное в тот день стало для меня хорошим уроком.

Не обращай внимания на внешность. Учись узнавать человека по глазам. Они могли изменить все в Латифе, но только не его сердце и душу. В глазах Латифа светилась его душа. До нее Удей не мог добраться, как бы сильно ему того ни хотелось.

В подвале Олимпийского комитета Ирака находилась личная тюрьма Удея с комнатами для допросов и пыточными камерами. Была бы моя воля, я предпочла бы не знать о существовании этого подвала и не спускалась бы туда никогда. В Ираке знать такие вещи было опасно. Не дай бог сам окажешься в одной из камер.

Я знала не все, но кое-что мне все-таки было известно, и мне случалось бывать в подвале, в котором, помимо прочего, располагался конференц-зал, в котором Удей и его подчиненные обсуждали новые методы пыток и решали, кому жить, а кому умереть. Там же были и камеры, в которых за железными дверями содержали узников.

От одной мысли о том, что мне придется спуститься в подвал, у меня начиналась паника. Мужчин это забавляло, и они пытались затащить меня в камеры, чтобы показать, что там происходит. Я отказывалась.

— Чем ты лучше нас? Почему мы должны все это видеть, а ты нет? — издевались они.

Несмотря на это, в самих камерах я никогда не была. Но мне хватало и пребывания в холодных коридорах,

где пахло страхом, и где метались души невинных жертв.

Я провела в жестоком мире Саддама Хусейна больше тридцати лет, и мне не хочется вспоминать все те ужасы, с которыми мне пришлось столкнуться. Есть вещи, которые лучше не вспоминать, если не хочешь умереть. Одни воспоминания о них могут свести человека с ума.

Я знала Удея с тех пор, как ему исполнилось десять лет: у него очень рано начали проявляться садистские наклонности. Ему нравилось мучить людей. Смерть не доставляла ему такого удовольствия, как пытки. Убивал Удей или в приступе гнева, или когда хотел отомстить, но удовлетворение ему доставляли только жестокие пытки безвинных людей.

В конце восьмидесятых годов должен был состояться футбольный матч между Китаем и Ираком. Иракская команда отправилась в Китай, и Удей внимательно следил за развитием событий. По спутнику передавали все новостные сообщения и все комментарии, относившиеся к матчу. Поздним вечером я сидела в офисе в наушниках и переводила сообщения, когда в мой кабинет вошла группа людей в традиционных арабских одеждах. Среди них был и Удей.

Удей в арабской одежде? Я не верила своим глазам.

Обычно за работой я сбрасывала одну туфлю с ноги и откидывалась на спинку стула. Так что сначала я чуть не упала со стула от удивления. Но, увидев улыбающееся лицо Удея, поняла, что передо мной Латиф Яхья — двойник сына диктатора.

Как бы то ни было, встречать иракских футболистов по возвращении домой послали Латифа. Это был один из тех случаев, когда Удей не мог сам присутствовать. Футболисты опозорили честь Ирака, и на родине их должно было ждать наказание, а не торжественный прием с участием старшего сына Саддама. Игроков бросили в тюрьму и подвергли пыткам.

Это было естественным следствием извращенной логики мышления Саддама Хусейна и его сына Удея. Для обычных людей футбол — это просто игра, в которой всегда есть победитель и проигравший. Таковы правила, и они всем известны. Проиграть с достоинством гораздо тяжелее, чем выиграть, потому что не все готовы к проигрышу.

Но если в матче есть победитель, то есть и проигравший.

Саддам Хусейн и его сыновья не умели проигрывать. Для них не существовало такого слова, как проигрыш. Для них существовала только победа. Комментируя войну с Кувейтом в официальном заявлении, Саддам сказал, что Ирак выиграл эту войну. Точно так же он ранее утверждал, что выиграл войну с Ираном.

В такие моменты я смотрела на него, думая про себя: «Кем ты себя возомнил, хабиби? Навуходоносором? Александром Македонским?».

Разумеется, вслух ничего подобного я не могла произнести. Я только откидывалась на спинку стула, закуривала сигарету, покачивала ногой в туфельке на высоком

каблуке и, прищурившись от сигаретного дыма, улыбалась. Саддам не был дураком, и он хорошо меня знал. Но он никогда не признался бы в том, что проиграл. Ни за что на свете. И несмотря на это, он знал, о чем я думаю. Для него мои слова звучали так же отчетливо, как если бы я произнесла их вслух. Но вслух я говорила:

— Конечно, ты выиграл, хабиби. Какие могут быть сомнения. Но мы-то с тобой знаем, как все было на самом деле. И этого достаточно, хабиби.

Дя, я не была красавицей, но у меня были привлекательная внешность и свой особый шарм. За годы, проведенные рядом с Саддамом, я научилась виртуозно общаться с мужчинами. От этого зависело мое выживание. И хотя речь шла не о соблазне или флирте, методы я использовала те же самые. Я научилась превращать врагов в друзей, научилась смешить тех, кто готов был убить, и только благодаря этому мне удалось выжить.

Латиф Яхья был двойником Удея довольно долго. Иметь двойника — все равно, что иметь брата-близнеца, и Латифу приходилось видеть то, чего ему совсем не хотелось видеть. В конце концов он не выдержал. Он пытался сбежать, но ему помешали. Когда Удей узнал об этом, он приказал поместить Латифа в клетку, причем такую, что в ней нельзя было сесть. Я знала, что в подвале есть такие клетки, но лично я их никогда не видела. Несчастный Латиф пробыл в одной из них несколько месяцев.

Мне было известно, что творит семья Хусейнов. Иногда я пыталась помочь их жертвам, но это было не-

просто. К тому же чем больше жестокости наблюдаешь, чем больше насчитываешь жертв, тем привычней становится для тебя страдание. В Ираке при Саддаме страдание вошло в привычку. Сложно приходилось каждому — физически или духовно. Мы все были как живые мертвецы, равнодушные к страданию других.

Тот, кто не был на моем месте, не может понять, каково было жить в безумном мире и не сойти с ума от всего ужаса, который там творился. Можно только удивляться, как люди вообще находили в себе силы жить. Выживание на пределе сил не оставляет людям времени на мысли о чем-то еще.

Саддам и его сыновья были средоточием зла в этом мире. Они были подобны яду, отравлявшему воздух, — пока все вокруг не заболели.

Пока Латифа держали в клетке в подвале, отец несчастного обратился к Саддаму Хусейну. Саддам сам был не лучше Удея, но он уже давно устал от диких выходов старшего сына и так и не простил ему убийство своего личного телохранителя. К тому же он подозревал, что Удей замышляет захватить власть в свои руки. Все эти причины и привели к тому, что Саддам согласился принять отца Латифа. В конце концов двойника Удея вернули семье. Латиф Яхья был при смерти, но каким-то чудом ему удалось выжить. Теперь он живет в Швейцарии, насколько мне известно.

Я впервые встретила Саддама Хусейна в то время, когда он только вернулся в Багдад из Египта, где его тщательно готовили к революционной борьбе.

Я помню, как мои родители говорили своим друзьям:

— Саддама Хусейна словно пропустили через автомойку.

У него появился лоск, которого раньше не было, хорошие манеры. Он научился правильно вести себя в обществе и элегантно одеваться. Но внутри Саддам остался прежним. На три четверти Саддам Хусейн состоял из чистого зла.

Но внешне показывал он иракцам то, что они хотели видеть. Сначала он одаривал своих подданных, а потом требовал от них благодарности:

— Я дал вам все это. Теперь вы должны отплатить мне своей жизнью.

Иракцам дорого пришлось заплатить за то, что Саддам сделал за годы своего правления. Кто-то в меньшей степени, кто-то в большей, но все пострадали за это время, что-то потеряли. Поразительно, что теперь мно-

гие иракцы мечтают, чтобы Саддам вернулся, — но такова природа людей. Жестокий диктатор подобен раку. Человек привыкает с этой болезнью жить. Привыкает избегать неминуемой опасности. Ненависть придает смысл его жизни. Когда жизнь больше похожа на смерть, единственное спасение находишь в ненависти.

Хаос мешает человеку ясно мыслить. Человек тщетно пытается навести порядок хотя бы в своей жизни. Саддам довел иракцев до крайней нищеты и отчаяния, но при нем в стране существовало абсурдное подобие порядка. По крайней мере, так иракцы теперь считают. Люди быстро все забывают и предпочитают кого-нибудь ненавидеть, потому что им некого любить.

Когда я оказалась в Таиланде, и американцы начали меня допрашивать, меня удивило то, что они сравнивали Саддама Хусейна с крестным отцом мафии, которого можно любить и ненавидеть одновременно. Так мне сказали сами американцы. Им было легко шутить, потому что им не пришлось провести рядом с этим человеком тридцать лет. Я же знаю, что ни один мафиозный главарь в мире не сравнится с Саддамом и его сыновьями. Мне видится злая ирония в том, что американцы именно так называли Саддама Хусейна, — особенно потому, что «Крестный отец» был одним из его самых любимых фильмов. Он мог смотреть его бесконечно.

У нас с Саддамом бывали моменты, когда мы рассказывали друг другу о своих семьях. Я гордилась своим отцом. Гордилась тем, что он оставил Грецию, чтобы поехать в Ливан, а потом в Ирак развивать нефтедобывающую промышленность. Можно сказать, что семья Саддама была полной противоположностью моей. Саддаму была незнакома любовь и забота близких. Внутри него была пустота, которую никто и ничто не могли заполнить. Иногда я отваживалась произнести вслух то, что думаю.

— Хабиби, родителей не выбирают, — говорила я. — Не важно, какое у человека было детство, он может изменить свою жизнь, если захочет. Все в его руках.

Порой мне казалось, что Саддам прислушивается к моим словам. Иногда он жаловался на свою мать, и тогда я говорила ему:

— Нельзя винить во всех своих бедах женщину. Женщина — сама жертва в этой жизни. Она зависит от других, но ты — нет. Ты мужчина, и ты свободен, хабиби. Ты живешь своей жизнью, а не жизнью твоей матери.

Все наши разговоры о его родителях всегда заканчивались одинаково. Взгляд Саддама становился совер-

шенно пустым. Он смотрел на меня так, как будто я была песком в Сахаре. Абсолютно без всякого выражения. Полная пустота.

Это выводило меня из себя. Почему ты не отвечаешь?

— Посмотри мне в глаза, Саддам! — произносила я требовательным тоном. — Я хочу знать, о чем ты думаешь! Скажи мне, что у тебя на сердце.

Думаю, именно эти моменты были причиной того, что Саддам никогда не забывал обо мне и все время призывал обратно. Он не мог обходиться без меня, потому только мне мог доверить свои самые сокровенные мысли.

2 августа 1990 года, спустя две недели после встречи Саддама с послом США, Ирак напал на Кувейт. Некоторые эксперты утверждают, что Хусейн неверно истолковал слова посла США. Он решил, что США не станут вмешиваться в конфликт между двумя арабскими государствами, но впоследствии американцы все отрицали.

Кувейт долгое время был всего лишь одной из провинций Османской империи, позднее находился под протекторатом Великобритании. В 1961 году Кувейт провозгласил независимость, но Ирак постоянно утверждал, что занимаемые Кувейтом территории исторически принадлежат Ираку, и угрожал вторжением. Саддама Хусейна останавливало только обещание британцев поддержать Кувейт в случае вооруженного нападения.

Причиной нового конфликта частично послужило требование Кувейта вернуть заем, который Саддам

Хусейн получил во время войны с Ираном, а частично — цены на нефть, которой в Кувейте было очень много.

Спустя полгода ожесточенных столкновений в конфликт вмешались коалиционные силы, возглавляемые США. Началась операция «Буря в пустыне». Иракские войска быстро отступили, понеся серьезные потери.

После войны в Кувейте Саддам начал массовые зачистки, чтобы избавиться от противников и укрепить свои позиции единоличного лидера страны. В результате выборов 1995 и 2002 годов Саддама единогласно избирали президентом. Но результаты этих выборов подвергались критике на Западе. Западные государства тревожило многое: коррупция, проблемы в нефтедобывающей отрасли, отказ сотрудничать с экспертами МАГАТЭ по ядерному вооружению, связи с «Аль-Каидой», планы создания оружия массового уничтожения и причастность к террористической атаке на США 11 сентября 2001 года. Все это и стало причиной вторжения в Ирак в 2003 году.

Все знали, что вторжение в Кувейт представляло угрозу США.¹ Будь на месте Саддама и его родственников другие люди, они хорошо подумали бы о по-

¹ Всех очень беспокоили дальнейшие планы Саддама. Положительно после нападения на Кувейт он планировал вторгнуться в восточную провинцию Саудовской Аравии (аль-Хаса). Это был бы удар по всей геополитической системе региона и по мировой экономике.

следствиях, прежде чем нападать на Кувейт. Но Саддам и его сыновья были неспособны к диалогу. Они умели только приказывать и подчиняться приказам. Мне часто приходилось видеть, как Удей пытается подражать Саддаму во всем, даже в том, как отец заканчивал разговор.

— Я Саддам, — говорил Саддам Хусейн.

— Я Удей, — говорил его сын.

Это звучало как эхо.

Члены клана Хусейнов не ладили друг с другом: они не доверяли друг другу, а без доверия невозможно сотрудничество. На людях они только изображали любящих родственников, тогда как на самом деле ненавидели друг друга и желали друг другу смерти.

О Кувейте во дворце говорили шепотом. Однажды после охоты мы отдыхали под деревом вместе с Удеем и Кусеем. Братья сидели в стороне от меня, взволнованно переговариваясь, и внезапно я услышала:

— Он с ума сошел! Хочет напасть на Кувейт.

Я тут же отсела дальше, чтобы не слышать, что они говорят о своем отце. Чем меньше я буду знать, тем лучше. Но меня мучила мысль: что если они говорят правду?

В Ираке всем было известно, что США — главный друг Саддама. Присутствие американцев было незримым, но весьма ощутимым. Лучше других это знал Саддам, которого США много лет использовали в своих целях. Но о чем он не подумал, так это о том, что, напав на Кувейт, он пошел против США.

Зачем Саддам это сделал? Саддам, который обожал ковбойские шляпы, бурбон, револьверы и американское кино про Дикий Запад. Все это доставляло ему удовольствие.

Слухи множились. Однажды Кусей устроил в своем особняке игру в покер. Там были его друзья, в том числе Харут; я тоже присутствовала. Чуть позже появился Удей. Здороваясь со всеми, он обронил фразу: «Все готово».

Повернувшись ко мне, Удей спросил, в курсе ли я, о чем речь.

— Нет! — Я поспешила покачать головой. — Понятия не имею!

Мужчины расхохотались. На самом деле я все поняла. Саддам принял решение атаковать Кувейт, территорию которого считал частью Ирака, несмотря на то, что существовали подписанные соглашения, утверждавшие обратное.

Это было просто невероятно. Иракский народ еще не оправился после кровопролитной восьмилетней войны с Ираном. Семьи еще не успели оплакать погибших членов. Страна лежала в руинах. Экономика была в упадке. Зачем Саддаму понадобилось начинать новую войну? Может, он действительно сошел с ума, как решили его сыновья? Потерял контроль над собой?

Через пару дней мы с Саддамом играли в шахматы. Это было одно из наших любимых занятий. Я играла в шахматы с детства, Саддам тоже неплохо играл, когда его мысли ничем не были заняты. Это был спокойный вечер. Я решила воспользоваться моментом и

спросить Саддама о нападении на Кувейт. Мне было интересно, о чем Саддам думал, начиная эту бессмысленную войну.

Протянув руку к белой королеве, я произнесла:

— Это Кувейт. Я жертвую им.

— Зачем ты так говоришь? — Саддам нахмурился. —

Прекрати!

— Меня ты не запугаешь. Хочу назвать свою королеву Кувейт и назову.

— Клянусь Аллахом, Парн, тебе из меня ничего не вытянуть.

— Посмотрим, — произнесла я с иронией. — У тебя нет Бога, хабибн: Саддам верит только в себя. Лучше поклянись чем-то, для тебя действительно святым, если хочешь, чтобы я тебе поверила.

Саддам притворился, что думает. Этот разговор забавлял нас обоих. Когда Саддам был в хорошем настроении, такие разговоры всегда заканчивались смехом и объятиями.

— Клянусь Халой, — сказал Саддам через некоторое время.

Хала была его младшей и самой любимой дочерью. Я одобритительно кивнула.

— Так кто напал на Кувейт?

— Я!

— Я — это кто?

— Я, Саддам.

— А кто стоит за Саддамом?

— Америка!

— Тогда зачем тебе было нападать на Кувейт?

Саддам посмотрел на меня в упор. После минутной паузы он произнес:

— Однажды я убью тебя.

— Нет, — сказала я спокойно. — Господь заберет меня к себе, когда придет время, хабиби.

Мы улыбнулись друг другу. Атмосфера тем вечером располагала к откровенности.

— Ты меня уже простил, — прошептала я ему на ухо. — Я всегда буду в твоём сердце.

Не закончив партию, мы удалились в спальню.

На следующее утро все было как обычно. Ответы Саддама меня не удовлетворили, но я знала, что с расспросами лучше подождать. Когда Саддам прислал за мной машину к офису, я не слишком удивилось: такое случалось довольно часто. Что меня удивило, так это то сдержанное достоинство, с которым он держался. А когда Саддам сказал, что любит меня, я впала в панику:

— Что случилось, Саддам? Ты заболел? Боишься умереть?

— Я никогда не умру, шакра, тебе это прекрасно известно. Я только хотел сказать, что ты была права. Американцы приняли решение по Кувейту.

Я была в шоке. С какой целью? Зачем? Неужели разразится третья мировая война?

Разумеется, Саддам подчинился. Его с детства учили подчиняться приказам. Он боготворил США. Язык приказов был единственным языком, который он знал. Он требовал от своих подданных полного подчинения, но и сам был готов подчиняться высшим по рангу.

В его случае это были США. Когда США что-то приказывали, Саддам немедленно подчинялся. Он не ожидал, что когда-нибудь США его предадут. Вмешательство США в конфликт с Кувейтом стало для него шоком. Но даже тогда Саддам не мог поверить в то, что Америка повернулась к нему спиной. Осознание пришло к нему, только когда Удей, Кусей и его четырнадцатилетний сын Мустафа погибли в сражении с американскими солдатами. Только тогда Саддам Хусейн понял, что больше не нужен американцам. Ход их рассуждений был ему прекрасно знаком, потому что Саддам мыслил точно так же. Он стоял у них на пути, значит, его надо убрать. Убрать как можно быстрее. США решили избавиться от Саддама Хусейна и выжидали подходящего момента.

Узнав, что американцы послали свои войска на помощь Кувейту, Саддам запаниковал. Он вместе со своей личной охраной скрылся в одном из своих дворцов. Через неделю я начала волноваться и передала ему сообщение. Ответ пришел мгновенно. Саддам приказал телохранителям доставить меня к нему.

На него жалко было смотреть. Меня поразило, как сильно Саддам изменился за такое короткое время. Глаза покраснели, словно он плакал.

За прошедшие десятилетия я играла много ролей в жизни этого мужчины, но в тот день я была ему матерью. Как его телохранители могли позволить ему голодать? Они что, не видели, что ему нужна помощь?

Я приказала сварить суп для Саддама, приготовила ему теплую ванну и попросила вызвать массажиста.

Поев, Саддам сказал:

— Я устал, Пари. Хочу спать. Не уходи, посиди со мной.

Я сделала, как он хотел. Я сделала для Саддама то, что сделала бы для любого другого человека в такой ситуации. Не любя его, я заботилась о нем. Всею свое время, думала я. Похоже, что время Саддама пришло. Вопрос был не в том, убьют ли его американцы, а в том, когда они это сделают.

На следующее утро мы с Саддамом сидели в саду. Вид у Саддама был по-прежнему усталый, но чувствовал он себя немного лучше.

— Ты заботишься обо мне, как о младенце, Пари. Никто больше обо мне так не заботится.

— Что ты знаешь о младенцах, хабиби! Разве я не говорила, что лучше не трогать Кувейт. Иракцы устали от войны, и всем известно, что Кувейт нам не принадлежит...

— Я доверял им, — сказал Саддам, перебив меня. — Они обещали мне поддержку...

Мои слова привели его в такую ярость, что он двумя кулаками ударил по столу. Зачем ты начал эту войну? Зачем пошел на эту глупость?

Бах!

Это Саддам выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Подбежали охранники. Я поняла, что зашла слишком далеко.

— Я не сдамся! — крикнул Саддам. — Никогда!

Меня отправили домой. Саддам решил еще три дня провести в одиночестве и все хорошо обдумать.

В эти три дня Удей начал отправлять через границу в Кувейт грузовики с конвоем. Мы называли Удея Али-Баба, потому что он вел себя как самый настоящий разбойник. Брал все, что попадалось ему на пути. Всем, кто работал на Удея, было запрещено покидать дворец. Мы должны были ждать грузовики. Удей сильно спешил. Самые богатые и влиятельные люди из аппарата Хусейна готовили пути отхода, пока Саддам в одиночестве думал, что делать дальше.

Я помню, как один грузовик отстал от колонны. Водитель очень устал. Я стояла рядом с Удеем и ждала появления грузовиков. Удей был в ярости. Он выхватил пистолет, намереваясь застрелить провинившегося, и я стала умолять его не делать этого.

— Пожалуйста, прости его! — сказала я. — Отдай кому-нибудь его грузовик!

Внезапно что-то отвлекло внимание Удея. Телохранители оттащили водителя в сторону. Я поняла, что его запрут в камере до того момента, как Удей решит, какое наказание ему назначить.

На следующий день я дождалась момента, когда Удей будет в хорошем настроении, и заварила ему чашечку «Нескафе» с молоком: Удей со временем начал предпочитать тот же сорт кофе, что и я. Положив на поднос цветок, я с улыбкой подала кофе Удею.

— Тебе что-то нужно, Пари, — сказал он. — Меня ты не обманешь!

— Ты рассердишься...

— Говори!

— Ты помнишь водителя грузовика?..

Удей заметно помрачнел, но я продолжала:

— Я прошу тебя помиловать его. Отпусти его!

— Нет!

— Пожалуйста!

Пожав плечами, Удей отдал распоряжение отпустить старика. То, что тогда творилось, было полным безумием. В отсутствие Саддама Удей делал, что хотел. Грузовики уезжали и возвращались с золотом, хрустальными люстрами, мебелью, картинами, техникой, украшениями, коврами, — все это было похищено из кувейтских домов... На территории дворца грузовики разгружали и отправляли обратно в Кувейт.

Приняв решение, Саддам вернулся в Багдад. Он решил не сдаваться. Саддам не был готов признать свое поражение, даже когда об этом говорили все факты. Ирак был на краю пропасти. Политическая игра, развернувшаяся вокруг Кувейта, была намного серьезнее, чем представлялось Саддаму. Он всегда был пешкой в политических играх других. Но понял это слишком поздно. И даже тогда продолжал недоумевать:

— Как американцы могли так поступить со мной?

Я была далека от большой политики. У нас в Багдаде и без политики хватало проблем, особенно после того, как американцы начали бомбить город. Саддам вызвал меня в свой кабинет и приказал оставаться с детьми в доме.

— Я устрою так, чтобы вы покинули Багдад вместе с моей семьей, — успокоил он мои страхи.

То же самое мне сказал Удей. Вернувшись в столицу, Саддам отдал всем похожие распоряжения.

— Оставайся в городе, — сказал он мне, — пока я не разрешу тебе уехать.

Дни шли, бомбы сыпались на город, и все, кто мог, уехали из Багдада. Однажды мне позвонил старый друг Башар Шибли Аль-Айасами и сказал, что надо уезжать, пока есть такая возможность. В свое время я хотела купить у него дом, чем вызвала гнев Удея и Саддама, но теперь клан Хусейнов уважал его из-за его отца. Мой отец и отец Башара когда-то ходили в одну школу в Бейруте и хорошо знали друг друга, вот почему его сын чувствовал за меня ответственность. На Ближнем Востоке дружественные и родственные связи очень важны. Их укрепляют при помощи школ, университетов, религии и родственных браков. Эти связи простираются за пределы одного государства. Во время войн и конфликтов люди стараются держаться вместе и всячески помогать своим. Вскоре после звонка Башар появился на пороге моего дома.

— Нужно спешить, — сказал он. — Собери вещи. Мы должны уехать из Багдада

— Но Саддам и Удей сказали...

— Они заняты другим. Пошли! Нам надо бежать! Все родственники Саддама тоже уезжают. Мы поедем в одном конвое.

Я упаковала одежду и золото, собрала детей, и мы поехали в дом Башара в Мансуре — самом престижном районе Багдада, где возле каждого особняка был огромный сад. Когда все собрались, мы поехали прочь из го-

рящего Багдада, на который продолжали сыпаться американские бомбы. Это был впечатляющий отъезд. Колонна из пятидесяти пяти черных «мерседесов», в которых сидели люди из окружения Саддама, включая его собственную семью.

Я понятия не имела о том, кто и когда отдал приказ покинуть Багдад. Не знала я и того, куда меня с детьми везут. Будет ли у нас еда и крыша над головой? Как долго нам придется в этом месте оставаться?

Я научилась не задавать лишних вопросов, но Башар сидел в одной машине со мной и детьми. С ним, в отличие от Саддама и Удея, можно было нормально разговаривать.

— Куда мы едем? — спросила я, не выдержав.

— В Ану, — ответил Башар.

Я кивнула. В этом была своя логика. Ана — это город на границе с Сирией. Американцы не рискнут сбросить бомбы в такой близости от другого государства.

Мы прибыли на место к пяти часам пополудни. К нашему приезду готовились, и встречал нас сам мэр города. Поклонившись, он сказал, что для него большая честь принимать таких важных гостей. Нас приняли в школе, которую специально по этому случаю всю застелили коврами, подали чай и еду. Потом мне с детьми выделили новый дом по соседству с домом Башара и его матери.

Я была рада уехать из горящего Багдада. В Ане было намного спокойнее и можно было не бояться за жизнь детей. В доме все было новое и чистое, и мы с облегче-

нием легли спать. Наутро мы проснулись от стука в дверь. Оказалось, что нам принесли завтрак, а также мед и свежий хлеб. Все были с нами очень любезны, и я до сих пор благодарна Башару за то, что он о нас позаботился. По вечерам он приходил к нам в дом играть в карты.

Откуда мне было знать, что он поступил самовольно, не спросив разрешения Саддама или Удея? Саддам не знал, куда я пропала, и был в ярости. Кто посмел вывезти Парисулу и ее детей из Багдада без его позволения?!

Однажды Башар пришел к нам бледный, как мел. Он был страшно напуган и сказал, что Удей срочно вызывает его в Багдад.

От него не было вестей несколько дней, и я начала волноваться. Я хорошо знала Саддама и Удея. Что еще они задумали?

Когда Башар вернулся, на нем лица не было. Он отказывался говорить, что произошло в Багдаде, — но вскоре объявился Удей со своей стражей.

Я с другими женщинами пекла хлеб. Я еще не привыкла к тому, что у меня больше не было прислуги и что мне самой приходилось убираться, готовить еду, мыть посуду, стирать, заботиться о детях и ухаживать за садом. За годы, проведенные рядом с Саддамом, я научилась выживать, но не жить. Жить обычной жизнью я начала только по приезду в Швецию.

Кухня была для меня новым местом, и в процессе готовки я оказалась вся перепачкана мукой, что рассмешило моих товарок. Дочери были дома, а Константи-

нос пошел на реку ловить рыбу. Все было тихо и мирно, пока не появился Удей.

— Кто тебе разрешил приехать сюда? Тебе было велено оставаться в Багдаде и ждать дальнейших распоряжений!

От удивления у меня пропал дар речи. Вместо меня ответил Башар:

— Это я увез Пари. Клянусь, я и пальцем ее не тронул, только хотел спасти от бомбежки!

Удей был в ярости. Он кричал, что убьет Башара, а меня немедленно отвезет обратно в Багдад.

Чем громче кричал Удей, тем тише и спокойнее я с ним говорила. Я подошла к нему совсем близко, коснулась его руки и назвала своим сыном.

— Здесь все твои родственники, — сказала я. — Езжай спокойно в Багдад и передай отцу, что у меня все хорошо. Все хорошо, хабиби!

Удей быстро успокоился. Я знала его почти так же хорошо, как его вспыльчивого отца.

Когда Саддам или его сын были в бешенстве, нужно было сначала думать и только потом говорить. Поэтому сначала я тщательно обдумывала свои слова, а потом начинала говорить, спокойно и тихо, и заканчивала почти шепотом. Это их успокаивало. С Саддамом и Удеем было бесполезно бороться их же оружием. У меня были свои, не менее действенные методы.

Но мне было прекрасно известно, что Саддам и его сыновья никогда ничего не забывают. Башара ждет на-

казание. Не сейчас, позже. Когда придет подходящий момент.

— О'кей, можешь оставаться, — сказал Удей в конце концов. — Но тебя нельзя есть местную еду. Она небезопасна. Я запрещаю тебе ее есть.

Удей и его охрана направились к машине и вернулись с ящиками, доверху заполненными едой и напитками. У Удея было много странностей, одной из них была боязнь бактерий. Как Саддам боялся отравления, так же его сын Удей боялся любой заразы. Он даже отказывался от традиционных поцелуев в щеку, предпочитая, чтобы его целовали в плечо.

Вот почему требование Удея меня не удивило. Но все эти коробки разгружались на глазах щедрых и любезных жителей Аны, и мне стало неловко. Хотя «неловко» — это еще слабо сказано. Я сгорала от стыда. Ситуация была настолько унижительной, что я боялась оторвать глаза от пола, но Удей был доволен, к нему вернулось хорошее настроение, а это было главное. Он подозвал к себе Башара и других и сказал, что они едут кататься в пустыню к границе с Сирией.

Была ли у Удея с собой ракетная установка? Я не знаю. Знаю только, что наши машины остановились в пустыне около уже готовой к стрельбе ракетной установки. Мы вышли из машин, и Удей приказал открыть огонь.

Звук залпа был подобен грому среди ясного неба. У меня подкосились ноги.

— Куда полетела ракета? — спросила я.

— В Израиль, — ответил довольный Удей.

Удей был безумен, это знали все, но насколько безумен, никто не догадывался. Было ли это его решением или он действовал по приказу Саддама? Сложно было сказать.

Все, что я знаю, так это то, что ракета вылетела в сторону Сирии, и Удей радовался этому, как ребенок новой игрушке. Не знаю, куда попала ракета и какой ущерб она причинила. Мы вернулись в Ану. Удей с телохранителями уехал в Багдад.

Вскоре мы тоже вернулись в Багдад. Дворцовая территория и штаб-квартира «Мухабарат» были уничтожены в результате бомбардировок, но здание Олимпийского комитета каким-то чудом сохранилось, так что мой офис был цел.

Однажды Башар снова пришел ко мне без предупреждения. Оказалось, что он хотел попрощаться. Удей приказал ему исчезнуть. У Башара было на это двадцать четыре часа, в противном случае ему грозила смерть. Думаю, от расправы его спасло только то, что его отцом был Шибли аль-Айасами.

— Я уеду в Ливию, — сказал Башар. — Приезжай ко мне, Пари!

Зная о «жучках», я ничего не ответила. Я не могла покинуть Багдад. Саддам не позволил бы мне этого.

У Башара был телохранитель, который сопровождал его с раннего детства, отвозил в школу и забирал из нее и так далее. Я его знала, но все равно удивилась, когда, после отъезда Башара, он нашел меня и сказал, что Башар поручил ему устроить мне и моим детям визу в Ливию.

Мне было прекрасно известно, что Саддам относится ко мне, как к своему имуществу. Но я не знала, что всем посольствам был дан четкий приказ: Парисуле Лампсос запрещено покидать Ирак. О визе в Ливию или какую-либо другую страну и речи быть не могло.

Мы вернулись домой. Не могу сказать, что я сильно расстроилась. Я уже привыкла к тому, что моей жизнью распоряжался Саддам Хусейн и что я не могла покинуть Багдад без его позволения.

У Башара все получилось. Из Ливии он поехал в Египет, где живет до сих пор. Он женат, и у него есть дочь, которую зовут Лиза, так же как и мою дочь.

Удея пытались убить в декабре 1996 года, когда он один, без охраны, ехал в своем желтом «Порше» по одной из главных улиц Багдада, где располагались самые дорогие бутики. Несмотря на двадцать выстрелов, Удей выжил, и со временем к нему вернулась способность передвигаться самостоятельно.

В 2003 году молодой иракец Салман Шариф выступил с заявлением, что попытка покушения на жизнь Удея была осуществлена группой сопротивления под названием «Шабан». Всем было известно о садистских наклонностях Удея и его неумном сексуальном аппетите, и люди хотели предотвратить будущие жертвы. По слухам, одну юную девушку облили медом и бросили на растерзание голодным собакам. Молодую новобрачную отобрали у мужа. Он пытался было ее защитить,

но был застрелен прямо на месте. Девушка же была изнасилована и убита.

За покушением на жизнь Удея последовала волна арестов и казней. Через пару лет «Мухабарат» вышла на след организаторов покушения в Иордании. Под пытками они признались, что знали о готовящемся покушении. Самому же Салману Шарифу удалось скрыться. Тогда вместо него казнили его отца и семерых братьев.

Я знала о страсти Удея к Лизе. Это меня сильно тревожило. Я старалась не выпускать дочь из виду и не позволяла ни одному другому мужчине приближаться к ней, боясь гнева Удея.

Я, как и многие, надеялась, что после покушения на Удея наша жизнь станет спокойнее. Но ничего не изменилось. Удей стал еще злее, еще вспыльчивее, еще непредсказуемее. Изнасиловать никого он больше не мог, но это никак не повлияло на его садистские наклонности.

Юные девушки продолжали умирать. Несчастные случаи, подозрительные самоубийства, случайные отравления... Некоторые просто бесследно исчезали. Я лично знала трех девушек, которые погибли при таинственных обстоятельствах, — но мы не могли обсуждать то, что случилось.

Это не было нашим выбором. Страх связывал нас язык. Многие уже умерли. Человеческая жизнь ничего не стоила. Но думать нам никто не мог запретить. И мы

мучились при мысли о том, как девушки умерли. Мгновенно и безболезненно? Сразу или после долгих пыток?

Я знала, что подруги Лизы умирали одна за другой. И если их отцы решались пожаловаться, они тоже умирали. Я решила, что Лизу нужно срочно вывезти из Ирака.

Я знала, что вывезти Лизу будет нелегко. Сначала мне нужно было найти мужчину, который за деньги согласится жениться на Лизе, а потом с ней развестись. Женщинам было запрещено покидать Ирак без сопровождения мужчин. Миллионы иракских мужчин погибли в кровопролитной войне с Ираном, длившейся семь лет. В стране осталось множество вдов. Чтобы утихомирить народное недовольство, Саддам Хусейн приказал, чтобы вдовам выдавали пособие, — но чем беднее становился Ирак, тем больше женщин, собрав последние деньги и драгоценности, покидали страну. Поэтому было введено новое правило, согласно которому женщина могла пересечь границу только в сопровождении родственника мужского пола, и из ценностей при ней могло быть только обручальное кольцо.

При этом о моих планах не должен был знать Удей. За моим домом постоянно следили люди Саддама или Удея, временами агенты тайной полиции ночевали у меня дома, потому что Саддам не доверял своему старшему сыну.

Жить в Багдаде становилось все сложнее, даже привилегированным членам иракского общества. Я балан-

сировала на тонком канате, натянутом между Саддамом и Удеем, и каждый неверный шаг грозил мне падением в пропасть. По вечерам я со страхом ждала дома возвращения Лизы и Алики со встреч с подругами, потому что произойти могло все что угодно. Однажды это уже произошло. Только увидев дочерей целыми и невредимыми на пороге, я могла вздохнуть с облегчением. Спасибо тебе, Господи, мои девочки дома.

Действовать нужно было неторопливо и осторожно. Покушение на Удея было совершено в декабре 1996 года, а Лиза смогла уехать из Ирака только в 1998 году. Продумав план действий, я поговорила с дочерью. Первого мужчину, которого я ей посоветовала, дочь отвергла, хотя у него были деньги. Вторым кандидатом был курд; Лиза согласилась выйти за него замуж, и он даже отказался от денег, искренне желая нам помочь. Мы выбрали наилучшую дату для отъезда Лизы из Ирака, но по-прежнему было не ясно, как сделать так, чтобы ее отъезд не вызывал подозрений. Ведь за нашим домом велось круглосуточное наблюдение.

В Олимпийском комитете Ирака у меня был один коллега, с которым у нас сложились дружеские отношения. Он занимал второе после Удея место в Олимпийском комитете и был членом партии «Баас». Звали его Али Салех ат-Турки. Али вместе со своей семьей проживал на территории дворца. Я рискнула попросить Али помочь с вывозом дочерей из Ирака.

Ситуация становилась все напряженной. Удей мне не доверял. Я была собственностью его отца, но я также

стояла на пути к Лизе, а Удей привык убирать всех, кто вставал у него на пути. Удей только и ждал, когда я буду больше не нужна Саддаму, чтобы нанести роковой удар. Моя собственная жизнь висела на волоске, но волновала меня только судьба моих детей.

Али сразу понял, что я задумала. Он сказал, что в его доме безопасно, за ним слежка не ведется. Мы решили, что Лиза с мужем выедут из его дома на дворцовой территории. Али пообещал все устроить. От меня требовалось только обеспечить брачный сертификат, чтобы новобрачные могли показать его на границе.

Это оказалось несложно. Удей сбросил бы мне на голову атомную бомбу, если бы знал, что я задумала, — но мне удалось найти сговорчивого имама, который за двести американских долларов согласился тайно поженить курда и мою дочь.

Имам подписал бумагу, в которой говорилось, что моя дочь замужем за курдом. Теперь все было готово к отъезду.

В назначенный день мы с Лизой поехали в дом Али. Все шло по плану. Мы поужинали с Али и его семьей и остались у них на ночь. На следующее утро муж Лизы приехал на машине, в которую села моя дочь. По официальной версии они ехали в Иорданию, в гости к сестре жены Али.

— Свидетельство о браке у вас есть, значит, все будет хорошо, — заверил нас Али.

В то утро была хорошая погода. Мне хотелось верить Али, но никто из нас не знал, чем все это закончится.

В худшем случае нас всех ждала смерть. В том числе и Али. Одна малейшая ошибка — и нам уже не спастись.

Каждое утро, начиная с того дня, мы просыпались в страхе. Но когда живешь в безумном мире, самое главное — не потерять рассудок. Я молила Господа защитить мою старшую дочь и уверяла себя, что поступила правильно. Порой мне казалось, что я одна в густом лесу, полном хищных животных. Меня никто не учил бороться и выживать, это искусство мне пришлось осваивать самой. И если меня и ждала смерть, то я готова была встретить ее с высоко поднятой головой.

Дочери удалось пересечь границу. Разведясь с мужем, она отправилась дальше в Грецию к нашим родственникам.

Вскоре у меня на пороге появился Удей с охраной. Он был в бешенстве. Но я ждала его прихода. Несмотря на страх, я гордилась тем, что сделала. Мне удалось перехитрить самого Удея. Никогда больше он не приронется к моей девочке. Я победила! Столько девушек погибло, но Лиза осталась в живых.

Удей вдребезги разнес стол в гостиную. Продолжая спокойно сидеть в кресле и смотреть на Удея, я сказала:

— Тебе придется заплатить за всю мебель, которую ты ломаешь. В этом доме она недешевая. Это был старинный персидский стол.

Я боялась, что голос выдаст мой страх, и старалась говорить как можно спокойнее. Но на самом деле я была на грани нервного срыва. Что я несу? Ситуация была

просто абсурдной. Как я могу требовать от Удея, чтобы он заплатил за испорченную мебель?

— Где Лиза?

— Моя мать при смерти. Я не могла поехать и послала вместо себя Лизу.

Ложь. Поразительно, как виртуозно способен человек лгать в критические моменты! Я спланировала все до последней детали, кроме того, что ответить Удею, когда он припрет меня к стенке своими вопросами. Но когда это произошло, слова нашлись сами собой. От страха я едва дышала. Что сделает Удей? Я быстро сообразала, что еще сказать в свою защиту.

— Спроси у отца, если не веришь, — прибавила я. — Моя мама тяжело больна. Я попросила Саддама отпустить меня, но он отказал.

Частично это было правдой. Если бы люди или обстоятельства помешали Лизе пересечь границу, то Саддаму я сказала бы в свое оправдание: «Я же спрашивала у тебя позволения поехать!»

Но сейчас передо мной был не Саддам, а Удей. И с ним нужно было быть предельно осторожной.

— Лизы не будет пару недель, — продолжала я. — Я сама отвезла ее на пограничный пункт Требиль. Это правда. Спроси у отца.

Моей силой было то, что я никогда не просила Саддама или его сыновей о помощи. Я всегда говорила, что сама справлюсь. В этом крылась ирония, потому что любой из них мог убить меня в любой момент.

Саддам иногда спрашивал меня, почему я не обращаюсь к нему со своими проблемами, и я всегда отвечала

одинаково: «Зачем мне это делать, хабиби? Я сама со всем справляюсь. Мне не нужна твоя помощь. Как и твои деньги».

За это Саддам меня уважал. Хотя, пожалуй, это слишком сильно сказано. Но он ценил мою силу воли и упорство, с которым я старалась сохранять свою независимость. И каждый раз, когда я говорила Удею: «Спроси у отца», — я напоминала ему о своем особом положении.

Удей считал, что у меня было позволение Саддама, а Саддам ценил мою самостоятельность. Эти два обстоятельства и позволили мне выкрутиться из той опасной ситуации. Если бы не моя хитрость, мне никогда не удалось бы вывезти детей из Ирака. Но я продумывала каждый свой шаг, просчитывала все последствия и взвешивала каждое слово — только так я смогла выжить.

В конце концов Удей сдался и уехал. Я страшно боялась его возвращения и мести, которая могла последовать за мой своевольный поступок. Разнесенный в щепки стол был ничто по сравнению с тем, на что был способен Удей. Он был не из тех, кого легко можно было одурачить, и Удей никому не прощал обмана.

Али Салеха ат-Турки, который так помог мне с Лизой, я знала уже много лет. Мы вместе работали в Олимпийском комитете Ирака. Али был вторым человеком в комитете после Удея и хорошо знал о моих отношениях с Саддамом. Сначала он боялся даже разговаривать со мной. Он говорил, что дружба со мной может дорого ему обойтись. И его опасения были небеспочвенны. Флирт со мной мог стоить человеку жизни. Один фривольный взгляд в мою сторону — и смельчака ждала неминуемая смерть. Несмотря на это, между нами всегда существовало притяжение. Али был счастливо женат, но его брак, как и многие другие браки мужчин из окружения Саддама Хусейна, был устроен по политическим и финансовым соображениям. Муж и жена зачастую были близкими родственниками из одного клана. Так они знали, что могут доверять друг другу. Разумеется, в таком браке людям не хватало любви. Так было с Саддамом, и так же было с Али.

Мне тоже было одиноко. Вернувшись из Ливана, я запретила себе думать о Сиропе, но Али напомнил мне о том, что я женщина и что я способна испытывать влечение к мужчине.

Мы с Али никогда не занимались сексом, но мы испытывали влечение друг к другу, и это делало нашу жизнь интересней. Мне случалось находить на своем рабочем столе букет цветов. На открытке было написано, что цветы от сотрудниц архива, — но когда я приходила поблагодарить их, они только хихикали:

— Али ат-Турки сказал нам, что напишет на открытке, что цветы от нас.

Были и другие милые мелочи, от которых у меня на сердце становилось тепло.

Помню, как-то раз я зашла к Али в кабинет с папкой документов. Пока мы болтали, Али откинулся на спинку стула так, что тот встал на задние ножки. Али решил сцепить руки на затылке, но в этот момент стул опрокинулся и Али рухнул на пол.

В испуге я подбежала к нему, чтобы помочь встать на ноги, — но он лежал на полу в такой забавной позе, что я не смогла удержаться от смеха. Али тоже расхохотался, а когда я пыталась помочь ему встать, потянул меня на себя так, что я с трудом устояла на ногах. Это была игра. До сих пор помню, как весело нам было в тот день, когда я пыталась поднять его на ноги, а он всячески мне мешал.

Но в какой-то момент Али застыл. Я обернулась. В дверях стоял Удей с телохранителями. Они ни на минуту не оставляли его одного, даже дома. Заходя ко мне в кабинет, Удей всегда оставлял одного охранника у двери.

— Что здесь происходит? — произнес Удей притворно любезным голосом, в котором слышалась явная угроза.

— Али, тебе надо починить стул! — сказала я и, по добрав папку, выбежала из кабинета.

Саддам превыше всего ценил контроль. Чтобы понимать, что стояло за его поступками, нужно понимать, как важно было для Саддама контролировать ситуацию. То обстоятельство, что Саддам был единоличным правителем Ирака, только усиливало его потребность в контроле. Он никому не доверял и подозревал всех — даже собственных сыновей. Ему повсюду мерещились враги. Чем больше Саддам убивал людей, тем больше он боялся мести их друзей и родственников. Ощущение тревоги не покидало его ни на секунду.

Я помню нашу первую встречу в доме Харута. Слова, которые Саддам сказал тогда своему сводному брату Барзану: что я принадлежу ему. Помню его взгляд. Его голос. Чувство собственника. Саддам всегда был таким. Годы его не изменили.

Удей был весь в отца. Он жаждал абсолютного контроля. Но если Саддам вырос в нищете, то Удей был сыном президента — богатым, избалованным, испорченным и самовлюбленным эгоистом. Он не знал сострадания к другим людям. Удею никогда не приходилось ни за что бороться. Но, как и его отец, он боялся потерять свою власть.

Нет никаких сомнений в том, что Удей заметил, какие дружеские отношения сложились у меня и Али, — но почему-то он не доложил об этом отцу. Если бы он это сделал, Али уже был бы мертв. Впрочем, Удею нечего было бы рассказать. Мы с Али не сделали ничего плохого. Все, что Удей видел, так это только радость в

наших глазах. Моя проблема заключалась в том, что мне плохо удавалось скрыть хорошее настроение. В минуты счастья я вся светилась.

Думаю, жена Али это тоже замечала. На праздниках в их доме Али постоянно крутился возле меня, всячески демонстрируя свою привязанность. Он всегда готов был прийти мне на помощь. Мне сложно описать наши отношения, но они были как лед и пламя. Мы то пожирали друг друга глазами, то игнорировали. С годами мы стали хорошими друзьями. Али считал меня и моих детей своей семьей. Он относился к нам с любовью и заботой, хотя мы и не были кровными родственниками. Моя любовь осталась в Бейруте, но рядом с Али мне было спокойно, потому что в этом мире был человек, которому я могла доверять. Мы доверяли друг другу в мире, где доверие было равносильно самоубийству.

Но все чаще я ловила на себе подозрительные взгляды Удея. Ничто не ускользало от его внимания. У него был нюх на все, что касалось секса или плотского желания. Однажды он вызвал меня к себе в кабинет и без обиняков спросил:

— Ты спишь с Али?

— Нет, — ответила я.

— Хорошо. Потому что если я об этом узнаю, я убью тебя.

За себя я не переживала, потому что была под защитой Саддама. Если меня кто и убьет, то только Саддам. Я боялась за Али. Удей был его непосредственным начальником. Удею ничего не стоило расправиться с неудобным подчиненным, кто бы он ни был — политик,

офицер или чиновник. Как и у Саддама, у Удея всегда был при себе пистолет.

Днем я выкроила минуту и зашла к Али. Постучавшись, приоткрыла дверь и прошептала:

— Меня кое о чем предупредили. Тебе не стоит со мной разговаривать.

Али поднял глаза и медленно кивнул. Конец веселью. Нам было грустно, но никто из нас не хотел умирать.

Тем же вечером я вышла на прогулку с собакой. Мой дом находился под постоянным наблюдением, но рядом находился небольшой парк, где я часто гуляла с собакой, чтобы побыть наедине и собраться с мыслями. Приблизившись к парку, я заметила машину Али в переулке. Увидев меня, он вышел из машины и негромко сказал:

— Иди сюда, Пари! Присядь на минутку в машину!

Я медленно пошла к машине, ничего не говоря и не подавая вида, что что-то не так. Мне хотелось заплакать, но я сдерживалась. Подойдя к машине, я сказала Али, что, если сяду в его машину, его убьют. После чего развернулась и побежала домой.

Я так и не узнала, как сложилась впоследствии судьба Али.

Кто-то сказал мне, что ему удалось бежать из Ирака, и что он живет в Европе или в Дубаи. Может, он даже здесь, в Швеции? Я точно не знаю.

Я только знаю, что все, что было мне дорого и доставляло мне радость, у меня отняли.

Когда моему младшему сыну Константиносу исполнилось семнадцать лет, Удей начал звонить по ночам и звать его к телефону. Это меня не на шутку встревожило. Удей хотел, чтобы Константинос сопровождал его во время походов в ночные клубы, составлял ему компанию на вечеринках и печально известных прогулках на лодках по Тигру. Он мог позвонить посреди ночи и велеть ему приехать. Сын тогда еще учился в школе, и по ночам ему нужно было спать, но Удею до этого не было никакого дела.

— Пошли с нами! — Шикарная вечеринка! Роскошные девочки тебя уже ждут.

Это не предвещало ничего хорошего. Удей требовал, чтобы молодые мужчины из его окружения находили для него девственниц. Я слышала достаточно историй про отрезанные языки, таинственные исчезновения, подозрительные аварии и найденные массовые захоронения молодых людей, чтобы начать переживать из-за повышенного интереса Удея к моему сыну.

После долгих раздумий я решила, что нужно подождать, пока Константинос закончит школу. Последние недели перед экзаменом ему, как и другим иракским

школьникам, было запрещено покидать дом. А потом его нужно будет любым способом вывезти за пределы Ирака.

На этот раз я обратилась к Джамалю — высокопоставленному чиновнику, отвечавшему в Ираке за выдачу паспортов. Но я не стала просить о помощи: это вызвало бы у Джамалья ненужные подозрения, и он мог бы пожаловаться президенту. У Саддама Хусейна я научилась тому, что демонстрация силы — лучший способ ведения дел. Константиноса намного сложнее было вывезти, чем Лизу, потому что наши с ним имена находились в списке лиц, которым было запрещено покидать Ирак без специального разрешения. Вот почему мне так важно было продемонстрировать Джамалю свою силу. В результате я просто пошла в кабинет Джамалья, подошла к его столу и, посмотрев чиновнику прямо в глаза, громко и четко сказала:

— Моему сыну нужен паспорт, чтобы выехать из Ирака. Он должен быть готов через три дня. Ни минутой позже.

Джамаль кивнул. В этом он не отличался от других мужчин. Сильная женщина напоминала им о матери. Кроме того, за мной повсюду следовала тень Саддама: одного этого было достаточно, чтобы внушать людям страх. Джамаль и представить не мог, что какая-то женщина могла набраться наглости и за спиной у Саддама потребовать паспорт для своего сына. Внутри я вся тряслась от страха, но внешне сохраняла полное спокойствие. Любые проявления чувств в моей ситуации можно себе позволить, только когда никто не видит.

На третий день я отвезла Константиноса к Джамалю подписывать паспорт. Затем я отправила сына в школу и, не предупредив его, начала собирать вещи. Мне было прекрасно известно, что и у стен есть уши, особенно в моем доме. По-прежнему не говоря никому ни слова, я сбросила сумки с крыльца на землю, а потом отнесла в машину.

Сын вернулся из школы, и нужно было ехать, но меня вдруг охватила паника. Я знала, что надо было спешить. В любую секунду Джамаль мог обмолвиться Саддаму, что я попросила оформить паспорт для Константиноса. Но несмотря на это мне было больно расставаться с сыном. Он был так молод. На щеках только-только начала появляться щетина. Пока мы ждали паспорт, я помогала ему побриться первый раз в жизни. Я плакала от нежности, проводя бритвой по его щеке, покрытой легким пушком.

Мне понадобились все мои силы, чтобы успокоиться, потому что моя материнская нежность могла стоить сыну жизни. Когда мы сели в машину, я включила музыку на полную громкость и посвятила сына в свои планы. Я отвезу его на границу с Иорданией, и оттуда ему придется продолжать путь одному. Это для его же блага.

Думаю, он меня тогда не понял. Я сделала для него все, что было в моих силах. Всю жизнь я работала, чтобы у моих детей была крыша над головой и еда на столе, и они привыкли к моей постоянной заботе. Вот почему Константиносу было трудно понять, зачем я отсылаю его прочь, да еще и одного.

Всю дорогу до Требиля я держала Константиноса за руку. Мне было страшно. Я боялась, что нас остановит «Мухабарат», боялась, что Константинос не сможет добраться из Иордании в Грецию в одиночку, но мне ничего не оставалось, как рискнуть. Мы ехали тринадцать часов подряд без перерыва до самой границы, и ни на минуту меня не оставлял страх, что нас остановят. Если бы о моем замысле узнал Удей, он убил бы Константиноса. Он и не на такое был способен. Поступки безумца не поддаются логике. Отпустить Константиноса одного было единственным способом спасти его от неминуемой смерти.

Высадив Константиноса с сумками на границе, я тотчас отправилась обратно домой. Еще тринадцать часов за рулем без перерыва. После этого оставалось только ждать звонка Удея. Он не заставил себя долго ждать.

— Константинос в Греции, — ответила я на его требование позвать сына.

— В Греции? С чего это вдруг?

Я знала, что на этот раз Удей так этого не оставит, поэтому, положив трубку, села рядом с красным аппаратом, готовая в любую секунду набрать номер Саддама. Вскоре раздался стук в дверь. Это был Удей.

— Где Константинос? — сразу спросил он.

— Я же сказала, что в Греции. Можешь проверить его комнату, если мне не веришь!

Удей бросился вверх по лестнице и через секунду вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Он не имел права уезжать из Ирака! — заорал он, спускаясь по лестнице.

Я смирила Удея взглядом. Закинула ногу на ногу и сидела, покачивая ступней в туфельке на высоком каблуке. Когда дело касалось моих детей, я готова была идти до конца. Удею меня не сломить. Он может избить меня до смерти, но своих детей я все равно спасу.

— Удей! Кто ты такой, чтобы говорить мне о правах?

В тот момент я чувствовала себя тигрицей, защищавшей своих детенышей. Мне снова удалось перехитрить Удея. Я прекрасно знала: в будущем меня ждет наказание за то, что я осмелилась пойти против его воли, — но это в будущем, а в тот момент я ощущала триумф. Даже страх улетучился.

Моему сыну удалось попасть в Грецию. Господь сотворил чудо, позволив ему бежать из Ирака. В Греции его приютил один из моих братьев, и, отслужив в греческой армии, Константинос занялся ресторанным бизнесом. Мой сын серьезный и ответственный молодой человек. Он держит в Афинах свой ресторанчик.

Константиносу не понравилось, что я дала интервью американскому телевидению, рассказав правду о своей связи с Саддамом Хусейном, и с тех пор наши с сыном отношения усложнились. Но я верю, что со временем Константинос меня поймет. И надеюсь, что это произойдет до того, как Господь призовет меня к себе.

С каждой новой встречей Саддам выглядел все хуже. Перед ним постоянно возникали новые проблемы, которые нужно было решать, и они касались не только политики, но и его родственников, жен и детей. Саддам раздал своим родным высокие посты, чтобы самому всем заправлять в Ираке, но его родственники больше не боялись диктатора и все время создавали проблемы, которые в свою очередь влекли за собой новые проблемы. Это давно уже было понятно всем, кроме Саддама. Он словно жил в своем мрачном кровавом мире, погружаясь все глубже в бездну безумия. У Саддама было много врагов. Но он не обладал моей способностью превращать врагов в друзей. Скорее, наоборот. Он не прощал обид, мстя за каждый, даже самый невинный, промах. Ему повсюду мерещилось предательство. Люди погибали при невыясненных обстоятельствах почти каждый день. Смерть стала частью повседневной жизни. Однажды Саддам поднял на меня усталый взгляд и произнес:

— Пора нам с этим заканчивать, шакра.

— Как? — спросила я, стараясь не выдать своего страха.

— Не знаю. Мне нужно подумать. Но одно я знаю точно: ни один другой мужчина к тебе не прикоснется.

Это было первым тревожным сигналом. Когда-то Саддам дал мне четко понять, что я являюсь его собственностью. Теперь он так же прямо сообщил, что меня ждет смерть. Но он не сказал когда. Или как. Пока еще этот момент не настал. Пока Саддам не был готов достать пистолет и застрелить меня. Может, он решил поручить это кому-то другому? Удею?

Пришло время и мне бежать из Ирака. Я не могла ждать отъезда Алики, потому что промедление грозило смертью нам обоим.

Мне было прекрасно известно, что Удей мечтает от меня избавиться и ищет повод очернить меня в глазах отца. Он не простил мне того инцидента с сигаретами и не забыл, что я втайне от него вывезла Лизу и Константиноса из Ирака. Без защиты Саддама у меня не было никаких шансов на спасение.

Однажды Удей позвонил мне в кабинет. Взяв пару документов на подпись, я пошла к нему. Когда я вошла в офис Удея, тот стоял перед шкафом.

— Не хватает кассет из Кувейта, — сказал Удей.

— Вот как, — проговорила я. — И, поскольку тебе нужен повод, чтобы от меня избавиться, ты теперь скажешь, что это я их украла.

Удей напрягся.

— Ты умная и смелая женщина, — произнес он вдруг заискивающим тоном. — Мне следует быть с тобой осторожным.

Я не видела кассет, о которых говорил Удей, но он с удовольствием мне о них рассказывал. На этих кассетах было записано, как молодых кувейтских женщин насиловали, подвергали пыткам и потом убивали. Для Удея это было реалиями войны, и ему доставляло удовольствие приказывать снимать групповые изнасилования на видео, а потом отправлять кассету семье жертвы. Это случалось и в Багдаде, но в Кувейте такие убийства стали систематическими.

В Багдаде мне всегда приходилось быть настороже. За самыми невинными с виду словами крылся тайный смысл. Я прекрасно поняла, что Удей этим хочет сказать.

Он играл со мной, как кошка с мышкой, ожидая удобного случая, чтобы отправить на тот свет. Ему было прекрасно известно, что Лиза никогда больше не вернется в Ирак. Как и Константинос. Удей знал, что мне удалось перехитрить его, и не мог этого простить.

Выйдя из кабинета Удея и закрыв за собой дверь, я вернулась в свой кабинет. Нервы у меня были натянуты до предела, а сердце так гулко колотилось в груди, что я боялась, что кто-то может это услышать. Саддам и Удей оба намереваются от меня избавиться. Нужно срочно что-то предпринять.

Наша с Саддамом последняя встреча была совершенно обычной, такой же, как многие прежние встречи. Мы должны были ужинать в особняке, где обычно встречались, но я не помню, позвонил ли Саддам сам или послал за мной людей. Его люди всегда докладывали диктатору, где я нахожусь и чем я занимаюсь, чтобы

он в любой момент мог со мной связаться и вызвать к себе. Ему важно было иметь надо мной полный контроль. Но я не должна была знать, где находится и чем занимается Саддам, — и никто другой тоже. Саддам никому не доверял. Для него важнее всего была атмосфера секретности; он стремился к тому, чтобы ни один человек не знал, где он окажется в следующий момент, и не мог спланировать покушение. Саддаму повсюду виделась опасность. Он думал, что ему удастся пережить даже самую смерть.

Со временем Саддам превратился в настоящего параноика. Он мог позвонить и сказать, что находится в Мосуле (город на севере Ирака), а потом вдруг появиться у меня за спиной. Мое искреннее удивление доставляло ему удовольствие. Точно так же он «удивлял» всех остальных людей из своего окружения.

На место нашей последней встречи я прибыла с острым ощущением, что Саддам уже там и ждет меня. Не спрашивайте, откуда я это узнала. Я просто чувствовала, что он там. Проведя много лет в безумном мире Саддама Хусейна, я научилась доверять своей интуиции. В мире, где бесполезна логика, приходится полагаться на шестое чувство.

Это меня напугало. Как могла я быть настолько уверенной в том, что он там, если мне никто об этом не сказал? Откуда это ощущение тревоги? Может, все мои чувства обострились из-за страха? Может, мне все это мерещится? Я что, стала таким же параноиком, как Саддам?

Обычно я ждала прихода Саддама на веранде, освежаясь прохладительными напитками и любуясь видом

реки. Но на этот раз я решила проверить, правду ли мне сказали инстинкты, и постучалась в дверь личного кабинета Саддама.

Он тут же открыл мне дверь. При виде меня его лицо исказилось от гнева.

— Кто тебе сказал, что я здесь?

— Никто, хабиби. У меня было такое чувство...

— Ты лжешь! Кто тебе сказал? Я убью его!

Мне удалось успокоить Саддама, но сама я никак не могла успокоиться. Интуиция меня не обманула. Я чувствовала опасность спинным мозгом. Чувствовала ее знакомый запах. Этот вечер был не таким, как все. Что-то случилось. Все мои чувства обострились до предела. Мне стоило огромных усилий сдержаться и не закричать.

За едой мы, как обычно, болтали. Поужинав, вернулись в кабинет Саддама, выглядевший, как библиотека: книжные шкафы из темного дерева, большой камин, дорогие ковры и удобные кожаные кресла. Там мы часто проводили вечера. Саддам пил виски, я пила мартини. Именно в такие моменты мы, бывало, вели откровенные разговоры, но в этот вечер я никак не могла расслабиться. В чем дело?

Внезапно — этот взгляд. Змеиная улыбка Саддама.

— Пари, ты изменилась.

Я сделала вид, что ничего не поняла. С древних времен женщины знают, как нужно реагировать в таких ситуациях. Улыбнувшись Саддаму, я беззаботным тоном произнесла:

— Это ты изменился, хабиби! Ты, а не я.

Саддам проигнорировал мои слова.

— Я все вижу. Ты больше не та Парн, которой была прежде. Сколько раз я говорил тебе не меняться? Всегда оставаться такой же, как прежде?

— Я люблю тебя, хабиби! Люблю, как и прежде.

— Ты лжешь! Что мне с тобой сделать?

Я покачала головой. Саддам был прав. Я изменилась. Страх меня изменил. И в тот момент мне было по-настоящему страшно. Я поняла, что делать вид, что все в порядке, бесполезно, и просто молча смотрела на Саддама. Под моим пристальным взглядом Саддам нахмурился и спросил:

— Что означает этот взгляд?

— Я думаю о том, как сильно мы с тобой изменились за эти годы, хабиби.

Позже я думала, что, возможно, неверно истолковала его слова. Мне грозила опасность, в этом не было никаких сомнений. Но, может, в тот вечер дело было не во мне, и Саддама разгневал кто-то другой.

Меня продолжала одолевать тревога. Может, это мой страх перед будущим бросился в глаза Саддаму? Может, это его он принял за перемену во мне в тот момент, когда я нужна была ему такой, как прежде — смелой, беспечной, жизнерадостной, своевольной?

Все эти мысли пришли позже. Но тогда я думала только о том, что мне нужно как можно быстрее бежать из Ирака.

Несмотря на этот пугающий разговор, в ту ночь мы спали вместе как ни в чем не бывало, и револьвер Саддама по обыкновению лежал рядом с изголовьем. Утром

мы распрощались, и я поехала на работу. Больше Саддама я не видела. Даже после интервью американскому каналу Эй-би-си Саддам не пытался со мной связаться. И он никак интервью не прокомментировал. Но он его видел. В этом у меня нет сомнений.

Вечером я поехала домой. Мне нужно было побыть одной. Собраться с мыслями. Я знала, что нужно бежать, но не знала как. К тому же со мной была Алики, моя младшая дочь. Не могла же я оставить ее одну в Багдаде. И мне было тяжело покидать свой дом — дом, который я полюбила. Но если бы я осталась в Ираке, Саддам непременно убил бы меня. И тогда моя дочь осталась бы без матери, и дом мне был бы уже не нужен.

Часами я мерила шагами комнату, потом не выдержала, вышла в сад и подняла глаза к небу. Светила полная луна. Я верю, что в жизни каждого человека рано или поздно наступает решающий момент — момент, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь. Впоследствии можно сказать себе: «Тогда, именно в тот момент это и произошло. Я решилась».

Вглядываясь в луну, я различала в ней контуры лица мужчины. Мне казалось, он тоже меня видит и слышит, о чем я думаю. И внезапно меня осенило. Вот он, решающий момент. Лунный человек улыбнулся мне. Клянусь всем, что для меня свято, он улыбнулся мне. Его улыбка была моим благословением. Она была подтверждением того, что я приняла верное решение: мне придется оставить Алики и уехать из Ирака.

Шел 2001 год. Я начала готовиться к отъезду. Морально и физически. Саддам жить не мог без охоты, и я знала, что рано или поздно он отправится охотиться. Я намеревалась воспользоваться его отсутствием в городе, чтобы бежать. К этому моменту все должно быть готово к побегу.

В моем доме в Багдаде уже много лет жил мальчик по имени Эдмонд. Его мать осталась одна с детьми после гибели мужа на войне, и им постоянно не хватало денег. Вот почему я позволила ее сыну Эдмонду у себя поселиться. Он жил со мной и моими детьми с малых лет, еще когда не мог без табуретки дотянуться до стола. Отучившись в школе, Эдмонд остался с нами. Он жил в доме прислуги и помогал по дому. В его обязанности входил уход за садом, Эдмонд также открывал двери гостям, убирался на веранде и выполнял мелкие поручения.

По вечерам Эдмонд часто ждал моего возвращения в кухне, даже если я задерживалась. И он не мог не заметить моего напряжения: Эдмонд слишком хорошо меня знал. Он тревожился за меня, но не мог спросить, в чем дело, потому что в доме были прослушивающие устройства. Мы все научились разговаривать глазами, даже Эдмонд. Однажды вечером он обратил на меня вопрошающий взгляд:

— Пари?

Я знаком велела ему молчать и вслух сказала:

— Спокойно ночи, Эдмонд! Увидимся завтра.

Когда мои дети были младше и мне нужно было сказать им что-то важное, не предназначенное для чужих

ушей, я отвозила их на машине к реке. Оставив машину, мы шли на поляну, окруженную старыми деревьями, ветви которых нависали над водой. Нам нравилось сидеть на ветках и болтать ногами в воде. Это было прекрасное время, и мы провели возле реки много чудесных минут. Когда дети подросли, я продолжала ездить туда одна, когда мне нужно было подумать.

После обеда я отправилась к реке с Эдмондом. Мы оставили машину, спустились к воде и присели под деревом. Я сказала Эдмонду, что мне нужен отпуск, что я устала и хочу отдохнуть. Эдмонд кивнул. По мне было видно, что отпуск мне действительно необходим. Мы продолжали разговаривать о том, о сем, и я как бы невзначай спросила Эдмонда, как дела у его сестры. Мне было известно, что одна из его сестер замужем за человеком из Дахука — города на границе с Турцией.

— Она знает, что ты живешь у меня? — прибавила я.

Он кивнул. Все в его семье знали, что в свое время я позаботилась об Эдмонде, обеспечив ему пропитание и кров.

Через пару дней я снова отвезла Эдмонда к реке, взяв с собой несколько апельсинов, которые мы съели на берегу.

— Эдмонд, я тебе дорога? — спросила я через некоторое время.

— Пари, только Господь знает, как я тебя люблю. Ты спасла мне жизнь. Ты для меня как мать.

— Тогда ты можешь мне помочь, Эдмонд? Когда-то я помогла тебе, теперь мне нужна твоя помощь, понимаешь?

Эдмонд положил в рот дольку апельсина. В глазах у него был страх, но, чтобы воплотить свой план в жизнь, мне нужно было напугать его еще сильнее.

— Если ты, Эдмонд, хоть словом обмолвишься о нашем разговоре, нам обоим не жить. Ты не должен никому об этом говорить, понимаешь?

Эдмонд молча кивнул. Багдад был опасным городом. Те, кто не умел держать язык за зубами, сильно рисковали. Но я хорошо все обдумала и решила довериться именно Эдмонду.

— Я хотела бы поехать навестить твою сестру в Дакхук и побыть там пару дней. А оттуда поехать в Грецию к своему сыну. Я вернусь, но сейчас мне обязательно нужно уехать.

Эдмонд снова понимающе кивнул. Разумеется, он не знал всей истории, но был достаточно умен, чтобы не задавать лишних вопросов.

— Я завтра позвоню сестре из дома матери, — сказал он.

Я ввязалась в опасную игру, которая могла стоить мне жизни. И не только мне. Эдмонду тоже.

Нам повезло. Эдмонд жив. У него небольшой магазинчик в Багдаде. Теперь Эдмонду известно, что тогда я своей просьбой подвергала его большой опасности, и я благодарна ему за смелость.

Вскоре Эдмонд принес вести от своей сестры в Дакхуке: она с радостью ждет моего приезда.

Я сердечно поблагодарила его и сказала:

— Теперь раздобудь мне такси. Найди человека с машиной похуже. Чем проще и неприметней она будет

выглядеть, тем лучше. И никому не говори, для кого она. Если спросят, объясни, что планируешь навестить родственников в Дахуке.

О том, чтобы сбежать из Багдада в моем «мерседесе» или в «рейнджровере», и речи быть не могло. «Мухабарат» была на чеку. Мне нужна была неприметная машина, которая в обедневшем, голодном и разоренном Ираке ни у кого не вызывала бы никаких подозрений.

С собой я взяла только одну сумку, дамскую сумочку и своего песика — Тигра. Я боялась, что без меня с ним что-нибудь случится, и не могла оставить его дома. Одна мысль об этом вызывала у меня панику. Сумку я набила долларами, зная, что мне придется много заплатить, чтобы сбежать из Ирака. Побег двоих моих детей стоил недешево.

Своей младшей дочери Алики я ничего не сказала. Невозможно выразить словами, как больно мне было оставлять ее одну. Мне предстояла еще одна разлука с моим ребенком. Еще одна разлука без слез и слов прощания. Еще одного ребенка я бросала на произвол судьбы, лишая своей поддержки и заботы. Свои украшения я оставила дома — для дочери, чтобы она смогла жить на вырученные за них деньги, пока я не придумаю, как вытащить ее из Ирака.

Других средств у меня не было. Никаких счетов за границей или недвижимости. У членов семьи Хусейна были золотые банковские счета в Швейцарии. Министры и другие чиновники также позаботились о своем будущем, переведя деньги за границу, но у простых иракцев такой возможности не было. Как и денег, кото-

рые можно было бы припрятать. Я много думала о том, чтобы открыть счет в другой стране: я хорошо зарабатывала, и деньги у меня имелись. Но у меня не было позволения покидать Ирак, и за мной постоянно следили. И не было человека, которого я могла бы попросить открыть счет за меня, не рискуя его жизнью. Любую попытку перевести деньги за границу Саддам воспринимал как желание сбежать из страны. Сделай я это, я была бы уже мертва. Хотя счет в иностранном банке был бы мне весьма кстати.

На часах было десять утра. Последние дни я прощалась с каждым деревом в своем саду, каждым цветком, с каждым окном в доме, каждой дверью и стеной — прощалась со всей своей прошлой жизнью.

Мой дом сохранился. Он по-прежнему мне принадлежит. Но я не могу вернуться в Багдад, как и не могу продать дом. Скорее всего, я никогда больше его не увижу. Потеря дома — большая трагедия для женщины. Часть меня навсегда осталась в Багдаде. Мой сад, который столько лет был моим утешением и защитой от внешнего мира, все еще хранит следы моих шагов.

Настал день отъезда. Приехала старая развалюха, которую для меня раздобыл Эдмонд, и я села в нее с Тигром и единственной сумкой, наполненной деньгами.

Перед этим я разбудила дочь. Я не могла ничего сказать ей о своих планах без риска для ее жизни, поэтому изо всех сил старалась вести себя как обычно.

Я хорошо помню то утро. Помню холод внутри. Помню, как я сидела на кухонном стуле, откинувшись на

спинку. Помню, как изображала спокойствие, ни на секунду не забывая о «жучках». Я не могла позволить себе сказать хоть что-то, что вызвало бы у Алики подозрения. Стараясь, чтобы голос не дрожал, я сказала дочери, что она немедленно должна идти в дом к нашей родственнице, потому что ей нездоровится и нужна помощь.

В этом не было ничего необычного. Послушные дочери должны помогать родственникам, когда те болеют. Это входит в их обязанности. Я хорошо помню то утро. Алики в ее новом платье. И то, как собиралась бросить ее одну в Багдаде, не зная, удастся ли кому-нибудь из нас выжить.

— Возьми мою машину, — сказала я, кинув Алики ключи, — и поезжай прямо сейчас.

— Твою машину? — удивилась она. — Почему?

В глазах дочери появилась тревога. Я встала со стула и с притворным нетерпением махнула рукой:

— Мне все равно пора купить новую. Поезжай! Они тебя ждут. Хабиби, я тебя люблю.

Последние слова вырвались у меня непроизвольно. Мне не стоило этого говорить. Слишком сильные слова для обычного утреннего разговора. И все равно я не могла рассказать дочери правду. Для ее же безопасности, Алики лучше было ничего не знать, потому что, когда ничего не знаешь, ничего не сможешь никому рассказать. Как бы это у тебя ни выпытывали.

Впоследствии у меня много раз спрашивали: «Как ты могла оставить свою родную дочь одну в Багдаде?»

Я отвечала, что не могла поступить иначе. У меня не было другого выхода. Мне приходилось принимать

сложные решения, от которых зависела не одна человеческая жизнь. Неизвестно, как поступил бы другой человек на моем месте.

Тогда я не знала, удастся ли мне сбежать из Ирака. Многие пытались и потерпели неудачу. Если бы я взяла с собой Александру, и мы попали бы в руки агентов «Мухабарат» — что они с ней сделали бы? Групповое изнасилование? пытки? Тюремная камера? Быстрая смерть или медленная?

Моя дочь жива. Вот что я отвечаю тем, кто задает мне вопрос, как я могла оставить ее одну. Я знаю, что приняла правильное решение.

Я ехала к сестре Эдмонда в Дахук — ту часть Ирака, где традиционно проживали курды. Там мне предстояло связаться с теми, кто за деньги переправляли людей через границу с Турцией, или, точнее говоря, перевозили их по мосту Джалиль через реку Тигр. На другой стороне меня должен был ждать мой сын Константинос, чтобы отвезти в Грецию. Остановиться я рассчитывала в доме сестры Эдмонда. Я надеялась, что мне не придется долго ждать «контрабандистов».

Поездка в Дахук была долгой. Заночевать я планировала у родственников Эдмонда в деревне под Мосулом. Эдмонд записал мне адрес на бумажке, но, когда мы с водителем добрались до места, уже стемнело, и мы никак не могли найти нужный дом. Водителю приходилось несколько раз останавливаться и спрашивать дорогу. Мне было страшно. Что если наши расспросы вызовут подозрения у местных жителей. Кто друг, а кто

враг? Кто донесет, а кто нет? Кто запомнит женщину с собачкой на заднем сиденье и доложит о ней «Мухабарат»?

Наконец мы приехали, и меня тепло приняли. Хорошо, что в трудные времена находятся люди, способные помочь ближнему. Родственники Эдмонда оказались смелыми и добрыми людьми. Они дали мне чаю с сыром и приготовили для меня комнату на чердаке. Сыр я разделила со своим песиком, а потом легла спать, прижав к себе Тигра, запах которого напоминал мне о доме в Багдаде, что было хоть каким-то утешением.

На следующее утро меня уже ждала машина, чтобы ехать дальше в Дахук. Я попросила водителя притормозить у телефонной будки и позвонила сестре Эдмонда по номеру, который он мне дал. Трубку снял ее муж. Он спросил:

— Где ты?

— В центре города, — ответила я.

— Сейчас буду.

Что-то было не так. Я кожей это чувствовала. С каждой секундой ощущение тревоги усиливалось. Что-то было не так — но что? Я не доверяла мужчине, который подъехал к телефонной будке на автомобиле. Он заметно нервничал и отводил взгляд. Но делать было нечего, и я поехала к нему домой. Там я впервые встретила сестру Эдмонда. Ей хотелось непременно знать, как я планирую покинуть Ирак.

— Мне нужно только перебраться через мост, а там меня встретит сын, — пояснила я.

— А кто переправит тебя через мост?

Такие детальные расспросы вызывали у меня подозрения. Кроме того, в Багдаде все руководствовались главным правилом: чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Уже одно то, что сестра Эдмонда и ее муж позволили мне жить у них, было рискованно. Они меня не знали. Не знали, кем я прихожусь Саддаму Хусейну. Вряд ли Эдмонд им об этом рассказывал. Его родственники согласились мне помочь исключительно из благодарности за то, что я помогла Эдмонду, когда тот был маленьким.

Мне пришлось ждать целый месяц. Я заплатила много денег за то, чтобы меня переправили через мост, но те люди, что обещали это сделать, только забрали деньги и пропали. Наконец поздно вечером раздался стук в дверь. Я в то время была в своей комнате, но муж сестры Эдмонда зашел ко мне и сказал:

— С тобой хотят поговорить.

Я сразу все поняла. Прочитала по глазам этого человека. Я внимательно посмотрела на него и сказала:

— Ты ведь знаешь, кто это, не так ли?

Спустившись вниз с Тигром и сумкой, я увидела сестру Эдмонда. Вид у нее был совершенно потерянный.

— Прости меня, — всплеснула она руками. — Мне так жаль...

— Не надо ни о чем жалеть. Мне от этого ни жарко и ни холодно. Иншаллах.

На улице меня поджидали мужчины в традиционных курдских одеждах. «Мухабарат». Тайная полиция Саддама. Их можно было узнать издалека. Не могу объяснить это словами, но я мгновенно поняла, кто они и зачем приехали. Наверно, в человеке все-таки

есть что-то от животного, чующего опасность по запаху. Нужно уметь доверять своим инстинктам. Я всегда поступаю так, как подсказывает мне интуиция, и редко ошибаюсь.

Мужчины затолкали меня в джип вместе с собакой и сумкой и отвезли в свою штаб-квартиру. Там у меня отобрали все, кроме собаки. А затем начался ужасающий спуск в подземелье. Лестницы, лестницы без конца, темные сырые коридоры, стены, покрытые плесенью. Все время вниз. Одиночные лампы едва освещали проход. В подземной тюрьме было пустынно, но мы миновали много запертых камер, в которых наверняка томились заключенные. Всю дорогу меня сопровождали охранники в белых одеждах.

Вспоминая этот ужасный спуск в неизвестность, я снова чувствую то, что чувствовала тогда. Пустоту. Пустоту внутри. Онемение. Ноги с трудом слушались меня. Руки похолодели. В конце концов мне показалось, что душа покинула мое онемевшее тело, поднялась к потолку и смотрит на все происходящее сверху вниз.

Меня никто не касался. Никто ничего не говорил и не объяснял. Не говоря ни слова, охранники заперли меня в темной камере и оставили одну. Я огляделась по сторонам. Неужели здесь мне предстоит умереть? Я прижала Тигра к груди. Мое единственное утешение.

Страх граничит с безумием. Я присела в углу камеры, прижимая к себе Тигра. Было ужасно холодно. Мысленно я разговаривала со своими детьми. Молилась Богу.

Потом меня допрашивали курдские офицеры. Я не говорю на их языке, но арабский они и слышать не желали.

— Замолчи! — сказал мне следователь. — Я не хочу слышать в этих стенах арабский язык. Куда ты дела видеокассеты? Где они? Где ты их спрятала?

Я прекрасно поняла, о чем шла речь. О тех самых кассетах со съемкой в Кувейте, в пропаже которых Удей уже однажды пытался меня обвинить. Услышать о том, что я украла кассеты Удея, было все равно, что получить личное сообщение из дворца в Багдаде.

Следователь понятия не имел, какой на самом деле была ситуация, но мне Удей четко дал понять, что ничего не забыл. Моя смерть была лишь вопросом времени.

Я молчала. У страха много лиц. Одно из них схоже со злобой. И в конце концов я не выдержала и сорвалась:

— Один курд получил много денег за то, чтобы переправить меня в Грецию. Спросите его, почему я до сих пор здесь.

Я со страхом вспоминаю тот допрос. В ту минуту я действительно думала, что мне грозит смерть.

Но на свете бывают чудеса. Слово «Греция» пробудило в следователе человеческие чувства. Оказалось, что у него есть брат в Греции, а сам он давно сам мечтает сбежать из Ирака. Мы договорились, что я попрошу своих братьев помочь ему в этом деле.

Жизнь полна скрытых возможностей. Нужно только вовремя их увидеть: они способны перевернуть вашу жизнь.

Я так долго просидела в подземелье, что перестала различать день и ночь, потеряла счет времени. Не знаю, сколько я находилась в той темной холодной камере. Потом мне сказали, что мое заключение длилось тринадцать суток. Я не знаю, так ли это. Но это не играет никакой роли, потому что мне они показались вечностью. Важнее то, что там, в этом мрачном подземелье, я остро ощутила желание жить. Внезапно в моей голове раздался голос: «Я хочу жить». Этот голос рассек темноту мощным потоком света, и я поразилась тому, каким сильным было желание жить. Мне казалось, что я уже потеряла надежду, когда спускалась в подземную тюрьму по темным коридорам, — но надежда вспыхнула во мне с новой силой и придала моим мыслям другое, более конструктивное направление: как мне выбраться живой из этой камеры?

У меня не было ответа на этот вопрос. Но я понимала, что нельзя сидеть сложа руки. И, не имея никакого другого плана, я решила снова сделать то, что мне всегда так хорошо удавалось — превратить своих врагов в друзей.

Один курд регулярно приносил мне в камеру еду и питье. Раньше я сидела в углу, прижавшись к стене, равнодушная ко всему, что со мной происходит. Но, когда он пришел снова, я улыбнулась с благодарностью и сказала:

— Спасибо. У твоей матери чистое молоко.

Эти слова — самый лучший комплимент. Так я поразила курду глубокое уважение, и он любезно мне поклонился. Вместе с желанием жить ко мне вернулся и дар располагать к себе других людей.

Перемены были разительными. Курд принес мне чистую одежду, и еда стала лучше. Охранники даже выгуливали мою собаку. Постепенно меня перевели в женскую тюрьму, где я оставалась около месяца, и даже вернули мне дамскую сумочку, так что я смогла заплатить за то, чтобы мне дали верхнюю койку у окна и разрешили взять с собой в камеру собаку. Лежа в кровати, я видела сквозь решетку кусочек неба. Мое заключение можно было назвать сносным. Конечно, другие заключенные держались со мной настороженно, но были среди них и те, с кем можно было поговорить. И, что самое главное, там было светло.

Охранник, который перевел меня, сказал, что в женской тюрьме я могу чувствовать себя в безопасности. Что он имел в виду? И почему я до сих пор жива? Может, они планируют отправить меня обратно в Багдад? Разумеется, никто не мог мне ответить на эти вопросы, и со временем я перестала их задавать. Это было бесполезно. Я всегда полагалась на свою интуицию и училась читать между строк. В той ситуации, в которой я оказалась, мне оставалось только ждать.

2 8 мая 2001 года я записала мелким почерком в свой и без того уже исписанный блокнот:

Дорогой сын!

Я нахожусь в тюрьме в Дахуке, но если встать на стул, то можно выглянуть в окно. Каждый раз, делая это, я вижу тебя. Ты не представляешь, как сильно я мечтаю прижать тебя к своей груди, почувствовать твой запах. Лежа в кровати по ночам, я думаю о тебе, представляю твой голос, и это помогает мне заснуть. Мне страшно, Константинос.

Лизе я тоже написала письмо:

Дорогая Лиза, моя прекрасная дочка! Как же мне хочется быть рядом с тобой, разговаривать по душам! Не знаю, что со мной будет. Может случиться так, что я умру здесь. Но я хочу попросить тебя, Лиза, об одной вещи. Будь такой, как твоя мать! Будь сильной! Заботься о своей сестре и своем брате. Я люблю тебя, моя девочка. Если я умру, пожалуйста, позаботься о Тигре.

В Дахуке я написала своим детям много подобных писем. Я до сих пор храню их в своем блокноте. Тогда я не знала, выберусь ли из тюрьмы живой. День за днем я писала детям письма.

Не плачьте! Я вернусь! Я так сильно по вам всем скучаю. Без вас мне так одиноко...

Мой блокнот хранит память и про плохие дни, и про хорошие. Иногда мне казалось, что я умру там, в тюрьме в Дахуке. Иногда мне казалось, что курды не позволят этому произойти. По ночам я спала, обнимая Тигра, и мне снилось, что я у себя дома в Багдаде. Я скучала по родным стенам и ощущению безопасности.

Однажды за мной пришли охранники. Другие заключенные в ужасе смотрели, как меня ведут к двери.

Я спросила:

— Куда вы меня ведете?

И в ответ услышала:

— Тебя отправляют в Багдад.

У ворот тюрьмы меня ждала машина. Я не стала задавать вопросов. Своим побегом я дала Саддаму все основания от меня избавиться. И даже если он сам не захочет этого делать, то Удей уж точно не преминет со мной расправиться.

Я молчала. Руки и ноги меня не слушались. Все тело как будто онемело. Я крепче прижала к себе Тигра. И в

этот момент ко мне повернулся тот самый следователь, который мечтал перебраться в Грецию.

— Мне жаль, что я не смог вам помочь, — сказал он.

Я кивнула и взглянула на машину. Она была белая, без номерных знаков — именно такими обычно пользовалась «Мухабарат». У иракских военных были черные машины, а у агентов «Мухабарат» — белые. Так было у них заведено. Машина оказалась довольно старой, местами покрытой ржавчиной.

— Эта колымага не доедет до Багдада, — заметила я.

Следователь в панике взглянул на меня, и я поняла, что он что-то скрывает, но не хочет этого показать.

— Все будет в порядке, — сказал он. — Надеюсь, мы встретимся снова. При более благоприятных обстоятельствах.

Если он сейчас читает эти строки, то пусть знает, что я ему очень благодарна. Он хорошо ко мне относился. На заднем сиденье автомобиля уже лежала моя сумка. Содержимое никто не тронул. Это было странно, потому что полицейские могли без проблем забрать деньги у заключенной, — но они этого не сделали. На свете есть добрые люди, и решать проблемы всегда лучше, чем их создавать. Господь велел нам творить добро, и он жестко наказывает тех, кто на это не способен.

Пора было ехать. Шофер поздоровался. На вид он был ровесник моего сына. Привлекательный молодой человек. Я невольно улыбнулась. И он улыбнулся в ответ, чуть заметно подмигнув. Я заметила это, но не поняла смысла. Я до сих пор помню эту сцену: загадочные слова следователя и едва заметное подмигивание шофе-

ра. Но если сегодня мне известен смысл того, что происходило тогда, то в тот день много лет назад я испытывала только страх. Смертельный страх. Мысль о возвращении в Багдад внушала мне такой ужас, что я не могла ясно мыслить.

— Куда мы направляемся? — спросила я, сев на заднее сиденье.

Шофер посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Трудно было представить, что в таких старых машинах тоже могут быть установлены «жучки», но кто знает, на что способна «Мухабарат».

— В Багдад, — ответил шофер, заводя двигатель.

Так всегда бывает, когда люди общаются при помощи кодов. Глаза говорят больше, чем слова. Но я была так напугана мыслью о предстоящей встрече с Саддамом и своей скорой смерти, что не понимала, что мужчина пытался мне сказать. Я тогда находилась в таком состоянии, что не могла разобрать даже обращенные ко мне слова, не говоря уж о выражении глаз. Всю дорогу я думала не о том, умру я или выживу, а о том, будут ли меня пытаться, перед тем как умертвить. Насиловать, разрывая на части, мучить электрическим током, избивать дубинками, как в тот день, когда Удей прислал своих людей наказывать меня.

Только позднее я поняла, что курды пытались мне сказать. Если бы я ехала на смерть, следовательно не стал бы намекать на встречу в будущем. Так он хотел дать мне понять, что меня повезут не в Багдад, и что я не умру. Глаза его говорили мне: «Увидимся в Греции, Пари! Твой час еще не настал».

Мы ехали по той же дороге, по которой я пару месяцев назад ехала к сестре Эдмонда в Дахук. Дорога была разбитой и шла через обнищавшие деревни.

Проехав Мосул, мы достигли дорожной развилки. Прямо шла дорога на Багдад. Вправо — дорога в Иорданию. На перекрестке нас ждала машина. Завидев нас, шофер посигналил фарами. Не могу передать, что я чувствовала в тот момент. Я думала, что еду на смерть. Я ничего не знала о шофере и ничего не знала о людях из другой машины. От страха я не могла даже пошевелиться. Силы покинули меня. Я едва могла дышать. Машина остановилась. Я прижала Тигра к груди. Что сейчас со мной будет?

Водитель знаком велел мне молчать и сказал:

— Жди здесь.

Я видела, как открываются багажники, как руки передают толстые пачки денежных купюр. Мужчины действовали молча и сосредоточенно, я же боялась даже повернуть голову. Молодой водитель взял мои сумки и отнес в другую машину. Потом мне знаками велели пересаживаться. Я молча подчинилась. За рулем сидел иракец. Мотор он даже не заглушал. Не глядя на меня, он развернул машину и поехал в сторону границы с Иорданией. Я сидела на заднем сиденье с собакой в руках и смотрела, как поворот на Багдад скрывается из виду.

Кто этот мужчина? Чьи это были деньги? Кому за меня заплатили? Куда меня везут? Зачем? Что они со мной сделают? Убьют и снимут на видео, чтобы послать Саддаму? Он будет сидеть в своем кресле, смотреть кассету и смеяться? Что мне сделать, чтобы избежать пыток?

От страха мысли мои перепутались. Неизвестность страшила меня так, что я была не в состоянии осмыслить происходящее. Вместо этого мои мысли обратились в прошлое — в детство, когда все было просто и понятно. В то время, когда я действительно была счастлива.

Я сидела на заднем сиденье. Иракец вел машину, не позволяя ни мне, ни Тигру справиться нужду. Он вел, я молчала. Но моя душа была в родительском доме в Багдаде. Мы всей семьей сидели за столом, и папа возмущался отсутствием у нас хороших манер. Я словно перенеслась в другое измерение, где мне было хорошо и уютно. Как во сне, я сидела и улыбалась, пока машина несла меня к неведомой цели.

Мы ехали очень долго. Когда машина, наконец, остановилась, я очнулась от забытья и узнала пограничный город Требиль.

Требиль? Боже милостивый! Неужели меня хотят переправить в Иорданию?

Шофер забрал мой паспорт, который мне отдали в тюрьме в Дахуке, и сказал:

— Оставайся здесь.

— Но мне нужно в туалет, — произнесла я протестующим тоном. — Я хочу пить. Собаку нужно выгулять. Мы столько ехали...

— Нет! Сиди здесь!

Через некоторое время он вернулся и велел следовать за ним. Когда я, открыв дверь, выпустила Тигра, водитель закричал, что собака останется в машине. В пограничном участке нас ждал мужчина в униформе.

Он удивленно посмотрел на меня, потом на экран монитора, затем протянул руку за деньгами.

— Я только хотел взглянуть на тебя, — сказал он. — Иди, пока я не передумал.

Я вылетела из комнаты в страхе, что он передумает и отправит меня назад в Багдад.

В 2001 году экономика Ирака была полностью разрушена. Пропаганда продолжала восхвалять Саддама Хусейна как одного из самых легендарных арабских правителей за всю историю Ирака, но в действительности он жил в уединении, пытаясь разрешить все склоки, затеянные его тикритскими родственниками, которых он когда-то сам назначил на самые высокие посты в стране.

Весной 2003 года в Багдад вошли войска ООН, но Саддама они не нашли. Его удалось обнаружить только в ноябре того же года в подземном бункере в деревне под Тикритом. На суде Саддам Хусейн вел себя вызывающе и отказывался признать себя виновным. Его приговорили к смерти за преступления против человечности и повесили 30 декабря 2006 года.

Мне вручили мои сумки. Вместе с ними и Тигром я пешком перешла через границу в Иорданию. Там меня ждала новая машина с другим шофером. Едва

мы сели в машину, как он достал сотовый телефон и позвонил своему начальству. По-арабски он произнес:

— Она здесь.

Я по-прежнему не знала, куда меня везут, но теперь хотя бы знала, что нахожусь в Иордании. У меня не было никаких иллюзий. Кто меня выкупил? Вряд ли полиция Дахука. У них нет столько денег. «Мухабарат»? Но зачем спецслужбе убивать меня в Иордании, когда это можно было сделать в Ираке?

Мысли вертелись в голове каруселью. Если можно заплатить, чтобы вывезти человека из Ирака, то точно так же можно заплатить, чтобы вернуть его обратно. «Мухабарат» была повсюду. Для Саддама Хусейна границ не существовало, а летом 2001 года он все еще был у власти.

Иракец отвез меня в отель в Аммане. Отель был недорогим, но вполне приличным и чистым. Типичный семейный пансион, но даже там я не могла расслабиться. Мысли о том, что будет со мной дальше, не давали мне покоя.

— Оставайся здесь, — сказал приказным тоном мужчина, внося мои сумки в комнату.

И исчез.

Я подчинилась. Три дня я жила в отеле. Никто ко мне не приходил. Никто не звонил. Когда же за мной придут? И кто?

Я по-прежнему понятия не имела о том, кто выкупил меня из тюрьмы и вывез из Ирака. Денег в сумке оставалось немного, платить за отель было нечем, и я,

не выдержав, позвонила сестре моей подруги, которая, как мне было известно, живет в Аммане.

— Привет, это Пари!

Сестра подруги очень удивилась, услышав мой голос, — но еще больше она удивилась, когда узнала, что я уехала из Ирака и нахожусь в Аммане. Но она тут же предложила мне помочь найти дешевую квартиру.

Так я покинула отель. Я не знала, что за него платил Иракский национальный конгресс (ИНК). Откуда мне было это знать? Откуда мне было знать, что это они вывезли меня из Ирака? И что американцы через них оплатили мой побег из Ирака.

Позднее я узнала, что сначала они потеряли меня из виду в Дахуке, когда я оказалась в тюрьме. Второй раз они потеряли меня в Аммане, когда я выехала из отеля. Мне было велено оставаться в отеле, но я не знала, кто отдал такой приказ и почему, и решила его послушаться. Собрав сумку, я взяла собаку и отправилась на съемную квартиру, которую мне нашла сестра подруги. Это была одна из тех квартир, которые снимают семьи на длительный срок: это дешевле, чем жить в отеле или арендовать дом. В моем новом доме жили сразу несколько больших семей. Порой в одной квартире оставались целых три поколения одного клана. Располагался дом на тихой улочке, и позади него был сад, в котором по вечерам все ужинали.

В моей новой квартире была гостиная, спальня, ванная и кухня. Я подписала договор с хозяйкой и заплатила за два месяца вперед, после чего отправилась в магазин, где на оставшиеся деньги купила все необходимое:

«Нескафе», еду, мыло, шампунь, шоколад и другие мелочи. Я была ужасно голодна. Когда я нервничаю, я много ем. Вернувшись в квартиру, я набросилась на еду, после чего легла спать и не вставала целые сутки. Через два дня в дверь постучала хозяйка:

— Как дела? С тобой все в порядке? Соседи волнуются, что ты не выходишь из квартиры.

Думаю, это было последствием шока. Я столько дней жила в постоянном страхе, а поездка из Ирака лишила меня последних сил. Неудивительно, что мой организм не выдержал. Но с аппетитом вернулась и тревога. Что делать, когда деньги закончатся?

Я не выходила из дома. Ни с кем не встречалась и спала круглые сутки. Когда другие постояльцы пили в саду кофе и общались, я только смотрела на них из окна, чувствуя себя совершенно без сил. Все эти дни я только и делала, что ела и спала. Два месяца подходили к концу, и нужно было снова платить за квартиру. Передо мной опять встал вопрос, что делать дальше.

Однажды я почувствовала острую боль в груди, от которой стало трудно дышать. Тогда я еще не знала, что у меня проблемы с сердцем. Невыносимая боль вызвала у меня панику. Слава богу, сосед услышал мои крики о помощи. Оказалось, что он врач. Осмотрев меня, он сказал, что ситуация очень серьезная, и отправил меня в больницу.

Когда страна находится в состоянии войны, люди меняются. Они учатся молчать, не задавать вопросов, лгать и быть настороже. В Ираке во время правления

Саддама Хусейна ложь стала постоянным спутником каждого. Правда могла стоить человеку жизни, тогда как вовремя придуманная ложь могла жизнь спасти. Мое сердце не выдержало всех этих переживаний, и я оказалась в больнице.

Из больницы я вернулась слабой и болезненной. Семья врача тем временем уехала домой, но сам он еще оставался в доме, и мы иногда вместе пили кофе. Мы подружились. С ним было спокойно, как с братом. Но хозяйка квартиры стала относиться ко мне со все большим подозрением. Она забрасывала меня вопросами:

— У тебя что, нет семьи? Нет мужа? Откуда ты? Куда направляешься?

Мне было все труднее подыскивать ответы.

Когда деньги кончились, хозяйка дома, родом из Сирии, сказала, что без денег я не могу у нее оставаться. Или мне придется нанять троих ее детей семь дней в неделю.

— Ты согласна?

Я не боюсь работы, но эта женщина хотела меня унижить. Что-то во мне ее раздражало, и ей хотелось на мне отыграться.

Она забрала у меня кровать, оставив один матрас, заставляла есть вместе с остальными постояльцами, обращалась со мной, как с рабыней. Для меня, привыкшей жить в роскоши, привыкшей к уважительному отношению, это было кошмаром. Я была вынуждена спать на полу, терпеть оскорбления и работать семь дней в неделю с утра до вечера, но другого выбора у меня просто не было. Сестра подруги, которая помогла мне с квар-

тирой, четко дала мне понять, что больше ничем мне помочь не может, потому что боится последствий моей связи с Саддамом Хусейном.

— Парн, ты должна меня понять, — сказала она в заключение.

Из-за того, что моя младшая дочь все еще оставалась в Багдаде, я боялась связываться с Лизой и Константином, но жизнь моя была настолько кошмарной, что я все-таки попросила своего нового друга-врача помочь мне с обращением в посольство Греции.

В посольстве хорошо знали меня и мою семью. Меня хорошо приняли, но отказались пустить в Грецию, так как официально я была гражданкой Ирака. Я в панике смотрела на любезных греков, пытаюсь понять, что их останавливает. Они же знают моего отца и знают, что оставаться в Ираке небезопасно. Почему они не могут разрешить мне въехать в Грецию на то время, пока я не восстановлю гражданство?

Ответ был очень простым:

— Мы просим вас уйти. Греции не нужны проблемы с Саддамом Хусейном.

Мне ничего не оставалось, как уйти. Второй раз Греция меня предала. В первый раз это произошло, когда Саддам приказал мне вернуться в Ирак и отобрал у меня греческий паспорт. Тогда меня и моих детей спокойно выпустили из страны без всяких документов. Теперь греки не хотели пускать меня обратно. Тень Саддама Хусейна продолжала омрачать мне жизнь.

Врагу не пожелаю того, что я испытывала в тот момент. Я чувствовала себя покинутой всем и всеми.

Вечером мы с врачом пили в саду кофе и разговаривали. Он был хорошим человеком, и я рассказала ему свою историю. Рассказала, кто я и в какой безвыходной ситуации оказалась. И тут выяснилось, что врач тоже член ИНК, но тогда он не знал, что ИНК разыскивает меня по всему Амману.

Врач заметил, что сирийка обращается со мной, как с рабыней, и сказал, что попробует помочь мне. Пока же я могу погостить в доме его семьи. Любопытной сирийке он сообщил, что нашел мне работу в другом районе Аммана. И, чтобы она не задавала лишних вопросов, пообещал ей бесплатные лекарства. Естественно, это только усилило ее подозрения. Кто я такая? С чего это доктор решил мне помогать?

Тем не менее, она меня отпустила. В глубине души мне кажется, она была рада от меня избавиться. И моя собака ей никогда не нравилась.

Однажды вечером доктор постучал в дверь моей комнаты:

— Спускайся к нам. Мы приготовили иракскую еду, и у нас гости.

Я сразу подумала: «Мухабарат». Здесь, в доме доктора. Мне не стоило доверять ему и его жене. Меня снова предали. На подкашивающихся ногах я спустилась вниз и увидела незнакомого мужчину в традиционной арабской одежде. Он представился как Абу Абдаллах. Глаза его светились от радости.

— Так вот где ты прячешься, — сказал он с улыбкой. — Мы тебя везде искали.

Доктор и его жена тоже улыбались. С моих губ сорвался вздох облегчения. Может, теперь я узнаю, кто оплатил мой побег. И почему.

Мы поужинали. Абу Абдаллах заверил меня, что все в порядке, но я по-прежнему не знала, что и думать. Ко мне вернулась прежняя усталость. Сколько еще мне предстоит жить в страхе? Что теперь со мной будет? Я повернулась к доктору.

— У меня нет другого выбора, — сказала я ему. И добавила: — Я тебе доверяю.

У меня действительно не было выбора. Силы снова покинули меня.

Абу Абдаллах сказал, что ему нужно фото. Сам он не сомневался в том, что я та, за кого себя выдаю, но другим нужны были фотографии.

Столько раз у меня потом спрашивали фотографии. Сколько раз я чувствовала, что мне не верят. Неужели то, что эта женщина говорит, правда? Неужели все это могло произойти на самом деле? Где доказательства?

Бесконечное множество раз.

Но разве могла я взять с собой из Багдада снимки, на которых я была бы рядом с Саддамом? Или с его сыновьями?

Для «Мухабарат» это было бы первым доказательством того, что я та, кого они ищут. Для врагов Хусейна это было бы поводом меня убить.

Несмотря на это, у меня все же были припрятаны несколько снимков. Я отдала их Абу Абдаллаху и с тех пор больше не видела. Не знаю, что с ними произошло.

Наверно, они до сих пор хранятся в каком-нибудь американском архиве.

Вернувшись через пару дней, Абу Абдаллах сказал, что я — его большая удача, что руководство ИНК желает со мной встретиться, и доктор скажет мне, когда это произойдет.

Вскоре после этого я пошла за покупками и, бродя из магазина в магазин, заметила, что за мной следят двое мужчин. Нет, это были не случайные взгляды мужчин, заметивших привлекательную женщину на улице. Эти мужчины меня знали. Им что-то было от меня нужно. Я слишком долго прожила в Багдаде, чтобы не заметить слежку. Это были агенты «Мухабарат». Интуиция меня не подвела. Носом учуяв опасность, я уже не сомневалась в том, что за мной следят. Не подавая виду, я продолжала идти. В голове крутились вопросы. Успею я добежать до дома доктора или не успею? Но я не успела даже дойти до ближайшего магазина, как передо мной возникли мужчины, преградив мне путь.

— Извините, могу я пройти? — сказала я.

— Мы ищем иракскую женщину, похожую на тебя. Дочь грека.

— Мой отец умер.

— У тебя такие же волосы, как у нее.

Покачивая головой, я протиснулась между ними, борючая, что мне нужно в магазин. Оказавшись внутри, пронеслась через весь магазин, выскочила через заднюю

дверь и бросилась бежать к дому доктора. Влетев в дом, я тут же позвонила Абу Абдаллаху.

— Они меня нашли!

Абу Абдаллах велел мне тут же покинуть дом и бежать к автобусной остановке, где меня будет ждать машина. У меня не было другого выхода, как довериться ему. Если никому не доверять, можно сойти с ума. Схватив свою сумочку, документы, Тигра, я бросилась к остановке. Там меня ждали двое мужчин в машине. Они буквально закинули меня с вещами на заднее сиденье.

Паника нарастала. Чья это машина? Что если телефон доктора прослушивается?

Я снова не знала, куда меня везут. Кто эти мужчины? Кто их прислал?

Иракский национальный конгресс, ИНК, был основан после войны с Кувейтом в Персидском заливе. Его целью было объединить различные оппозиционные политические силы Ирака и лишить президентской власти Саддама Хусейна. Возглавлял конгресс Ахмад Чалаби, иракско-американский математик, и США всячески поддерживали организацию политически и финансово. В 1998 году американское правительство приняло решение выделить сто миллионов долларов на поддержку политической борьбы с режимом Саддама Хусейна, и большую часть этих денег получил ИНК. А после террористической атаки на США 11 сентября 2001 года деньги полились рекой.

Такая мощная поддержка Соединенными Штатами ИНК с самого его основания и сотрудничество организации с ЦРУ не могло не вызвать недоверия к ее действиям у населения Ирака. К тому же сама идея объединить различные политические, религиозные, этнические и другие группы в одну организацию с самого начала подвергалась сомнениям. Со временем конфликты между различными группами обострились, и ИНК потерял былое влияние. Во время американской оккупации в 2003 году у Иракского национального конгресса была возможность занять сильные позиции в новом Ираке, создававшемся на руинах империи Хусейна, но ИНК ее упустил.

При таких драматических обстоятельствах состоялась моя первая встреча с Хаджи. Его настоящее имя было Мухаммад аз-Зубайди, но я узнала это гораздо позже. Он использовал выдуманное имя, чтобы защитить меня от «Мухабарат».

Снова оказавшись с собакой на заднем сиденье, как уже не раз до этого, я поняла, что теперь все по-другому. Мужчины производили впечатление образованных людей. Машина была новой и дорогой. После всех развалюх с продавленными сиденьями я не могла не заметить разницы. Стильная одежда. Дорогие туфли. Изысканный одеколон. Хаджи был курдом и членом оппозиции, которую, как и ИНК, поддерживали США.

Во времена Саддама Хусейна самым главным умением считалось умение держать язык за зубами. Поэтому

когда Хаджи искал меня в Дахуке, он боялся задавать слишком много вопросов, и в результате не нашел никого, кто захотел бы ему хоть что-нибудь рассказать. Даже другие заключенные в тюрьме меня побанвались. Для них я была говорившей по-арабски иностранкой, которой позволили держать собаку в камере. Кто я? Кто за мной стоит?

Я прекрасно их понимала. Молчание — золото.

Шофера звали Фирас. Родом из Ирака, он был правой рукой Хаджи. Фирас прекрасно разбирался в компьютерах и был на «ты» с Интернетом, но тогда я этого не знала. Все, что я знала, так это, то, что я снова в бегах.

Машина остановилась. Меня пересадили в другой автомобиль. Я ничего не спрашивала, потому что не ждала ответов. Снова остановка. Снова другой автомобиль. Я потеряла ориентацию в пространстве. Глаза закрывались от усталости. Мысли мои снова вернулись к моим детям. У меня не было сил даже на то, чтобы бояться.

Словно в тумане я видела, как машина остановилась перед многоэтажным домом. Меня высадили из машины и повели по коридорам, где вдоль стен стояли вооруженные охранники. Я не задавала вопросов, зная, что не получу ответов. Меня ввели в квартиру, где показали мою комнату. Меня удивило, что Хаджи так много обо мне знал. На кровати меня ждали одежда и белье моего размера, а в ванной комнате я нашла шампунь, зубную пасту, мыло, дезодорант и духи любимых марок.

— Откуда вы так много обо мне знаете? — изумилась я.

Хаджи только пожал плечами и загадочно улыбнулся.

Снова вопросы без ответа. Нельзя выходить. Нельзя говорить по телефону. Нельзя разговаривать с незнакомыми людьми. Вот во что превратилась моя жизнь.

Кто-то принес мне кебаб. Запах кушанья вернул мне аппетит. Я с удовольствием поела.

— Тебе не страшно, Пари?

— Нет, я слишком устала.

— Ты очень сильная, Пари.

— Нет, я просто слишком устала.

Так мы говорили с Хаджи. Я сразу поняла, что он главный, но и он отказывался отвечать на вопросы.

— Сперва отдохни, а потом мы поговорим. Мне очень жаль, что мы потеряли твой след в Дахуке.

Я молча кивнула, доедая кебаб. У меня больше не было сомнений в том, что мой побег из Ирака оплатили Хаджи и стоявшая за ним организация.

— Ты нужна нам, Пари. Нам нужна информация, которой ты владеешь. Вот почему мы так расстроились, когда ты выехала из отеля. Ты единственный человек из ближайшего окружения Саддама Хусейна, к которому у нас есть доступ. И нам известно, что тебя ищет «Мухабарат». Кто ты для них? Почему им надо доставить тебя в Багдад живой?

Я много раз слышала, что «мне повезло». Но в ту минуту, когда я, полумертвая от усталости, доедала кебаб в окружении незнакомых мужчин в незнакомом доме в

Аммане, везение было последним, о чем я думала. Я была жива, и мне удалось сбежать из Ирака. Но я только что узнала, что Саддам Хусейн меня ищет. Наверняка ИНК вытянет из меня все, что я знаю. Что тогда будет с моими детьми, особенно с Алики, которая оставалась в Багдаде?

Я посмотрела на Хаджи в упор:

— Я снова пленница? Только в другой тюрьме?

— Скоро ты все узнаешь, Парн, — ответил Хаджи. — А теперь ложись спать. Поговорим завтра.

Через два дня ко мне пришел Фирас с видеокамерой. Он и Хаджи расспрашивали меня три дня, чтобы отправить видеозаписи в Лондон. Вопросы касались туннелей под дворцом в Багдаде, привычек Саддама Хусейна, того, что я знаю об Удее и его отношениях с отцом, и моей семьи и детей.

Я отвечала только на те вопросы, на которые у меня был ответ, стараясь придерживаться фактов. Выводы пусть ИНК сам делает. Вопросы не были сложными. Я говорила правду, чтобы не злить без причины мужчин. Иногда мы делали паузы, чтобы я могла выкурить сигарету или поесть, и никто не возражал.

Мне сообщили, что эксперты будут смотреть эти записи и оценивать правдивость моих ответов. Их интересовало, действительно ли я та женщина, за которую себя выдаю. Та самая блондинка, которая так хорошо знает Саддама Хусейна. Их также интересовало, действительно ли я владею той информацией, которая была им нужна, и как много я знаю.

Я долго жила в той квартире. Выгуливать собаку мне разрешалось только после наступления темноты и в сопровождении охраны. Спустя какое-то время пришло сообщение, что с этого момента все связанные со мной расходы берут на себя США. Эксперты подтвердили мою личность и сказали, что информации, полученной от меня, можно доверять. Они убедились в том, что я та самая блондинка, — и мной мгновенно заинтересовалось ЦРУ. Американцы хотели того же, что и Саддам Хусейн: чтобы я была доставлена живой, и чтобы никто ничего не знал.

ЦРУ решило вывезти меня из Иордании. Пока Хаджи планировал мой отъезд, меня переселили в другой дом, где у Хаджи был офис. Я больше не была одинокой и покинутой — теперь американцы всячески меня опекали. Все стали вдруг со мной необычайно любезными, и часто люди приходили просто на меня поглазеть. Им было любопытно, как я выгляжу. С удивлением я обнаружила, что страх уходит, и на душе у меня спокойно — впервые за долгое время. Я знала, где я и кто меня охраняет. Меня больше не просили молчать. Мне было позволено задавать вопросы, и люди даже на них отвечали. Атмосфера в офисе была расслабленной. Люди шутили и смеялись.

Хаджи сообщил мне, что ЦРУ хочет проверить меня с помощью детектора лжи. Но для этого меня нужно было вывезти из Иордании, а это было непросто. Хаджи это сильно беспокоило. Мое имя было внесено в каждой арабской стране в списки тех, кому нельзя выезжать. Никто не согласится впустить меня в свою страну из уважения к Саддаму Хусейну. Более того, Хаджи сказал, что я должна оставить Тигра, потому что «Муха-

барат», как и всем остальным, было хорошо известно, как сильно я привязана к этой собаке.

— Ты ведь хочешь жить, Пари? — прибавил он. — Иначе вам обоим грозит смерть. Тебе придется выбирать.

В глубине души я знала, что он прав. Но все равно попросила пару дней на раздумья. Мне нужно было свыкнуться с мыслью, что придется расстаться с любимым песиком. Тигр был со мной в самые трудные минуты. Когда я сидела одна взаперти, он единственный дарил мне утешение. Дни шли, а я так и не могла набраться сил и отдать чужим людям Тигра, моего верного спутника с белым пятнышком на груди. Он так терпеливо сносил все тяготы нашего заключения — как я могла теперь с ним расстаться? Мне предоставили самой решать, что с ним сделать, но я никак не могла найти в себе силы, чтобы принять это решение.

Тем временем Хаджи активно готовил мой отъезд из Аммана. Вскоре мне вручили абайю — женское одеяние черного цвета, которое закрывает все тело и голову, оставляя только небольшую прорезь для глаз. В абайе ужасно трудно ходить, поэтому я начала тренироваться, ходя крошечными шагами по дорожке из стороны в сторону, но с открытым лицом, чтобы не споткнуться.

Однажды, идя по улице в абайе в сопровождении телохранителей, я внезапно ощутила легкий толчок в бок. В голове сразу вспыхнуло: «Мухабарат». И действительно, на противоположной стороне улицы была припаркована машина, и мужчины, сидевшие в ней, смотрели прямо на меня. Подобрав тяжелые черные юбки, я бросилась бежать.

Они знают, где я. И нечего этому удивляться. Саддаму всегда удавалось найти меня, где бы я ни была. Попав в руки американцев, я расслабилась. Мне не стоило этого делать. Потому что Саддам никогда ничего не забывает. Как и Удей. Они не успокоятся, пока не найдут меня. Что мне делать? Как мне расстаться с Тигром?

После того инцидента меня сразу переселили в другой дом, а на следующий день Хаджи отвез меня в отель на встречу с супружеской парой — христианами, проживавшими в Аммане. Тигр был со мной. Тигр всегда был со мной, куда бы я ни пошла. По дороге в отель Хаджи рассказал мне, что эта женщина обожает собак, и у нее живут несколько этих животных.

Я сразу все поняла. Хаджи знал, что сама я не могу принять такое решение, и решил ускорить процесс. И я знала, что мне придется выбирать: или Тигр, или моя жизнь.

Увидев женщину, я сразу поняла, что она действительно любит собак, и что Тигр ей понравился. В этом не было ничего удивительного: Тигр нравился всем. Он был умным и послушным псом. Тигр умел открывать двери, был пушистым и чистоплотным, так что ему даже разрешалось сидеть на диване. Будучи сообразительным, Тигр быстро понял, что происходит. Склонив голову набок, он переводил взгляд с меня на женщину и обратно. Тигр, мой самый верный друг, все понимал.

— Возьми его, — сказала я женщине, поглаживавшей Тигра по голове. — Но знай, что вместе с ним я отдаю часть своего сердца.

— Я о нем позабочусь, — пообещала женщина с улыбкой. — Он будет моим любимчиком.

Отдав Тигра чужим людям, я заболела. У меня поднялась температура, которая не спадала несколько дней, а сердце так часто колотилось в груди, что трудно было дышать. Я отказывалась принимать пищу и только лежала в постели. Но, несмотря на это, я понимала, что у меня не было другого выбора, как отдать Тигра. Тем временем Хаджи и его коллеги продолжали готовить мой отъезд. Мне дали новый паспорт, и границу с Сирией я должна была пересечь в абайе. В паспорте значилось, что меня зовут Джалили Джасим.

Кто была эта женщина, паспортом которой мне предстояло воспользоваться?

Времени на раздумья больше не осталось. Теперь нужно было действовать. Когда я увидела паспорт, с губ моих сорвался стон:

— Снова бежать...

Хаджи и еще один мужчина повезли меня к границе на машине. На мне была абайя, на мужчинах — обычная западная одежда.

Сотрудник пограничной службы открыл паспорт Джалили Джасим и посмотрел на меня, закутанную с головы до ног в черное и окруженную мужчинами. Все в лучших арабских традициях.

— Как зовут вашего отца? — спросил пограничник.

Я растерянно на него посмотрела. Потом на Хаджи. Что делать?

— Хаджи, как зовут моего отца? — спросила я.

Большей глупости невозможно себе представить. Но в тот момент я действительно не нашла, что ответить.

Пограничник все-таки нас пропустил. Но как только мы оказались в Сирии, Хаджи в ярости повернулся ко мне, сидевшей на заднем сиденье:

— Как ты могла, Парн? Ты могла все испортить? Как ты могла задать такой идиотский вопрос?

Если в Иордании я не чувствовала себя в безопасности, то в Сирии дела обстояли еще хуже. Сирийское правительство сообщило ИНК, что не желает видеть меня в своей стране, а «Мухабарат» кружила вокруг дома, где меня поселили, с самого дня приезда. Хаджи сказал, что нам придется вернуться в Иорданию, а оттуда попробовать попасть в Ливан, снова через Сирию, но как можно незаметнее и, скорее всего, через пустыню, где нет пограничных контролей, штампов и лишних вопросов. Никто не должен был знать, что я покинула страну.

Так и получилось. Я снова вернулась в Амман, а через пару дней меня попросили надеть абайю и спуститься к машине.

Опять я оказалась на заднем сиденье. Я была на грани изнеможения. Это невыносимо, когда тебя возят туда-сюда, как посылку, которую никто не хочет принимать. В тот момент мне казалось, что смерть лучше, чем эти бесконечные мучения.

Не помню, сколько мы ехали по пустыне, но правила были теми же, что и раньше. Никаких остановок. Никакого туалета. Никакой еды. Страшная жара. Спать прямо в машине. Кошмар.

Но когда мы, наконец, достигли Ливана, я ощутила огромную радость. У меня было такое ощущение, буд-

то я вернулась домой. Я попросила мужчин остановить машину, чтобы размять ноги. Открыв дверь, я буквально вывалилась на песок. Встав на колени на сухую каменистую землю, я полной грудью вдохнула жаркий воздух пустыни. Солнце обжигало мне спину. Набрав в руки песка, я поднесла его к лицу. Запах Ливана. Запах родной земли. Запах мира. В Ливане у меня есть друзья. В Ливане я смогу связаться со своими родными.

С влажным от слез лицом я вернулась в машину. Обернувшись, Хаджи улыбнулся мне:

— Завтра сможешь позвонить своим детям.

Я молча поднесла к лицу песок. Так пахло мое раннее детство. Я покинула Бейрут в пятидесятые. Потом вернулась в шестидесятые, когда отец услал меня из Ирака, чтобы помешать моей связи с Саддамом Хусейном. Третий раз я была в Бейруте с мужем, когда весь город лежал в руинах.

Теперь все изменилось. Моя жизнь лежала в руинах. А запах у земли остался прежним.

Тому, кто боится опасности, не стоит жить в Бейруте, но в этом городе есть своя прелесть. Там сосуществует столько разных политических, этнических и религиозных групп, что вместе они образуют причудливую смесь. Чтобы жить в Бейруте, нужно столько всего знать и понимать. Столькими правилами нужно владеть в совершенстве. В Бейруте мне тоже пришлось пару раз поменять машину, но в конце концов меня привезли к дому в районе, находившемуся под контро-

лем «Хезболлы»¹. Все стены были исписаны текстами, восхваляющими «Хезболлу», и женщины, согласно традициям, должны были ходить с покрытой головой даже в стенах дома. Я подчинилась беспрекословно. Это Бейрут. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Дом, куда меня привезли, оказался просторным и светлым. Там было несколько веранд с видом на море. Мне предстояло жить там с Хаджи и его невестой, пока они не придумают, как вывезти меня из Ливана.

Но меня это уже не волновало. Я привыкла к тому, что со мной обращаются, как с посылкой, не спрашивая моего мнения. Другие люди решали за меня. Другие возили меня туда-сюда. Мне не оставалось ничего другого, как довериться Хаджи и позволить ему принимать решения за меня. Поэтому, когда он сказал, что попробует переправить меня на Кипр на лодке, я только кивнула.

— На рыбацкой лодке, — добавил Хаджи.

Я снова кивнула. Разумеется, перспектива пересечь Средиземное море на хрупкой рыбацкой посудине меня не радовала, но пока я была не в море, а в Бейруте в своей комнате с ванной и мягкой кроватью, и это все, что волновало меня в тот момент. Я устала и хотела отдохнуть. Хаджи дал мне денег на новую одежду и заверил, что все будет хорошо.

¹ «Хезболла» («Хезболлах», «Хизбалла», «Хизбаллах») — военнизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.

Должна напомнить, что все это происходило медленно. Подготовка отъезда из Бейрута, особенно такого как мой, полного драматизма, не могла не занять время. В Бейруте мне не разрешали выходить из дома. Слишком велик был риск, что кто-то меня узнает. По вечерам я иногда выбиралась из дома ненадолго, но в основном сидела в своей комнате или на веранде. Мне не было одиноко, потому что дом Хаджи был местом встречи для участников противодействия режиму Саддама Хусейна за пределами Ирака. У Хаджи постоянно гостили иракцы, вынужденные покинуть страну после прихода Хусейна к власти. Многие из них знали моего отца или мужа, и мне было приятно их снова увидеть.

Единственный, с кем я тогда еще не познакомилась, был основатель ИНК Ахмад Чалаби. Но с ним я встрети-лась только после того, как американцы приказали отправить меня в Таиланд. Идея создать ИНК была замечательная, но Чалаби критиковали за сотрудничество с США и ЦРУ, и, в конце концов, трудно было понять, где правда, а где пропаганда. У Иракского национального конгресса были большие проблемы из-за того, что в его составе Чалаби пытался объединить оппозиционные силы.

Дни шли, и я перестала чему-либо удивляться. Моя жизнь изменилась до неузнаваемости. Никогда даже в самых смелых фантазиях я не могла представить, что стану беженкой.

Я решила воспользоваться представившейся мне паузой, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Я спала. Сидела на веранде и любовалась видом моря. Скучала по детям. Скучала по Тигру. И когда Хаджи через неделю сооб-

шил мне, что американский канал Эй-би-си будет брать у меня интервью, я только кивнула. За последнее время я так привыкла полагаться на Хаджи во всем, что у меня не было повода сомневаться в его решениях.

Несмотря на то, что жизнь моя была богата событиями, до того момента я ни разу не общалась с представителями прессы. Ни мой отец, ни мой муж не стремились к публичности, а в Ираке по телевизору главным образом транслировали речи президента и прочую пропаганду. Я ничего не знала о том, как работают западные СМИ и как сильно их влияние на массовое сознание.

Однажды утром, когда мы с Хаджи завтракали на веранде, в комнату вошла американка. Энергичная и уверенная в себе, она была полна энтузиазма перед нашей встречей. Улыбаясь во весь рот, она по-английски воскликнула:

— Где она? Где она? Я хочу ее увидеть!

Такой была моя первая встреча с Клэр Шипман, ведущей телепередачи «Доброе утро, Америка!». Я сразу почувствовала к ней симпатию. Мы легко нашли общий язык: с Клэр было приятно общаться. Думаю, встреча с ней повлияла на мое отношение к американцам, с которыми я столкнулась впоследствии. У меня было ощущение, что мы знаем друг друга тысячу лет. И когда Клэр объяснила, кто она, и сказала, что хочет взять у меня интервью, я легко согласилась, несмотря на то, что успела подзабыть английский язык и впервые отвечала на вопросы журналиста. У меня было только одно условие: не показывать интервью по телевидению до тех пор, пока моя младшая дочь остается в Ираке.

За все время моего бегства я почти не видела женщин. Вот почему меня так обрадовала встреча с Клэр. Она была настоящим профессионалом и умела задавать правильные вопросы. Я даже не успела почувствовать робость перед объективом камеры. Впоследствии, пересматривая интервью, я отметила, что такой доверительный разговор у меня мог получиться только с женщиной. Несмотря на то, что я не знала, какие вопросы мне будет задавать Клэр, разговор с ней был легким и непринужденным.

С Клэр был еще продюсер по имени Крис Власто — американец греческого происхождения. Он мне тоже понравился. Интервью сняли в Бейруте в июле 2002 года, а показали по телевизору 12 сентября — спустя год после террористической атаки 11 сентября на Всемирный торговый центр, Пентагон и Белый дом. Американцы сдержали обещание и ждали, пока я выведу Алики из Ирака. Я не могла рисковать ее жизнью.

Потом Хаджи сказал мне, что не доверяет рыбаку, согласившемуся переправить меня в своей лодке на Кипр. Я продолжала жить в его доме в Бейруте: мне ничего другого не оставалось, потому что к тому моменту я была нежелательной персоной во всем арабском мире. Никто не хотел из-за меня ссориться с Саддамом.

Однажды я случайно услышала разговор Хаджи с его невестой. Она была рассержена, и Хаджи пытался ее успокоить.

— Она представляет опасность для нас всех! — говорила невеста Хаджи. — Даже для себя самой! Как долго

еще она будет оставаться здесь? — В голосе ее было нетерпение. — Я хочу, чтобы она исчезла.

— Я тоже этого хочу, но это невозможно, — отвечал Хаджи. — Ничего нельзя поделать. Американцы приказали доставить ее живой.

Я на цыпочках вернулась в свою комнату. Меня охватил озноб. Когда все время от кого-то убегаешь, приходится доверять людям. Не всем и не всегда, но приходится. Время от времени. Потому что невозможно полагаться только на себя. Это лишает тебя последних сил.

После услышанного разговора я потеряла доверие к Хаджи. Теперь мне было известно, что он мечтает от меня избавиться. Стоит американцам передумать, как он тут же сделает так, чтобы я исчезла. За мной охотилось немало людей, так что легко будет свалить вину на «Мухабарат» или еще кого-нибудь. В Бейруте смерть всегда ходит рядом. Это только вопрос денег.

Меня снова охватило чувство невыносимого одиночества. Теперь я относилась к каждому предложению Хаджи с подозрением. Он же тем временем сообщил, что американцы хотят видеть меня в Таиланде. В Таиланд мне предстояло отправиться из Аммана, куда меня снова повезут через пустыню.

— Я случайно подслушала твой разговор с невестой, Хаджи, — сказала я. — С чего мне доверять тебе, когда я знаю, как ты мечтаешь от меня избавиться?

Хаджи смутился и отвел взгляд. Потом пробормотал что-то невнятное о том, что невеста ревнует, и добавил:

— Я же должен был ее успокоить, ты же понимаешь!

Нет, я не понимала, но у меня не было выбора. Я снова собрала вещи и приготовилась покинуть Бейрут. Мы поехали по военной дороге через пустыню в Амман, и там меня поселили в один из домов Хаджи. Когда Хаджи попросил у меня паспорт, я отдала его без вопросов. На этот раз я воспользовалась своим иракским паспортом, где мое имя Парисула Лампсос было написано с ошибкой. Мне дали визу. Я не стала спрашивать, как Хаджи это устроил, потому что уже давно поняла, что у него хорошие контакты с королевским домом Иордании. Но то, как ему удавалось столько раз перевозить меня через границу, для меня оставалось загадкой. Я привыкла не задавать лишних вопросов и подчиняться приказам и продолжала это делать, с той лишь разницей, что Хаджи утратил мое доверие.

Я до сих пор живо помню сцену в аэропорту Аммана. В последнюю минуту, перед тем как регистрация должна была закончиться, весь персонал за стойкой регистрации поменялся. Теперь нужно было действовать быстро. Хаджи схватил меня за рукав. Ялла, ялла! Поторопись! Надо спешить!

Посадочный талон. Багажный талон. Штамп в паспорте. Бегом в самолет. Пока настоящий персонал возвращался к стойке, меня окружили мужчины в униформе.

— Поздравляем! — сказали они.

Кто они были? Я не знаю. Хаджи сработал профессионально. Ему заплатили, чтобы решить проблему, и он ее решил. Он тесно сотрудничал с ЦРУ, и в его рас-

поряжении было много денег. США приказали доставить меня в Таиланд, и он заплатил, чтобы это осуществить.

Все можно купить за деньги. В этом у меня нет никаких сомнений.

Мы приземлились в Бангкоке, где провели ночь, а на следующий день поехали в Паттайю. Отель был уютным, еда вкусной, мне выдали немного денег. Хаджи сказал, что деньги получены от ИНК, но я-то знала, что это американские деньги.

Снова ожидание. Что будет дальше? Мне велели не выходить из отеля. Моя дочь по-прежнему оставалась в Багдаде. Мне часто звонила Клэр Шипман из Нью-Йорка и просила позволить показать интервью.

— Ты должна мне доверять! — говорила она.

Крис Власто тоже звонил.

— Ты должна доверять мне! — вторил он Клэр, заверяя, что моя дочь в безопасности.

Но я не знала, кому доверять. Тот разговор Хаджи с невестой лишил меня веры в людей. Я согласилась поехать в Таиланд с Хаджи только потому, что у меня не было другого выхода и мне хотелось расстаться с ним как можно быстрее.

Может, поэтому я так легко доверилась американцам? Впрочем, в этом не было ничего экстраординарного. Жизнь рядом с Саддамом Хусейном научила меня тому, что дружба с американцами сулит только выгоду.

С другой стороны, во времена Саддама Хусейна иракцев учили ненавидеть США. Это было частью по-

литической пропаганды. На Ближнем востоке люди говорят, что за любой войной стоит США. Меня мучили вопросы: что им нужно от меня? Какая у них цель? Где война разразится на этот раз?

Скорее всего, им нужна была нефть. Им всегда нужна нефть. Так было и в случае с Саддамом. Они помогли ему захватить власть, потому что он был им нужен. Когда нужда в нем отпала, они от него избавились.

Однажды утром Хаджи пришел ко мне в номер и сообщил:

— Пришла пора встретиться с ЦРУ.

Не могу сказать, что это меня напугало или взволновало. В моей жизни были вещи и пострашнее, чем встреча с американцами в отеле «Марриотт». К тому же мне прекрасно было известно, кто платил за мое проживание в этом отеле. Согласиться ответить на их вопросы было самым меньшим из того, что я могла сделать в благодарность за свободу.

В отеле «Марриотт» я впервые встретила с Ником, работавшим на ЦРУ и ставшим моим основным контактом с этой организацией. Первая встреча была весьма приятной.

— Больше всего я хочу воссоединиться со своими детьми, и жить мы предпочли бы в США, — сказала я Нику.

Он кивнул:

— Думаю, это можно устроить.

Наше общение проходило так же легко, как до этого с Клэр и Кристо в Бейруте. Ник оказался вежливым и образованным мужчиной, я сразу почувствовала к нему

симпатию. Я не могу не отметить его профессионализм и хорошие манеры. Мне было даже сложно воспринимать его как агента ЦРУ.

— Я тебе доверяю как человеку, — сказала я Нику. — Но не твоей организации.

— Все нормально, — заверил меня Ник. — Я за тебя отвечаю и обещаю, что все будет в порядке.

Тем не менее, у меня не было никаких сомнений в том, что Ник, как до этого и Хаджи, получил насчет меня те же предписания: Парисула Лампсос не должна общаться с незнакомыми людьми. Ей нельзя посещать места, где бывают арабы и говорящие по-арабски люди. Она должна одеваться как европейка и не подавать виду, что приехала из Ирака.

Моя жизнь по-прежнему была в опасности. Разница заключалась лишь в том, что на Ближнем Востоке лучшей защитой была черная абайя, а в Таиланде — европейская одежда, позволявшая ее владельцу легко слиться с толпой.

Приехав в Таиланд, я поразилась тому, сколько людей там ходит по улицам и площадям. Я уже и забыла, каково это — свободно передвигаться по городу и делать что вздумается. Толпа меня пугала. Мне казалось, что все на меня смотрят.

Но со временем я привыкла к моей новой свободной жизни. И внезапно поймала себя на том, что хожу, как когда-то в юности. Энергично, покачивая бедрами, с высоко поднятой головой. В Багдаде мне все время приходилось вести себя осторожно, чтобы не вызвать недовольства Саддама или его сыновей. Я была вынужде-

на все время следить за своими манерами и делать вид, что мне весело.

Господи, каким облегчением для меня стала возможность забыть о самоконтроле. В Таиланде я была свободной женщиной, заново открывшей для себя смысл прекрасного слова «свобода». Я ощущала себя свободной, даже несмотря на то, что американцы охраняли меня круглые сутки.

По неизвестным мне причинам американцы желали получить как можно больше информации о Саддаме и членах его семьи. Сначала они проверили меня на детекторе лжи, а уже потом начали детально расспрашивать. Я сразу согласилась. Мое желание выжить придавало мне сил. Если это поможет мне остаться в живых и вернуть своих детей, то я все расскажу. Потому что без защиты США мне грозит мгновенная смерть. В этом у меня не было никаких сомнений.

Пусть и на короткий период, но я оказалась важным свидетелем, ради которого США были готовы пойти на все. И не только США. Саддам мечтал, чтобы я заткнулась навечно. Для ИНК я представляла проблему. Живой я была нужна только американцам, и ценой за жизнь была моя откровенность. Они хотели, чтобы я рассказала им все, что знаю о Саддаме Хусейне.

Никогда не забуду тот день, когда Ник зашел за мной на пляж и сказал, что кое-кто ждет меня в отеле «Марриотт».

— Но мне нужно переодеться, — возразила я. — Я не могу пойти в этом!

Ник сказал, что не играет никакой роли то, как я одета. Нам нужно спешить. Я взглянула на него, и на долю секунды мне показалось, что Ник со мной флиртует, и что мы сейчас пойдем в его номер в отеле — ведь куда еще можно пойти в купальнике и тунике? Вот какие странные мысли тогда пришли мне в голову.

Но оказалось, что в отеле меня действительно ждал мужчина из вашингтонского окружения президента, причем такой чистый и аккуратный, словно его только что постирали и начистили до блеска. А я пришла прямо с пляжа в купальнике.

Пара вежливых фраз, и встреча закончилась. Чистюле нужно было ехать в аэропорт, но перед отъездом он пожелал взглянуть на меня собственными глазами.

Я вернулась на пляж, где меня ждал Хаджи. Что происходит? Кто этот мужчина? Зачем ему на меня смотреть? Что я для американцев? Что со мной будет, когда я расскажу все, что знаю?

Мне хотелось доверять Нику, но после случая с Хаджи я еще не была готова доверять людям. Поэтому накануне допроса обратилась к Хаджи с вопросом:

— Что будет со мной потом? Они меня убьют, получив информацию?

Хаджи пожал плечами. Ему было известно немногим больше, чем мне. Более того, его задание закончилось с доставкой меня в Таиланд. Теперь я перешла под ответственность Ника, и ему решать, что делать дальше со мной и моими проблемами.

Я не помню дословно все, что у меня спрашивали агенты ЦРУ, часть вопросов вообще касалась военной

и политической сфер, и я не могла на них ответить. Но меня удивило, какими банальными были многие вопросы. Где живет Саддам? Где проходят туннели? Что Саддам ест? Где у него спальня и ванная? Где находятся его дворцы? Правда ли, что под каждым из них вырыт бункер? Могу ли я отличить Саддама от его двойников? Какие у него отношения с сыновьями? Что мне известно о создании ядерного оружия в Ираке?

Вопросы были самыми разными. Я не могла скрыть своего удивления. Неужели они этого не знают? Зачем у меня спрашивать? Ощущение было такое, словно вопросы ЦРУ были не сложнее тех, что мне задавала Клэр во время интервью.

При этом они часто проверяли истинность моих ответов на детекторе лжи. В первый раз я нервничала, и уровень правдивости составил 75 процентов. В следующий раз я уже была спокойнее, и аппарат показал 85 процентов.

В любом случае, вопросы были несложными, и я отвечала честно. На многие из них у меня был ответ, потому что я провела много лет рядом с Саддамом и членами его семьи и хорошо их знала. Не все они были такими же жестокими, как Саддам или Удей, но добрыми их тоже нельзя было назвать. На самом деле я так и не поняла, зачем понадобилась США и почему они пошли так далеко, чтобы меня заполучить. Получили ли они в итоге ту информацию, на которую рассчитывали?..

Я не знаю. Все эти бегства и скитания так меня утомили, что мне было все равно. Война разрушительна для человека. Даже для того, кто находится в тылу, —

потому что он ни на минуту не может позволить себе роскошь расслабиться. Мне же хотелось довериться кому-то и отдохнуть. Именно это тогда было моим главным желанием. Мне хотелось дышать воздухом свободы, танцевать, купаться в бикини и загорать на пляже, а не в саду, где только Саддам мог меня видеть. Впервые за долгое время я чувствовала себя счастливой. Я больше не была нищей бродяжкой или тюремной узницей. Обо мне заботились, меня опекали. У меня всегда была еда на столе. За окном светило яркое солнце, небо было синим, море — теплым, а жизнь была прекрасной. Если американцы и использовали меня в своих целях, то я тоже использовала их в своих. Они помогли мне вызволить мою младшую дочь из Ирака.

Тогда-то я и дала согласие на показ интервью по телевидению. Продюсер Крис Власто заверил меня, что моя дочь в безопасности. Сама я никогда не видела эту программу, но знаю, что посмотрели ее миллионы людей по всему миру. К тому же об этом написали в газетах. Могу себе представить, как удивились те иракцы, которые меня знали. Я исчезла много месяцев назад. Исчезновение людей никого уже не удивляло, но когда этот человек вдруг возвращался и начинал говорить, это не могло не удивить.

— Мы считали ее мертвой! Думали, ее убили! Столько времени прошло после того, как она пропала, и вдруг выясняется, что она жива, да еще и выступает по телевидению. Смотрите-ка, это Пари!

Лично для меня было важно рассказать о своей многолетней связи с Саддамом до того, как он умрет. Одно

дело — говорить о людях, которые уже мертвы, совсем другое — о тех, кто жив и может тебя услышать. Саддам меня слышал, и он знал, что я говорю правду.

Слышал, но не реагировал. Это меня пугало. В его молчании всегда крылась угроза. Отсутствие реакции могло означать только одно: случится что-то плохое. Узнав, что греческое телевидение послало в дом моей дочери Лизы репортера, представившегося «другом ее матери», я не на шутку перепугалась. Им известно, где она живет. Моей дочери тоже грозила опасность.

В приступе ярости я потребовала, чтобы американцы немедленно перевезли Лизу в Таиланд. Если бы не это интервью, всего бы этого не случилось. К счастью, американцы не отказали. Не прошло и дня, как Лиза была со мной. У США везде свои люди, и если американцы что-то задумали, ничто их не остановит.

В Багдаде Алики готовилась к побегу. Я сильно за нее переживала. Молодой одинокой девушке всегда угрожает опасность, особенно во время долгого и трудного путешествия, но, несмотря на это, американцы не посвящали меня в детали операции по вызволению Алики из Багдада. Прошел год, прежде чем я снова увидела свою младшую дочь и узнала, как ей удалось бежать из Ирака.

Алики поехала в Дахук, собираясь оттуда бежать в Сирию. Дахук к тому времени находился в той части Ирака, которую контролировали американцы — так называемой северной свободной зоне по 36-й параллели. Заботу об Алики взял на себя ИНК. Пятьдесят дней моя младшая дочь провела в деревне под Дахуком, скры-

ваясь от «Мухабарат». Приготовления к побегу заняли больше времени, чем планировалось, потому что Алики внезапно заболела. У нее были ужасные боли в животе, никто не знал, что с ней, и в горах невозможно было оказать врачебную помощь. Алики поняла, что ей срочно нужен врач, и связалась с ИНК и своим женихом из Багдада. Жених откликнулся первым. Когда члены ИНК прибыли из Сирии в горы, Алики там не было.

— Она уехала в Багдад со своим женихом, — сказал мне Ник.

Услышав это, я завопила как безумная. В ту минуту я была уверена, что Алики больше нет в живых, что ее убили люди Саддама. Я облачилась в черное одеяние и предалась горю. Но, слава богу, я ошибалась. Жених моей дочери (теперь он ее муж), мой родственник со стороны матери, позаботился об Алики. Он отвез в больницу мою дочь и всячески за ней ухаживал.

После организованной по приказу Саддама Хусейна атаки на курдов на севере Ирака, войны с Кувейтом и массового бегства курдов в соседние страны — Сирию и Иран, США и их союзники приняли решение организовать там свободную зону. Позднее она расширилась дальше на юг, в области, где традиционно проживают курды.

В 1992 году в регионе были проведены свободные выборы, в результате которых было сформировано местное правительство, активно поддерживаемое Западом.

Здесь нужно сделать отступление и рассказать о том, кто такой Азиз аль-Джамали. Он был в Багдаде моим соседом, жившим в небольшом домике недалеко от нашего. Однажды поздно вечером Азиз постучался ко мне в дверь:

— Я умираю, Парисула, помоги мне...

Я отвезла Азиза в больницу, а когда его выписали, продолжала о нем заботиться — приносила ему еду и лекарства, и он быстро поправился. Вот такая история нас связывала.

Богачи часто думают, что деньги делают их лучше других. Им кажется, что им благоволит сам Господь. Но это не так. Богатство приходит и уходит. Никто не знает это лучше, чем я. И я благодарна моей матери за то, что она открыла одну простую истину: вне зависимости от статуса и уровня благосостояния все мы остаемся людьми.

Прошли годы, но когда Алики, больная, возвратилась в Багдад вместе со своим женихом, в больнице ее навестил сосед. Алики удивилась его приходу:

— Зачем ты здесь?

И Азиз со слезами и арабским красноречием поведал, как я когда-то помогла ему, и добавил, что теперь обязан отблагодарить мою семью за заботу. Александра от всего сердца поблагодарила Азиза за визит, а после его ухода нашла у себя под подушкой пачку долларов. Вот такие хорошие у нас друзья. Жизнь — трудная штука. Люди должны помогать друг другу, не ожидая ниче-

го взамен. Добро вернется к тебе добром, когда ты меньше всего будешь об этом думать.

Нам снова пришлось ждать. К тому времени, как Алики поправилась и выписалась из больницы, США развязали войну с Ираком. До меня и моей семьи никому не было дела. Обращались со мной по-прежнему хорошо, но теперь у американцев были другие приоритеты. Меня это не удивляло. У войны свои правила. Но лично для меня ничего не изменилось. Меня заботило только одно — как спасти Алики. У меня в ушах постоянно звучал ее голос: «Мама, заведи меня отсюда».

Я снова и снова обращалась к Нику с просьбой помочь. И однажды он сказал:

— Мы отвезем ее в Сирию. Скажи дочери, чтобы обратилась в греческое посольство в Аммане. Там ей дадут визу и деньги.

...Багдад бомбили каждый день. Только чудом Алики удалось выжить и сбежать в Грецию.

Мы с Лизой ждали Алики в Бангкоке. За это время моя старшая дочь успела познакомиться с молодым человеком из Алжира, которого очень хотела мне представить. Я согласилась, и мы поужинали вместе. Друг Лизы мне понравился. На следующий день мне позволили американцы:

— Кто этот мужчина, с которым вы вчера ужинали?

Я рассказала всю правду. Американцы сообщили, что проверят его на всякий случай. Мне пришлось посвятить в нашу с Лизой ситуацию нового друга дочери и

попросить у него паспорт для проверки. Он очень удивился:

— Как странно. С какой стати я должен рассказывать о себе американцам? Но чего не бывает во время войны...

К счастью, ЦРУ ничего не нашло. Алжирец был вне подозрений. Впоследствии он переехал в Швецию, и ему предложили работу в Гётеборге. Меня и Лизу американцы переправили в Грецию, где нас ждали Алики и Константинос. Мы жили там, пока в один прекрасный день Лиза не сказала мне:

— Я планирую поехать в Швецию.

Я пыталась ее отговорить. Просила подождать. После стольких лет, проведенных в страхе, нашей семье необходим был покой. Но Лиза никого не слушала. Она уехала в Швецию, сказав, что вернется через пару месяцев.

Мы часто говорили по телефону, и Лиза постоянно с радостью повторяла: «Швеция прекрасная страна! Здесь так хорошо!» Ей все там нравилось.

В конце концов Лиза вышла замуж за алжирца и осталась в Гётеборге. Сегодня оба они, а также двое их детей — граждане Швеции. Моя вторая дочь тоже бывает в Швеции наездами со своей семьей.

После того как интервью со мной было показано по телевидению, моя жизнь в Афинах превратилась в хаос. Я не могла и шагу ступить за порог, не рискуя попасть под прицел объективов десятков папарацци, окруживших мой дом. Моих родственников это сильно беспокоило. Страницы газет пестрели моими фотографиями,

недобросовестные журналисты строчили статьи, к которым я не имела никакого отношения. Я тогда жила в доме одного из моих братьев, и он сильно беспокоился за меня, потому что было неизвестно, кто ждет в машине под окнами — назойливый репортер или «Мухабарат».

— Я боюсь, что однажды кто-нибудь откроет входную дверь и получит пулю в лоб, Пари! — говорил брат. — Пулю, предназначенную тебе! Кроме того, угрожают не только тебе. Вся наша семья рискует из-за тебя жизнью.

Американские друзья советовали мне уезжать в США и обещали организовать визу. Но мои дети уже устроили свою жизнь в Европе, и мне не хотелось уехать слишком далеко. В США мне было бы одиноко — да и что бы я там делала?

Гораздо проще было поехать в Швецию, где уже обосновалась моя старшая дочь Лиза. За два дня до истечения временной греческой визы я приземлилась в Швеции. Это было летом 2003 года. Мой побег из Ирака занял целых два года.

Но на этом мои проблемы не закончились. Шведская эмиграционная служба решила: раз я гречанка, я должна предоставить свой греческий паспорт. Я пыталась объяснить, что, хоть я и гречанка и приехала из Греции, паспорта у меня нет. Моя история слишком долгая и запутанная, чтобы им можно было все просто объяснить. Более того, их удивило, что я прошу политического убежища. Для них я была гречанкой, прибывшей в Швецию с иракским паспортом на чужое имя

и временной визой. Каждый раз мне нужно было все объяснять заново, и все безрезультатно.

Миграционная служба пожелала проверить, говорю ли я правду. Я связала их с ЦРУ и в итоге получила государственную защиту и новое имя. Но шведы продолжали настаивать на предоставлении им греческого паспорта. Мне рекомендовали обратиться в посольство Греции и попросить паспорт. Грекам было прекрасно известно, кто я такая. Ни о каком паспорте и речи быть не могло. Для них я уже много лет была иракской проблемой.

Во время очередной встречи я не выдержала.

— Сами езжайте в Грецию и найдите мой паспорт, если думаете, что это так легко! — вскричала я. — Это Саддам сделал так, чтобы мой паспорт исчез! Что мне теперь с этим делать!

Муж Лизы пытался меня успокоить. Но я была сыта по горло всей этой бюрократической волокитой, границами и паспортами. Мне надоело, что меня постоянно куда-нибудь отправляют, чтобы привести в порядок документы. Но разве я могла куда-то уехать? Никто нигде меня не ждал.

Разумеется, и в Швеции я не могу на сто процентов чувствовать себя в безопасности. Здесь проживает много иракцев, у которых есть все причины меня ненавидеть. Одни ненавидели Саддама Хусейна и желали мне смерти за то, что я была его любовницей; другие обожали Хусейна, и теперь они считают меня предательницей, заслуживающей смерти. Я по-прежнему не знаю, кто друг, а кто враг, и благодарна Швеции за то, что мне позволили изменить имя. Тем, кто всю жизнь жил

спокойно, сложно представить, каково жить, не зная, что принесет тебе следующий день. Жизнь на Ближнем Востоке похожа на бурление в кипящем котле или кратере вулкана. В любую секунду может начаться извержение, и раскаленная лава потечет, уничтожая все на своем пути. И никогда не знаешь, от кого ждать удара в спину — от соседа, друга или родственника. Сегодня он твой друг, а завтра — злейший враг.

Однажды утром, направляясь на курсы шведского языка, я пошла не той дорогой, что обычно, и внезапно мои ноздри уловили характерный запах сырой нефти. Терпкий, легко узнаваемый. Я принюхалась. Огляделась по сторонам. Меня словно магнитом тянуло туда, откуда шел этот запах, несмотря на знаки с надписью «Прохода нет». Запах нефти напомнил мне детство. Я иду вместе с папой к нему на работу. Повсюду запах нефти. Слезы хлынули из глаз. Ко мне кто-то подошел, о чем-то спрашивал, но я не могла ничего объяснить. Мое поведение не поддавалось рациональным объяснениям. Я вся была во власти воспоминаний.

В другой раз я была в библиотеке и внезапно почувствовала легкий аромат гардении — смесь клубники и жасмина. Запах шел от комнатного растения в горшке, но он оживил во мне воспоминания о моем саде в Багдаде, и снова я не смогла сдержать слез. Мне вспомнилось все, что я когда-то потеряла. Мой дом, мой сад. Из всех цветов в моем саду больше всего я любила гардению, ее аромат был мне приятнее любых духов.

Тридцать пять лет Саддам Хусейн был частью моей жизни. Я все время чувствовала его присутствие, зримое и незримое. Он всегда был неподалеку. Где бы я ни была и чем бы ни занималось, Саддам был в курсе. Он следовал за мной как тень.

В день его казни я была в Швеции. Не знаю, о чем он думал в тот день, но мне известно, что он отказался от последнего звонка жене. И это меня не удивило. Я даже не удивилась бы, если бы услышала в мобильном телефоне его голос в тот день. Саддам ненавидел проигрывать.

«Я Саддам» до сих пор звучит у меня в ушах.

Саддам Хусейн был воплощением зла, но в нем было место не только злу. Люди — сложные существа, и все в них устроено непросто. Я хорошо знала Саддама, и у меня были все основания его бояться. Саддам был безумен. Ему нравилось убивать, нравилось видеть кровь и страдания людей.

За тридцать пять лет я хорошо изучила Саддама. Я не из тех женщин, кто сидит сложа руки. Я быстро усвоила правила этой опасной игры. Саддам восхищался силой моего характера.

«Ты думаешь, что играешь со мной, Саддам, но это моя игра. Это я играю с тобой. Иди сюда, мой мальчик, моя первая большая любовь, иди ко мне, хабиби...»

Я могла свободно выражать свои мысли, когда Саддам был в настроении меня слушать. Я научилась подстраиваться под его переменчивый характер и научилась понимать Саддаму настроение. «Улыбнись, хабиби! Знаю, ты устал, но теперь ты со мной, иди к твоей Пари...»

Это была игра. Мы оба это знали. Ни один из нас ни на минуту не забывал о том, какую роль каждый играет. На все воля Божья, но в глубине души я всегда знала, что должна выжить и что мне нельзя совершать ошибок.

Я не могу простить Саддама. Не могу простить ему того зла, которое он причинил мне и другим людям. Не могу понять его жажды власти. Не могу понять страсти к разрушению и убийству. Но каждый народ имеет такого правителя, какого заслуживает. Ирак сделал Саддама своим лидером, потому что Саддам его устраивал. По крайней мере, в молодости. Страна хотела видеть на посту президента сильного и властного человека, способного ударить кулаком себя в грудь и сказать: «Я решаю. Я повсюду. Делайте, как я скажу».

Со временем Саддам изменился. Изменились и желания иракцев. Они больше не хотели, чтобы он руководил страной, и тогда Саддам обезумел.

Трудно испытывать по отношению к Саддаму что-либо другое, помимо ненависти, — но я продолжаю считать ненависть разрушительным чувством. Люди должны уметь прощать. Только так они сумеют очиститься. Нельзя всю жизнь жить с ненавистью. Господь

сам накажет виновных, когда придет время, и ни один грех не останется безнаказанным.

Я не забуду тот день, когда по телевизору показали, как американские солдаты вытаскивают из-под земли заросшего и грязного Саддама Хусейна. Мое сердце обливалось кровью, потому что он тоже был человеком. Близким мне человеком.

В тот день мое сердце снова меня предало. Я оказалась в больнице, где ко мне, беспомощной и ослабевшей после очередного сердечного приступа, подошел врач иракского происхождения.

— Я знаю, кто ты, — сказал он мне по-арабски. — Как ты себя чувствуешь?

Но ответить мне помешали рыдания, которые я не могла сдержать. Я не хотела, чтобы меня видели в таком состоянии, — но что я могла поделать, если мое сердце решило за меня?

После того как состоялся суд, и Саддама казнили, мне прислали из США фотографии. Американцы спрашивали:

— Вы уверены, что это действительно Саддам Хусейн?

Я просмотрела снимки. Теперь они все время стоят у меня перед глазами, хотя мне меньше всего хотелось сохранить их в памяти, — но я дала американцам обещание ответить на все их вопросы. Не колеблясь ни минуты, я сказала:

— Да. Теперь Саддам мертв.

Литературно-художественное издание
Документ

Лампсос Парисула
Сванберг Лена Катарина

Непокоренная Моя жизнь с Саддамом Хусейном

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Редактор А. Ю. Серов
Контрольный редактор Л. А. Мухина
Фотография на обложке: *Anna Emilia Lindgren*
Художественное оформление: В. Ю. Шумилов
Компьютерная верстка: А. В. Дятлов
Изготовление макета: ООО «Прогресс РК»

Подписано в печать 04.10.2010 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Original Garamond BT».
Печ. л. 25,0. Тираж 5000 экз.
Заказ № 8450

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«Принцесса Багдада» и повелитель Ирака. Парисула Лампсос и Саддам Хусейн.

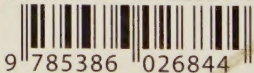
Парисуле Лампсос было всего шестнадцать, когда она познакомилась с Саддамом Хусейном. Единственная дочь богатых родителей-греков, Парисула купалась в роскоши. Ее жизнь состояла из званых ужинов и загородных клубов. Пока в ней не появился Саддам.

Несмотря на запреты родителей, юная Парисула не устояла перед обаянием самого влиятельного человека в Ираке. Будущий президент не мог жениться на иноверке, но и отказаться от светловолосой красавицы он тоже не мог, и Парисула стала его любовницей.

Тридцать лет они были вместе. Тридцать лет Парисула плачивалась за ошибку молодости. Кто она – любовница Саддама Хусейна? Как она смогла полюбить его? Его – последнего в современной истории кровавого диктатора, казненного за свои преступления. Саддам отнял у нее все – мужа, семью, состояние, дав взамен только одно – всепоглощающую страсть, сжигающую обоих, пока на смену ей не пришла ненависть.

Книга также выходит отдельным изданием под названием «Я женщина Саддама».

ISBN 978-5-386-02684-4

9 785386 026844

РИПОД
КЛАССИК

P7-CAH-202